

ДЖЕК ВЭНС

ДЕРДЕЙН

КНИГА II

БРАВАЯ ВОЛЬНИЦА

Русский перевод
Александра Фета

ДЖЕК ВЭНС

ДЕРДЕЙН

КНИГА II

БРАВАЯ ВОЛЬНИЦА

Русский перевод
Александра Фета

БРАВАЯ ВОЛЬНИЦА

The Brave Free Men

Copyright © 1972 by Jack Vance

Translation copyright © 2014 by Alexander Feht

Published by agreement with the author
and the author's agents, The Lotts Agency, Ltd.

Переводчик выражает благодарность Джеку Вэнсу (автору), Игорю Борисенко, Инне
Ослон и многим другим за полезные пояснения, замечания и советы.

Language: Russian

Cover photo: *Lake Bele, Khakassia* by William Sokolenko © 2006

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or
mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval
system, without permission in writing from the Publisher.

Printed in the United States of America by CreateSpace and Feht, Inc.

ISBN-13: 978-1499300871

ISBN-10: 1499300875

Глава 1

Высоко на мансарде гостиницы «Фонтеней» Этцвейн вертелся с боку на бок — сегодня он плохо спал. В конце концов пришлось встать и подойти к окну. Звезды уже бледнели в фиолетовом зареве рассвета. Кое-где на далеких склонах Ушкаделя искрились редкие зеленые уличные фонари, в дворцах эстетов было темно.

«В одном из темных дворцов, — думал Этцвейн, — Человеку Без Лица тоже не спится».

Отвернувшись, он направился к рукомойнику. Перед ним явился призрак — незнакомый в рассветных сумерках, порожденный тенью в закопченном стекле зеркала. Этцвейн приоткрылся. Фантастическое, даже пугающее видение вполне могло отражать его истинную натуру — сардонически кривящийся рот, впалые щеки, свинцовый налет на землистой коже, глаза: черные провалы с тусклыми блестками в глубине. Вот он, во всей красе, Гастель Этцвейн — сначала чистый отрок в храме хилитов, потом нищий оркестрант «Розово-черно-лазурно-глубокозеленой банды», а ныне — обладатель чудовищной власти! Этцвейн назидательно обратился к призраку: «Сегодня произойдут знаменательные события — сегодня Гастель Этцвейн может поплатиться жизнью». Двойник в зеркале не внушал уверенности в обратном.

Этцвейн оделся, спустился по лестнице и вышел на улицу. У ларька на набережной он закусил жареной рыбой с хлебом, размышляя о перспективах предстоящего дня.

В принципе задача была предельно проста. Следовало явиться во дворец Сершанов и заставить Саджарано — Аноме, верховного правителя Шанта — выполнить определенные требования. При первых признаках неповиновения Этцвейну

достаточно было нажать кнопку, чтобы оторвать Саджарано голову — ибо теперь Саджарано носил ошейник, тогда как Этцвейн ошейника не носил. Желаемый результат достигался грубым принуждением — если Саджарано не догадается, что Этцвейн действует в одиночку, без друзей и сообщников, в каком-либо случае положение Этцвейна становилось опасным.

После завтрака Этцвейна ничто не задерживало. Он отправился вверх по проспекту Галиаса. «Саджарано, — думал Этцвейн, — отчаянно пытается найти выход из невыносимой ситуации. Что, например, я мог бы сделать на его месте? Бежать?» Этцвейн сразу остановился. Об этой возможности он не подумал. Из поясной сумки он вынул кодирующий передатчик, в свое время служивший Человеку Без Лица основным средством наказания преступников, и набрал цветовой код ошейника Саджарано. Теперь достаточно было прикоснуться к желтой кнопке, чтобы голова правителя слетела с плеч. Этцвейн нажал красную кнопку поиска. Передатчик тихо загудел — громкость звука изменялась в зависимости от направления. Громче всего металлическая коробка гудела, когда Этцвейн направлял ее в сторону дворца Сершанов. Опустив голову, Этцвейн пошел дальше. Саджарано не сбежал. Следовательно, он мог устроить западню.

Проспект Галиаса выходил на Мармионскую площадь, где фонтан расплескивал молочно-белые воды по изваяниям из лилового стекла. Напротив поднимались к террасам Ушкаделя ступени каскада Коронахе, сооруженного царем Каспаром Пандамоном. Добравшись до Среднего яруса, Этцвейн повернул на восток по дороге, огибавшей склоны крутых холмов. Над ним высился призматический дворец Ксиаллинен — здесь жила Джурджина, «благотворительница» Человека Без Лица. Многим тайнам Этцвейн не мог найти объяснения, и среди них одна смущала его явным противоречием: почему скрытный Саджарано назначил исполнительницей приговоров и шпионкой соблазнительную красавицу, привлекавшую всеобщее внимание?

По мнению Этцвейна, загадка могла объясняться просто. Аноме, как любой другой мужчина, мог испытывать муки любви. Возможно, Джурджина Ксиаллинен холодно отне-

слась к ухаживаниям Саджарано, не отличавшегося ни атлетическими достоинствами, ни отвагой, ни впечатляющими достижениями. Скорее всего, она сама недоумевала: почему Человек Без Лица приказал ей служить и, вдобавок, запретил иметь любовников? Анонимный правитель рассчитывал рано или поздно поручить Джурджине дело, требовавшее проявления благосклонности к Саджарано Сершану — такова, по крайней мере, была гипотеза Этцвейна.

Он приблизился ко дворцу Сершанов — не роскошнее и не беднее прочих обителей ушкадельских аристократов. Задержавшись, Этцвейн еще раз подверг тщательному анализу известные обстоятельства. Следующие полчаса определяют будущее Шанта. Каждая минута теперь имела больше значения, чем все скоротечные дни обычной человеческой жизни. Подняв голову, Этцвейн смотрел на фасад Сершанского дворца. Хрустальные колонны, прозрачнее и светлее воздуха, радужно расщепляли лучи трех солнц, фиолетовые и зеленые стеклянные купола защищали от дождя и ветра просторные залы, где жили, праздновали и умирали шестьдесят поколений Сершанов.

Этцвейн двинулся вперед по крытой сводчатой галерее, прошел к портику парадного крыльца. Ему преградили путь шесть пятиметровых дверей из полупрозрачного стекла толщиной в три пальца. За ними — никакого движения, никаких отсветов. Этцвейн не знал, что делать дальше, почувствовал себя глупо и, естественно, разозлился. Он постучал по стеклу. Костяшки пальцев не производили должного эффекта. Этцвейн стал колотить дверь кулаком. Вскоре из-за угла длинного фасада на садовой дорожке показался человек — Саджарано собственной персоной.

«Это церемониальные двери, — подойдя, мягко сказал правитель Шанта. — Их редко открывают. Если не возражаете, мы могли бы войти там, где ходят все, в том числе я».

В угрюмом молчании Этцвейн последовал за хозяином дворца к боковому крыльцу. Саджарано жестом пригласил его войти. Этцвейн не торопился, пытаясь заметить на лице Аноме признаки подвоха. Саджарано отвечал блуждающей улыбкой — как если бы настороженность Этцвейна его слег-

ка забавляла. Опустив руку в карман и приготовившись нажать на желтую кнопку, Этцвейн прошел во дворец.

«Я ожидал вас, — сказал Саджарано. — Вы завтракали? Сегодня прохладно, не помешает чашка свежего чаю. Не пройти ли нам в утреннюю гостиную?»

Показывая путь, Саджарано провел Этцвейна в залитое солнечным светом помещение с шахматным полом, выложенным плиткой из зеленого и белого нефрита. Слева стена густо заросла темно-зелеными лозами, а напротив простенки между садовыми окнами сияли прозрачно-белым алебастром. Плавным жестом Саджарано предложил Этцвейну сесть в плетеное кресло, отошел к серванту, выбрал несколько деликатесов и налил горячий чай в пару чашек из серебряного дерева.

Этцвейн осторожно сел. Саджарано занял кресло напротив, спиной к высоким, до потолка, окнам. Этцвейн изучал его, расчетливо и недружелюбно. Опять же, Саджарано отвечал едва заметной улыбкой. Человек мелковатый, властелин страны не производил внушительного впечатления. Под широким, высоким лбом притаился инфантильный нос пуговкой, шишечка подбородка тоже скорее пряталась, нежели выделялась. В представлении толпы вездесущий, всемогущий Аноме, Человек Без Лица, ничем не походил на прихотливо-благовоспитанного эстета.

Саджарано прихлебывал чай. «Нужно захватить инициативу», — подумал Этцвейн и натянуто произнес, тщательно выбирая слова: «Я уже упоминал, что представляю влиятельную группу, серьезно обеспокоенную набегами и размножением рогушкоев. Мы считаем, что, если не будут приняты решительные меры, уже через пять лет существованию Шанта придет конец — континент заполонит орда рогушкоев. В качестве Аноме вы обязаны истребить разбойников. Народы Шанта вам доверяют и ждут ваших распоряжений».

Саджарано безразлично кивнул, продолжая цедить чай. Этцвейн не прикасался к своей чашке: «Эти соображения, как вам известно, заставили меня и моих друзей прибегнуть к чрезвычайным средствам убеждения».

Саджарано снова кивнул — вежливо, одобрительно: «Ваши друзья — кто они?»

«Люди, шокированные зверствами рогушкоев».

«Понятно. И в их организации вы занимаете руководящий пост?»

«Я? — Этцвейн удивленно рассмеялся. — Я исполняю поручения».

Саджарано нахмурился: «Было бы разумно допустить, что я знаком с другими представителями вашей группы?»

«Состав организации не имеет значения, гораздо важнее ее цели», — уклонился Этцвейн.

«Допустим, что так — хотя я предпочел бы знать, с кем имею дело».

«Вам не придется ни с кем иметь дело. Соберите армию, выгоните рогушкоев — назад в Паласедру. Это все, что требуется».

«По-вашему, все так просто, — Саджарано чуть наклонил голову. — Еще один вопрос. На Джурджину Ксиаллинен произвели впечатление замечательные способности и возможности некоего Ифнесса. Признаюсь, мне любопытно было бы узнать о нем подробнее».

«Ифнесс — удивительный человек, — согласился Этцвейн. — Как быть с рогушкоями, однако? Что вы предлагаете?»

Саджарано положил в рот ломтик фрукта: «Я внимательно оценил сложившуюся ситуацию и пришел к следующим выводам. Аноме остается правителем Шанта постольку, поскольку в его руках — жизнь каждого гражданина страны, в то время как он сам никому не известен и недоступен. Таково положение Аноме по определению. Мое положение больше не соответствует этому определению — я ношу ошейник. Я не могу нести ответственность за государственную политику и за какие-либо действия, выходящие за пределы моих личных интересов. Короче говоря, я ничего не предлагаю».

«Ничего? Кто будет выполнять ваши повседневные обязанности?»

«Я отрекаюсь и передаю их вам и вашей группе. Власть у вас в руках: вы несете бремя ответственности». Заметив, как помрачнел Этцвейн, Саджарано рассмеялся: «По-вашему, я

обязан прилагать истерические усилия, внедряя более чем сомнительную политику? Полнейший абсурд!»

«Должен ли я понимать вас таким образом, что вы больше не считаете себя правителем страны?»

«Совершенно верно. Человек Без Лица может действовать только при условии, что его никто не знает. Вы меня обнаружили. Я известен вам, Джурджине Ксиаллинен, другим членам вашей организации. Следовательно, я больше не способен выполнять функции Аноме».

«Кто же их будет выполнять?»

Саджарано пожал плечами: «Вы, ваш приятель Ифнесс, кто-нибудь еще из ваших сообщников. Повторяю: власть у вас в руках, вы несете бремя ответственности».

Этцвейн хмурился. К такому повороту событий он не готовился. Он ожидал чего угодно — упрямства, угроз, презрения, гнева — но не пассивной, безвольной сдачи всех позиций. Саджарано отказывался от прерогатив с подозрительной легкостью. Этцвейн встревожился — наследник Сершанов значительно превосходил его в искусстве плести интриги и делать притворные уступки. Этцвейн осторожно спросил: «Вы согласны с нами сотрудничать?»

«Я буду выполнять приказы, безусловно».

«Прекрасно. Во-первых, необходимо объявить чрезвычайное положение по всей стране, сообщить во всеуслышание о существовании опасности и не оставить ни у кого никаких сомнений в том, что организуется широкомасштабное сопротивление».

Саджарано вежливо прокашлялся: «Это несложно устроить. Учитывайте, однако, что Шант населяют не меньше тридцати миллионов человек. Если все они узнают о введении чрезвычайного положения, могут начаться волнения».

«Согласен, могут. Во-вторых, необходимо срочно эвакуировать женщин из всех кантонов, окружающих Хванские Дебри».

Стараясь не оскорбить собеседника, Саджарано, однако, покосился на него с недоумением: «Эвакуировать — куда?»

«В прибрежные районы».

Саджарано сжал маленький рот в розовый бутон: «Это совсем не просто. Где они будут жить? Возьмут ли они с собой детей? Что станет с их жилищами, с повседневной работой? Вы говорите о двадцати, даже тридцати кантонах. Представляете ли вы, сколько там женщин?»

«Именно поэтому их следует немедленно вывезти, — кивнул Этцвейн. — Если тысячи женщин забеременеют от рогушкоев, орда увеличится тысячекратно».

Саджарано повел плечами: «Я упомянул о других трудностях. Ими невозможно пренебрегать».

«Административные детали», — сказал Этцвейн.

«Кто будет ими заниматься? Я, вы, ваша группа? — тон Саджарано становился покровительственным. — Планировать следует исходя из практических возможностей».

Стратегия отрекшегося Аноме становилась очевидной. Он не оказывал активного сопротивления, но и не собирался ничем помогать, рассчитывая посеять сомнения и раздоры в стане противника всеми доступными средствами.

«В-третьих, — сказал Этцвейн, — Аноме должен издать приказ о созыве национального ополчения».

Этцвейн ждал возражений. Саджарано не замедлил оправдать его ожидания: «Сожалею, что мне приходится выступать в роли придирчивого критика и капитулянта. Тем не менее должен отметить, что отдавать приказы гораздо легче, чем добиваться их выполнения. Сомневаюсь, что вы хорошо представляете себе всю сложность общественных отношений в Шанте. Шестьдесят два кантона не объединены ничем, кроме общего языка».

«Вы забыли о музыке и цветописи.¹ Кроме того, каждый гражданин Шанта, за исключением, по всей видимости, одного Саджарано Сершана, напуган и ожесточен набегам рогушкоев. У кантонов больше оснований для единства, чем вы думаете».

¹ Цветопись («азль-скиан» на языке Шанта): точнее, традиционная система цветового символизма, выражения идей и эмоций оттенками и сочетаниями цветов. В Шанте цветовой символизм играет чрезвычайно важную роль, добавляя к человеческому восприятию дополнительное измерение, подобное музыке.

Мизинец Саджарано раздраженно дернулся: «Позвольте снова перечислить труднопреодолимые препятствия. Может быть вы все-таки поймете, почему я отказался от вмешательства, чреватого далеко идущими осложнениями. Командование объединенными ополчениями шестидесяти двух различных кантонов, где преобладают несовместимые представления о жизни и ценностях — само по себе непосильная задача. Необходим опытный офицерский состав — а я один, не считая помощницы-благотворительницы».

«По-вашему, мои предложения непрактичны и безответственны, — сказал Этцвейн. — Каковы, в таком случае, ваши собственные планы?»

Саджарано вздохнул: «Опыт научил меня тому, что не каждую проблему можно решить. Многие нежелательные явления, на первый взгляд требующие срочного вмешательства, исчерпывают себя и постепенно исчезают, если их игнорируют достаточно долго... Не желаете ли еще чаю?»

Этцвейн, не хотевший чаю, жестом отказался.

Саджарано откинулся на спинку кресла и задумчиво продолжил: «Созыв предлагаемого вами ополчения непрактичен еще по одной причине — пожалуй, самой весомой из всех. Он ни к чему не приведет».

«Что заставляет вас сделать такой вывод?»

«Вывод очевиден. Всякий раз, когда требуется решить ту или иную проблему — устранить опасность, выполнить неприятные обязанности — население полагается на Человека Без Лица. Народ сетует на рогушкоев — вы, конечно же, выслушали много жалоб такого рода. От кого ожидают избавления, кому предъявляют претензии? За все отвечает Человек Без Лица. Аноме стоит только издать указ, и все будет хорошо, все опасности исчезнут, все неприятности улетучатся. Да, Аноме поддерживал порядок, обеспечивал спокойствие две тысячи лет — отец народов, вождь, покровитель! Но он так же неспособен защитить население от стихийного нашествия, как отец своих детей — от бушующего в море урагана».

Этцвейн молчал. Саджарано смотрел на него с напряжением, не ввязавшимся с рассудительным тоном. Взгляд эстета опустился к чашке чая, остывавшей перед Этцвейном. Неле-

пое подозрение осенило Этцвейна: не собирался же Саджарано, в самом деле, его отравить!

Этцвейн произнес: «Ваша точка зрения любопытна, но вы ограничиваетесь оправданием бездействия. Наша организация настаивает на решительных мерах. Повторяю: необходимо, во-первых, объявить чрезвычайное положение, во-вторых, эвакуировать женщин, населяющих прилегающие к Хванскому хребту районы, в-третьих, сформировать и обучить ополчение в каждом из кантонов. В-четвертых, вы должны назначить меня исполнительным директором с полномочиями, не уступающими вашим. Если вы кончили завтракать, приступим к осуществлению этой программы немедленно. Начнем с провозглашения новой политики».

«Что, если я откажусь?»

Этцвейн вынул из кармана небольшую металлическую коробку: «Я оторву вам голову».

Саджарано откусил кусочек вафли: «Убедительный довод». Отхлебнув чаю, он жестом пригласил Этцвейна последовать его примеру: «Вы так и не пробовали? Чай выращивают у меня в имении».

Этцвейн быстро пододвинул свою чашку к собеседнику: «Выпейте».

Саджарано поднял брови: «Это ваш чай».

«Пейте! — хрипло потребовал Этцвейн. — Или придется допустить, что мне подмешали снотворное или яд».

«Человеку моего происхождения в голову не пришла бы столь вульгарная мысль!» — звонко повысил голос Саджарано.

«Если вы рассчитывали, что я не стал бы ожидать от вас столь вульгарной мысли, она внезапно становится достаточно утонченной! Вы отведете подозрение, только отведав приготовленного для меня чаю».

«Я не позволю себя запугивать!» — прошипел Саджарано и постучал пальцами по столу. Краем глаза Этцвейн заметил дрожание темно-зеленой завесы плюща — там что-то блеснуло. Этцвейн отшатнулся. Из рукава к нему в ладонь выскользнула трубка универсального детонатора, конфискованная у Саджарано. Этцвейн направил трубку на плющ. Саджарано

оглушительно завизжал. Этцвейн нажал на кнопку. За занавесом плюща хлопнул взрыв. Опрокидывая стол, Саджарано бросился на Этцвейна: «Убийца, убийца! О ужас, кровь! Мечта моя, любовь моя...»

Этцвейн ударил Саджарано кулаком. Тот упал на коврик у серванта и лежал, сотрясаясь стонущими рыданиями. Из-под плющевой завесы по нефритовым плиткам расползлась большая темно-красная лужа.

Этцвейн с трудом сдерживал рвоту. Все кружилось и плясало у него в глазах. Он пнул Саджарано, поднявшего желтое лицо со слюнявым ртом. «Вставай! — орал Этцвейн. — Смерть Джурджины — на твоей совести, мерзавец, ты ее убил! Убил мою мать, мою сестру! Если б рогушкоев раздавили давным-давно, ничего бы этого не было, ничего!» Он снова пнул правителя: «Вставай, или не сносить тебе головы!»

Всхлипывая, шатаясь, Саджарано поднялся на ноги.

«Приказал Джурджине спрятаться, прикончить меня по сигналу?» — угрожающе сжал кулак Этцвейн.

«Нет, не так! У нее шприц-самострел!»

«Безумие! Как вы надеялись остаться в живых? В чае — яд?»

«Снотворное».

«Какой смысл меня усыплять? Отвечайте!»

Саджарано только мотал головой. Он потерял всякое достоинство — более того, бил себя ладонью по лбу, будто старался заставить себя не думать, не слышать, не видеть.

Этцвейн тряс его за плечи: «Чего вы добиваетесь? Зачем меня усыплять? Мои друзья убили бы вас в любом случае!»

Саджарано лепетал: «Душа... внутренний голос...»

«С этой минуты я — ваша душа, я — ваш внутренний голос! Понятно? Как вы отдаете приказы? Мне нужно знать, как связаться с дискриминаторами,² с кантональными правительствами. Пошли!»

² Дискриминаторы (на языке Шанта — «ави стиои», буквально «чуткие избиратели»): полиция гарвийской Эстетической Корпорации, единственное хорошо организованное правоохранительное учреждение в Шанте.

Поникнув пухлыми плечами, Саджарано привел Этцвейна к закрытой на замок двери в глубине полутемного кабинета. Набрав код на кнопочной клавиатуре замка, правитель и дышавший ему в спину Этцвейн взойшли по узкой винтовой лестнице в просторное помещение, откуда открывался широкий вид на Гарвий.

На скамье вдоль стены стояли большие стеклянные ящики. Саджарано неопределенно махнул рукой: «Система радиосвязи. Узко сфокусированный луч принимается ретранслятором в скалах Верхнего Ушкаделя — сигнал не прослушивается из города. Вот кнопки связи с ведомством печати и радиовещания, с Дискриминатурой, с Советом кантонов, с ведомством жалоб и прошений. Фильтрующее устройство изменяет тембр голоса».

«Что, если говорить буду я? — спросил Этцвейн. — Кто-нибудь заметит разницу?»

Саджарано морщился. Глаза его помутнели, как от сильной боли: «Никто не узнает. Вы намерены стать Человеком Без Лица?»

«У меня нет таких намерений».

«Фактически вы уже им стали. Я складываю все полномочия».

«Как вы отвечаете на петиции?»

«Этим занимался Гарстанг. Я регулярно проверял его работу, просматривая ответы на стене объявлений. Иногда он советовался со мной, но такое бывало не часто».

«Когда вы передаете приказы, как обращаетесь к подчиненным?»

«Очень просто. Я говорю: «Аноме желает, чтобы такое-то должностное лицо сделало то-то и то-то». Вот и все».

«Хорошо. Вызовите ведомство печати и остальные управления. Вы должны сказать, в точности, следующее:

«Возмущенный грабежами и насилием рогушкоев, Аноме провозглашает чрезвычайное положение. Население Шанта должно приготовить и использовать все возможные средства уничтожения бандитов.»»

Саджарано покачал головой: «Я не могу произнести эти слова. Вам придется говорить самому». Казалось, свергнутый правитель был близок к обмороку. Он судорожно сжимал и разжимал кулаки, глаза его метались из стороны в сторону, на коже проступили желтые пятна.

«Почему вы не можете сказать несколько слов?»

«Они противоречат моему... внутреннему голосу, я... не могу участвовать в вашем предприятии. Вы повергнете страну в хаос!»

«Если мы не истребим рогушкоев, Шант погибнет, и нигде будет даже хаос устраивать! Покажите, как работает радио».

Подбородок Саджарано дрожал — на мгновение показалось, что он откажется. Эстет сказал, однако: «Переключите рубильник, поверните круглую зеленую ручку, она засветится. Нажмите кнопку выбора ведомства, потом лиловую кнопку вызова. Когда лиловая кнопка начнет мигать, говорите — вас услышат».

Этцвейн приблизился к скамье. Саджарано тихонько отступил на пару шагов. Этцвейн притворился, что изучает приборы. Саджарано метнулся к двери, выбежал, захлопнул дверь. Этцвейн, бросившийся следом, уже вставил ногу в проем. Саджарано налег снаружи, Этцвейн изнутри. Этцвейн был молод и силен, Саджарано упирался с истерической, лихорадочной энергией. Головы противников, пыхтевших с двух сторон широкой щели, почти соприкасались. Глаза Саджарано пучились, язык вывалился. Этцвейн давил. Саджарано медленно отъехал вместе с дверью и сдался. Дверь распахнулась.

Этцвейн вежливо спросил: «Кто живет во дворце — кроме вас?»

«Только прислуга», — выдавил тяжело дышавший правитель.

«Радио подождет, — сказал Этцвейн. — Сперва придется заняться вами».

Саджарано стоял, опустив плечи. Этцвейн повернулся: «Пойдемте. Двери оставьте открытыми. Дайте указания прислуге: я и мои друзья вселяемся во дворец!»

Саджарано обреченно вздохнул: «Что сделают со мной?»

«Будете сотрудничать — живите как хотите».

«Постараюсь, попробую, — сказал Саджарано неожиданно постаревшим голосом. — Нужно же пытаться, пытаться... Я скажу Аганте, дворецкому. Сколько человек придет? Я вел одинокую жизнь... много лет».

«Мне придется кое с кем посоветоваться».

Глава 2

Усыпленный наркотиком Саджарано лежал в спальне. Этцвейн размышлял, стоя в обширном вестибюле дворца. Что делать с телом девушки? Непонятно. Приказывать слугам убрать ее было бы неосторожно. Пусть остается в гостиной, пока не станет ясно, как повернутся события... Соблазнительная Джурджина! Воплощение грации и живости превратилось в изуродованный труп. Саджарано не вызывал ярости. Раздражаться было бессмысленно — правитель сошел с ума.

Самое неотложное дело: провозглашение новой политики. Этцвейн вернулся в помещение радиостанции и записал на листе бумаги текст воззвания, с его точки зрения краткий и выразительный, после чего включил передатчик, поворачивая ручки и нажимая кнопки согласно инструкциям Саджарано. В первую очередь он вызвал ведомство печати и радиовещания.

Загорелась и стала мигать лиловая стеклянная кнопка.

Этцвейн заговорил: «Аноме приказывает опубликовать по всему Шанту следующую декларацию:

«В связи с опасным распространением рогушкеев в горных кантонах Аноме объявляет в стране чрезвычайное положение, вступающее в силу немедленно.

Несколько лет Аноме пытался остановить захватчиков, прибегая к мирным средствам убеждения. Эти попытки не увенчались успехом. Теперь мы вынуждены действовать, используя все ресурсы, доступные народам Шанта. Рогушкой будут истреблены или изгнаны в Паласедру!

Рогушкой свойственна неестественная похоть, от нее уже пострадали многие женщины. Для того, чтобы свести к минимуму число дальнейших изнасилований, Аноме приказывает всем женщинам покинуть граничащие с Дебрями кан-

тоны и переселиться в приморские районы, где власти обязаны обеспечить все необходимое для их безопасного временного проживания, в том числе кров и пищу.

В то же время власти каждого кантона должны сформировать ополчение из способных носить оружие мужчин, призывая не менее одного рекрута из каждых ста жителей. Дальнейшие указы, относящиеся к созданию национальных вооруженных сил, последуют в свое время. Кантональные власти, однако, обязаны немедленно приступить к вербовке личного состава. Задержки недопустимы и будут сурово караться.

В ближайшем будущем Аноме выступит с дополнительными объявлениями. Исполнительным директором, ответственным за координацию действий, назначается Гастель Этцвейн. Ему поручается руководство практическим осуществлением поставленных задач. Он представляет Аноме и говорит от имени Аноме. Все его указания должны беспрекословно выполняться».

Этцвейн вызвал главного дискриминатора Гарвия и снова прочел декларацию: «Гастелю Этцвейну надлежит подчиняться так, как если бы он сам был Человеком Без Лица. Все ясно?»

В ответ прозвучал голос главного дискриминатора: «Гастелю Этцвейну будет оказано всевозможное содействие. Осмелюсь заметить, ваше превосходительство, что новую политику будут приветствовать во всех кантонах Шанта. Мы очень рады, что вы наконец приступили к делу!»

«Такова воля Шанта, — заявил Этцвейн. — Я ее выражаю и выполняю. Один, я никто и ничто!»

«Разумеется, совершенно верно, — поспешил согласиться дискриминатор. — Будут дополнительные указания?»

«Да. Я хочу, чтобы завтра в полдень, в управлении Корпорации, собрались самые опытные гарвийские технисты. Потребуется их рекомендации, касающиеся производства и применения различных видов оружия».

«Будет сделано».

«На данный момент это все».

Этцвейн осмотрел помещения Сершанского дворца. Прислуга следила за ним с подозрением, недоуменно ворча. Элегантная роскошь залов и галерей превосходила любые потуги воображения бродячего музыканта. Взору его открывались сокровища, накопленные за тысячи лет — стеклянные колонны, инкрустированные серебряными геральдическими знаками и астрологическими символами, анфилады приемных и гостиных, бледно-голубых и темно-розовых, стены, сплошь сияющие витранными³ пейзажами, мебель и фарфор, доставшиеся от далеких предков, великолепные ковры из Массеаха и Кансума, ряды серебряных и золотых масок, искаженных гневом и злорадным торжеством — лучшие образцы из погребальных кладов, разграбленных отчаянными смельчаками на плоскогорьях внутреннего Караза.

«И мне, — думал Этцвейн, — мог бы принадлежать такой дворец! Абсурд! Гастель Этцвейн, невзначай порожденный скучающим бродячим музыкантом и рабыней, принимавшей путников в хижине на Аллее Рододендронов, отныне по иронии судьбы — признавая фактическое положение дел — Аноме, безликий, безымянный самодержец Шанта!»

Этцвейн разочарованно пожал плечами. В юности он знал нужду — каждый бережливо отложенный флорин составлял ничтожную часть выкупа, необходимого для освобождения матери из крепостного долга. А теперь в его распоряжении все сокровища Шанта! Поздно, поздно... ее они уже не спасут. И что, черт побери, делать с трупом в утренней гостиной?

³ Витран: уникальный, применявшийся только в Гарвии процесс изображения. Художник и подмастерья использовали миниатюрные палочки цветного стекла, длиной чуть больше шести миллиметров и диаметром около миллиметра; палочки эти наклеивались, одна за одной, на основу из притертого стекла. Законченная работа, подсвеченная снаружи, представляла собой пейзаж, портрет или орнаментальный узор, интенсивностью, живостью и внутренней силой цветовых сочетаний превосходивший любые образцы изобразительного искусства, изготовленные другими методами. Картина светилась тончайшими оттенками, позволяла различить мельчайшие детали и поражала глубиной перспективы. Создание даже небольшого витранного полотна требовало невероятных затрат труда и времени — на один квадратный метр основы наносилось шестьсот сорок пять тысяч стеклянных «мазков»!

Опустившись в кресло посреди библиотеки, Этцвейн погрузился в невеселые думы. Поступки Саджарано свидетельствовали о роковом помешательстве — человек, вынашивающий коварные замыслы, не стал бы вести себя столь опрометчиво. Почему они не могли откровенно объясниться? Даже с глупцом можно договориться, даже преступника можно запугать. Безнадежная ситуация! Саджарано не мог проводить сутки за сутками, лежа в наркотическом оцепенении — ему нужно же было когда-то есть и пить! А в любом другом состоянии он представлял смертельную опасность. Оставалось только оторвать ему голову.

Этцвейн скорчил гримасу. Как не хватало Ифнесса — всегда находчивого, всегда хладнокровного! Незаменимый Ифнесс вернулся на Землю. Ногодились бы и любые другие союзники.

На кого можно было положиться? На маэстро Фролитца и «Розово-черно-лазурно-глубокозеленую банду»? Чепуха! Этцвейн немедленно отверг появившуюся было мысль. Кто еще? Дайстар, его отец. Второе, полузабытое имя всплыло из глубины памяти: Джерд Финнерак.

Обоих он почти не знал. Дайстар даже не подозревал о существовании сына-музыканта. Однажды Этцвейну привелось услышать импровизацию Дайстара — он догадывался о том, что творилось в душе знаменитого друидийна. Финнерак — в тот далекий день, когда он повстречался двенадцатилетнему Этцвейну на развязке воздушной дороги — был крепко сложенным молодым человеком с решительным загорелым лицом и русыми волосами, побелевшими в лучах горных солнц. Финнерак не обидел бежавшего от хилитов заморыша, пойманного и проданного поставщику крепостных бурлаков. Финнерак даже советовал еще не окольцованному Этцвейну бежать с нависшей над двумя ущельями платформы Ангвинской развязки. Где он теперь, Джерд Финнерак? Как обошлась с ним жизнь?

Этцвейн прошел в кабинет, поднялся по винтовой лестнице радиостанции, вызвал главного дискриминатора и потребовал получить из управления воздушной дороги информацию о работнике по имени Джерд Финнерак.

Заглянув в спальню, Этцвейн увидел Саджарано, безвольно развалившегося в наркотическом сне, нахмурился и прикрыл дверь. Спустившись в огромный приемный зал, Этцвейн подозвал лакея и послал его в гостиницу «Фонтеней» — найти маэстро Фролитца и привезти его в Сершанский дворец.

Немного погодя прибыл Фролитц — с вызывающим видом, но порядком напуганный. Обнаружив у входа Этцвейна, старый музыкант сразу остановился, нахохлившись, как встревоженная птица.

«Заходите, заходите!» — пригласил Этцвейн. Отпустив лакея, он провел Фролитца в большой приемный зал: «Садитесь. Хотите чаю?»

«Не откажусь, — отвечал Фролитц. — Может быть, ты соизволишь мне объяснить, что происходит и как ты здесь оказался?»

«Странная получилась история, — сказал Этцвейн. — Как вы знаете, недавно я подал жалобу Человеку Без Лица, уплатив пятьсот флоринов».

«Знаю. Дурак ты после этого».

«Как выяснилось, не совсем. Аноме согласился с моими доводами и попросил меня помочь правительству организовать вооруженное сопротивление рогушкам... гм... по всей стране».

Фролитц прищурился, открыв рот: «Как ты сказал? Аноме «попросил» Гастеля Этцвейна, бродягу-хитаниста... Бред! Тебя кто-нибудь треснул по голове?»

«Бред наяву, если хотите. Кому-то же нужно этим заниматься. Я согласился. Кроме того, я предложил Аноме услуги вашей трупы... Предложение принято».

Фролитц, второпях не успевший сбрить седую щетину, разинул рот еще шире. В глазах у него загорелись издевательские искорки: «Давай, давай, рассказывай! У рогушкеев поджилки трясутся: с победным маршем наступают маэстро Фролитц и его кровожадный оркестр! Враг деморализован, музыка спасает Шант. Почему мне самому не пришла в голову такая блестящая идея?»

«Я понимаю, ситуация необычна, — терпеливо отозвался Этцвейн. — Но посмотрите вокруг, убедитесь сами».

Фролитц признал необычность обстановки: «Мы тут расселись, как эстеты, в сказочно роскошном дворце. О чем это говорит и что из этого следует?»

«Только то, что я сказал. Мы должны помочь Аноме».

Охваченный новыми подозрениями, Фролитц беспокойно изучал лицо Этцвейна: «Одно ясно и не подлежит никакому обсуждению: я — музыкант, а не полководец. Кроме того, я слишком стар, чтобы воевать».

«Ни вам, ни мне не придется драться с саблями в руках, — успокоил его Этцвейн. — Нам поручены обязанности более конфиденциального и, естественно, прибыльного характера».

«Что придется скрывать и сколько мы получим?»

«Мы во дворце Сершанов, — сказал Этцвейн. — Здесь мы должны поселиться — вы, я, вся труппа. Нас устроят, как эстетов, будут кормить, как эстетов. Обязанности достаточно просты — но прежде, чем я стану вдаваться в подробности, мне нужно знать, как вы относитесь к перспективе провести некоторое время во дворце».

Фролитц почесал в затылке, взъерошив редкие седые волосы: «Ты упомянул о прибыли. По крайней мере, это замечание напоминает бывшего Гастеля Этцвейна, молившегося на каждый флорин, как на умирающего святого. Все остальное больше похоже на галлюцинации — ты, часом, не пробовал курить гальгу?»

«Мы сидим в Сершанском дворце: разве это галлюцинация? Согласен, нам предлагают неожиданную работу — но, как вы знаете, в жизни происходят самые странные вещи».

«С этим невозможно спорить! Жизнь музыканта полна неожиданностей... Разумеется, я ничего не имею против того, чтобы пожить во дворце Сершанов, если хозяева не возражают... Ты не вознамерился, случаем, шутки шутить? Того и гляди, сошлют старого Фролитца на остров Каменотесов — туда плыть две недели, а я не выношу морской качки!»

«Никаких подвохов, клянусь вам! Как насчет труппы — они согласятся?»

«Разве они откажутся от такой возможности? Хорошо, допустим на минуту, что все это не розыгрыш и не какая-нибудь дикая махинация — в чем состоят наши обязанности?»

«Опять же вы скажете, что я вас разыгрываю, — предупредил Этцвейн. — Аноме хочет, чтобы Саджарано Сершан находился в закрытом помещении под постоянным наблюдением. Грубо говоря, он под домашним арестом. Наша функция — его стеречь».

Фролитц крикнул: «Из огня да в полымя! Если Аноме полагает, что музыканты — самые подходящие тюремщики, почему бы ему не приказать тюремщикам гастролить с концертами?»

«Дело не пойдет так далеко, — заверил Этцвейн. — По существу мне поручено найти нескольких надежных людей, умеющих держать язык за зубами. Я сразу подумал о вашей труппе. Как я упомянул, нам хорошо заплатят. В частности, мне разрешено заказать новые инструменты для всех оркестрантов — самые лучшие древороги с медными и золотыми кольцами, хитаны из черной каразской сосны с бронзовыми петлями и зажимами, серебряные тринголеты — все, что нужно, все самого высокого качества. Расходы за счет казны».

Фролитц растерянно смотрел на ученика: «Ты все это можешь достать?»

«Могу».

«В таком случае рассчитывай на охотное содействие труппы. В самом деле, давно пора сделать перерыв и отдохнуть».

Саджарано Сершан занимал апартаменты в верхних этажах высокой башни жемчужного стекла — с теневой, задней стороны дворца. Поднявшись туда, Этцвейн обнаружил бывшего правителя сидящим в скромно-непринужденной позе на зеленом атласном диване. Саджарано складывал на столешнице мозаичную головоломку из желтоватых костяных пластинок. Лицо его осунулось, кожа приобрела оттенок старого пергамента, покрылась сетью мелких морщинок. Владелец дворца сдержанно приветствовал Этцвейна, но не хотел встречаться с ним глазами.

«Первый шаг сделан, — сообщил Этцвейн. — Вооруженные силы Шанта мобилизуются и скоро выступят против рогушкостей».

«Надеюсь, решать проблемы будет так же легко, как их создавать», — сухо сказал Саджарано.

Этцвейн сел напротив, в кресло из белого дерева: «Ваши взгляды не изменились?»

«Конечно, нет. Мои взгляды основаны на многолетнем опыте».

«Может быть вы согласитесь все же не вставлять мне палки в колеса?»

«Власть в ваших руках, — произнес Саджарано, нагнувшись над головоломкой. — Мне остается только подчиняться».

«Вы это говорили и раньше. А потом попытались меня отравить», — напомнил Этцвейн.

Саджарано безразлично пожал плечами: «Я подчинился внушению внутреннего голоса».

«Хмф... И что же внутренний голос внушает вам теперь?»

«Ничего. С вами в мой дом пришла беда. Я хочу одного — остаться в уединении».

«Ваше желание будет удовлетворено, — сказал Этцвейн. — В течение некоторого времени, пока не выяснится дальнейший ход событий, группа музыкантов — моих знакомых и коллег — проследит за тем, чтобы ваше уединение не нарушалось. Это наименьшее из неудобств, возможных в сложившейся ситуации. Надеюсь, вас оно не слишком отяготит».

«Нисколько — если они не станут репетировать или устраивать пьяные потасовки».

Этцвейн посмотрел в окно, на густые леса Верхнего Ушкаделя: «Как убрать тело из утренней гостиной?»

Саджарано ответил очень тихо: «Нажмите кнопку у двери — придет Аганте».

Явился дворецкий. «В утренней гостиной вы найдете тело, — сказал ему Саджарано. — Закопайте его, утопите в озере Суалле, избавьтесь от него любым способом по вашему усмотрению — но так, чтобы об этом никто не знал. Вернувшись, приберите в гостиной».

Аганте молча поклонился и ушел.

Саджарано повернулся к Этцвейну: «Чего еще вы от меня хотите?»

«Я должен воспользоваться средствами государственной казны. Каковы установленные правила?»

Губы Саджарано скривились в презрительной усмешке. Он небрежно отодвинул тонкие костяные пластинки: «Пойдемте».

Они спустились в кабинет Саджарано, где владелец дворца остановился — так, будто его поразила какая-то мысль. Этцвейн опасался очередной безумной выходки и демонстративно, с угрозой опустил руку в карман. Саджарано едва заметно повел плечами — каково бы ни было его намерение, он, по-видимому, от него отказался. Эстет извлек из шкафа пачку платежных чеков. Этцвейн осторожно приблизился, не снимая палец с желтой кнопки. Но Саджарано не думал сопротивляться. Он поспешно пробормотал, будто боялся, что его услышат: «Вы проводите смелую политику, я не могу... Возможно, вы правы; возможно, я слишком долго прятал голову в песок... Иногда мне кажется... что я живу в кошмарном сне».

Эстет монотонно разъяснил Этцвейну, как заполняются и предъявляются чеки.

«Между нами не должно быть недоразумений, — сказал ему Этцвейн. — Вам запрещается покидать дворец, пользоваться радио, посылать слуг с поручениями, принимать друзей и гостей. Мы не причиним вам никакого ущерба, если вы не сделаете ничего, вызывающего подозрения».

Фролитц уже прибыл с трупной во дворец. Этцвейн позвал его, представил ему Саджарано. Фролитц поклонился — иронически, но достаточно дружелюбно: «Мне предстоит выполнять непривычные обязанности. Надеюсь, мы сможем обойтись без излишних волнений и беспокойств».

«Я ничего так не хочу, как избавиться, наконец, от волнений и беспокойств, — с горечью ответил Саджарано и повернулся к Этцвейну. — Я больше не нужен? Или у вас есть еще какие-нибудь вопросы?»

«В данный момент вопросов нет».

Саджарано вернулся в жемчужно-стеклянную башню. Фролитц хитро покосился на Этцвейна: «Возникает впечатление, что содержание эстета в заключении — не самая важная из твоих обязанностей».

«Впечатление вас не обманывает, — признал Этцвейн. — Чтобы удовлетворить ваше любопытство...»

«Ничего не говори, ничего! — закричал Фролитц. — Чем меньше я знаю, тем меньше претензий ко мне можно предъявить!»

«Как вам угодно, — Этцвейн показал старому музыканту дверь, ведущую на винтовую лестницу радиостанции. — Сюда Саджарано нельзя пускать ни в коем случае! Не забудьте!»

«Смелое запрещение, — заметил Фролитц, — учитывая тот факт, что он — владелец дворца».

«Тем не менее, сюда ему заходить нельзя. Кто-то должен постоянно оставаться в кабинете и сторожить вход на лестницу — днем и ночью».

«Неудобно. Репетировать нужно в полном составе — ты же знаешь».

«Репетируйте здесь, в кабинете». Этцвейн нажал кнопку вызова. Явился Аганте.

«Нам придется на какое-то время нарушить привычный распорядок жизни во дворце, — сказал дворецкому Этцвейн. — Честно говоря, Аноме приказал содержать Саджарано под домашним арестом. Маэстро Фролитцу и его труппе поручено проследить за выполнением приказа. Они рассчитывают на ваше безусловное содействие».

Аганте поклонился: «Я на службе у его превосходительства Саджарано Сершана. Он изъявил желание, чтобы я выполнял ваши указания. Следовательно, я к вашим услугам».

«Превосходно. Мое первое указание таково: каковы бы ни были поручения Саджарано, вам запрещается делать что-либо препятствующее осуществлению наших официальных полномочий. Это понятно?»

«Понятно, ваше превосходительство».

«Если Саджарано отдаст приказ, противоречащий условиям его домашнего ареста, вы обязаны сообщить об этом мне или маэстро Фролитцу и ожидать наших инструкций. Послед-

ствия неповиновения очень серьезны. Сегодня у вас была возможность наблюдать эти последствия в утренней гостиной».

«Ваше превосходительство не могли выразиться яснее». АгANTE удалился.

Этцвейн обратился к Фролитцу: «Мазстро, с этой минуты вам предстоит контролировать ситуацию. Будьте бдительны! Саджарано — находчивый и отчаянный человек».

«В находчивости ему меня не перещеголять! — провозгласил Фролитц. — Когда мы в последний раз играли «Критери меланхине», Лурнус всех подвел позорнейшим образом, но я сразу смодулировал в тональность седьмой ступени, и никто ничего не заметил — помнишь? Это ли не находчивость? А кто запер балладиста Барндарта в нужнике, когда он не хотел уступать нам сцену? Находчивость — мое форте!»

«Вы меня убедили — я спокоен», — отозвался Этцвейн.

Фролитц ушел разъяснять оркестрантам новые обязанности. Этцвейн сел за стол в кабинете Саджарано и выписал подлежащий оплате по предъявлении чек на двадцать тысяч флоринов — по его приблизительным расчетам, этой суммы должно было хватить на все обычные и непредвиденные расходы в ближайшем будущем.

В Банке Шанта Этцвейну отсчитали, без вопросов и формальностей, двадцать тысяч флоринов — до вчерашнего дня он даже не надеялся когда-нибудь держать в руках столько денег!

Назначение денег — в том, чтобы ими пользоваться. В ближайшей галантерейной лавке Этцвейн выбрал костюм, по его представлению соответствовавший роли исполнительного директора — дорогой пиджак из красновато-лилового и зеленого велюра, темно-зеленые брюки, черный вельветовый плащ с бледно-зеленой подкладкой, добротные кожаные ботинки. В массивном зеркале галантерейщика красовался блестящий молодой аристократ. Где был Гастель Этцвейн, не тративший ни флорина без крайней необходимости?

Управление Эстетической Корпорации располагалось в историческом здании бывшей Палаты правосудия — громад-

ном сооружении из пурпурного, зеленого и синего стекла в глубине мощеного двора, выходявшего на площадь Корпорации. Нижние два этажа относились еще к Среднему периоду династии Пандамонов. Строительство верхних четырех ярусов, шести башен и одиннадцати куполов завершилось за десять лет до начала Четвертой Паласедрийской войны — каким-то чудом, однако, здание уцелело при ожесточенной бомбардировке пневмофугасами.

Этцвейн поднялся на второй этаж Палаты правосудия, где находилась Дискриминатура — ведомство главного дискриминатора Гарвия, Ауна Шарраха. «Будьте добры, сообщите о моем визите, — обратился он к служащему в приемной. — Меня зовут Гастель Этцвейн».

К нему вышел сам Аун Шаррах — человек породистой внешности с тонким горбатым носом, большим, будто начинавшим улыбаться ртом и коротко подстриженными густыми волосами, равномерно припорошенными сединой. На нем была самая неприхотливая темно-серая туника, украшенная лишь парой тонких полосок серебряного дерева на плечах: подчеркнуто скромный наряд. Этцвейн подумал, что рядом с Шаррахом он должен был казаться безвкусно расфуфыренным провинциалом.

Главный дискриминатор смотрел на Этцвейна с ненавязчивым любопытством: «Заходите ко мне, прошу вас».

Они прошли в большой кабинет с высоким потолком. Из окон открывался вид на площадь Корпорации. Подобно наряду Ауна Шарраха, обстановка в кабинете была проста и элегантна. Главный дискриминатор пригласил Этцвейна сесть в кресло напротив окна, а сам устроился на краю дивана в простенке между окнами. Этцвейн завидовал непринужденности его движений. Казалось, Шарраха нисколько не беспокоило, как он выглядит и что о нем думают. На стороне дискриминатора было важное преимущество — все его внимание сосредоточилось на Этцвейне, тогда как Этцвейн вынужден был постоянно следить за собой.

«Вам известно новое положение дел, — сказал Этцвейн. — Аноме призывает народы Шанта к сопротивлению рогуш-коям».

«Лучше поздно, чем никогда», — отчетливо пробормотал Аун Шаррах.

Этцвейну его замечание показалось несколько легкомысленным.

«Как бы то ни было, теперь мы должны вооружиться, в связи с чем Аноме назначил меня исполнительным директором. Я говорю от его имени».

Аун Шаррах откинулся на спинку дивана: «Любопытно, не правда ли? Только вчера или позавчера нам было поручено найти и задержать некоего Гастеля Этцвейна. Полагаю, искали вас?»

Этцвейн ответил подчеркнуто холодным взглядом: «Аноме меня искал. Он меня нашел. Я изложил определенные доводы — вам известно, как он отреагировал».

«Мудро — таково, по крайней мере, мое мнение, — сказал Аун Шаррах. — Могу ли я поинтересоваться, в чем заключались ваши доводы?»

«Я предложил его вниманию математические выкладки, неопровержимо доказывающие, что дальнейшая задержка военных действий приведет к общенациональной катастрофе. Вы организовали собрание технистов?»

«Делаются приготовления. Сколько человек вы хотели бы видеть на собрании?»

Главный дискриминатор не проявлял ни малейших признаков подозрительности. Этцвейн бросил на него сердитый взгляд: «Разве Аноме не дал точных указаний?»

«Насколько я помню, он не назвал точное число технистов».

«В таком случае соберите лучших специалистов, пользующихся высокой репутацией — из них мы сможем выбрать председателя технического совета или руководителя программы исследований и разработок. Ваше присутствие на собрании было бы полезно и желательно. Первоочередная задача — формирование компетентных кадров, способных внедрять политику Аноме».

Аун Шаррах медленно, задумчиво кивнул: «Что уже сделано в этом направлении?»

Спокойная наблюдательность и догадливые вопросы дискриминатора начинали серьезно беспокоить Этцвейна: «Почти ничего. Обсуждаются различные кандидатуры... Что удалось узнать в отношении Джерда Финнерака?»

Аун Шаррах взял со стола лист бумаги, прочел: «Джерд Финнерак: крепостной служащий воздушной дороги. Родился в деревне Исперо, в восточной части кантона Утренний берег. Отец, фермер, занимавшийся выращиванием ягод, использовал сына в качестве обеспечения займа, но не уплатил проценты в срок. Сына забрали судебные исполнители — его отправили отрабатывать долг. Работая на воздушной дороге, Джерд Финнерак отличался непокладистым, даже бунтарским характером и совершил ряд проступков. В частности, переводя гондолу с одной ветки Ангвинской развязки на другую, он умышленно отцепил ее от троса и пустил по ветру. В результате воздушнодорожное управление понесло крупные расходы и, кроме того, вынуждено было возместить убытки пассажирам, обратившимся в суд. Эти суммы добавлены к сумме крепостного долга Джерда Финнерака. Теперь он трудится в кантоне Глай, в исправительном лагере № 3, куда направляют особо провинившихся служащих. Его крепостной долг составляет чуть больше двух тысяч флоринов».

Шаррах передал донесение Этцвейну: «Хотелось бы знать, почему вы интересуетесь именно Джердом Финнераком?»

Этцвейн придал голосу выражение деревянной непреклонности: «Ваше любопытство вполне естественно. Тем не менее, Аноме настаивает на полной конфиденциальности. Перейдем к другому вопросу. Аноме приказал переселить женщин в приморские кантоны. Число неприятных инцидентов должно быть сведено к минимуму. В каждый кантон требуется направить не меньше шести контролеров, принимающих жалобы, проверяющих существование оснований для жалоб и составляющих письменные заключения с тем, чтобы могли быть приняты меры по устранению упущений. Поручаю вам назначить компетентных должностных лиц и откомандировать их в кратчайшие возможные сроки».

«Предусмотрительное распоряжение, — согласился Аун Шаррах. — Я прикажу заместителям сформировать группы контролеров».

«Оставляю детали на ваше усмотрение».

Покидая Дискриминатуру, Этцвейн думал, что, в конечном счете, не допустил серьезных просчетов. В породистой голове невозмутимого Шарраха, несомненно, кишели гипотезы, подозрения и догадки. Неизвестно было, однако, какие выводы сделает влиятельный хитрец и кем он в конце концов станет — союзником или противником? Больше, чем когда-либо, Этцвейну нужен был союзник, поверенный, надежный помощник. В одиночестве он подвергался опасности на каждом шагу.

Кружным путем Этцвейн вернулся ко дворцу Сершанов. Ему казалось, что за ним кто-то увязался. Когда он прошел под Гранатовыми воротами, спрятался за пилястром и подождал в темно-красной полутени, никто не прошел мимо. Всю дорогу Этцвейн оглядывался, но никого не заметил.

Глава 3

Ровно в полдень Этцвейн вошел в большой конференц-зал Палаты правосудия. Не оглядываясь по сторонам, он прошал прямо к возвышению трибуны, взялся обеими руками за толстый серебряный поручень и обвел глазами ряды внимательных лиц.

«Уважаемые господа! Аноме подготовил сообщение, мне поручено его прочесть, — Этцвейн расправил свернутый в трубку лист пергаментной бумаги. — Слушайте! Так говорит Аноме».

«Приветствую техническую элиту Гарвия! Сегодня, в связи с организацией сопротивления рогушкоям, потребуются ваши рекомендации. Много лет я пытался предотвратить набеги мирными средствами. Напрасно: теперь мы вынуждены драться.

Уже приказано сформировать армию, но это только половина дела. Необходимо создать эффективное оружие.

Задача состоит в следующем. Воин-рогушкой — массивное, бесстрашное существо, нападающее с дикой яростью. Его основное оружие — металлическая палица с шипами и ятаган, причем изогнутый серпом ятаган используется и как рубящий клинок, и как метательный снаряд, поражающий цель в пятидесяти метрах и дальше. Следовательно, у наших солдат должно быть оружие, способное

истреблять рогушкоев на расстоянии не менее ста метров.

Поручаю вам эту задачу и приказываю немедленно сосредоточить все усилия на ее решении. В вашем распоряжении все ресурсы Шанта.

Разумеется, необходимо организовать работы. Выберите из ваших рядов председателя и членов технического совета, руководящего исследованиями и разработками.

Исполнительным директором назначен человек, читающий мое обращение, Гастель Этцвейн. Он выступает от моего имени. Вы будете отчитываться перед ним и выполнять его указания.

Повторяю: поставленная задача нуждается в безотлагательном решении. Ополчение уже собирается и скоро потребует выдачи оружия».

Этцвейн отложил текст обращения и поднял лицо к почти заполненному амфитеатру: «Есть вопросы?»

Пыхтя, на ноги поднялся толстяк с нездоровым румянцем на щеках: «Требования понятны. Но какого рода оружие имеет в виду Аноме?»

«Оружие, позволяющее убивать рогушкоев и принуждать их к отступлению с минимальным риском для тех, кто этим оружием пользуется», — ответил Этцвейн.

«Очень расплывчатое определение, — пожаловался толстяк. — Мы не получили конкретных разъяснений. Аноме должен предоставить комплекты чертежей — или, по меньшей мере, описание технических характеристик. Что же, нам придется работать вслепую?»

«Аноме не технист, технисты — вы! — возразил Этцвейн. — Разработайте технические требования и чертежи сами! Если возможно изготовление лучевого оружия — прекрасно. Если нет, найдите самое практичное и целесообразное решение. По всему Шанту формируются ополчения, им потребу-

ются средства уничтожения врага. Аноме не может вооружить армию мановением руки. Оружие предстоит спроектировать и изготовить вам, технистам!»

Толстяк покраснел пуще прежнего, неуверенно посмотрел по сторонам и сел. В последнем ряду Этцвейн заметил Ауна Шарраха, задумчиво улыбавшегося в пространство.

Встал высокий человек с горящими черным глазами на восковом лице: «Ваши замечания справедливы, и мы сделаем все, что в наших силах. Но учитывайте, что мы технисты, а не изобретатели. Мы скорее совершенствуем процессы, нежели разрабатываем принципиально новые конструкции».

«Если не можете справиться с работой, найдите тех, кто справится, — упорствовал Этцвейн. — Я назначаю вас — лично — руководителем, ответственным за разработку оружия. Создайте оружие или умрите!»

Вмешался другой техник: «Направление разработок зависит от предполагаемой численности армии. Другими словами, нужно знать, сколько единиц оружия должно быть произведено. Скорость изготовления и доступность материалов могут оказаться важнее совершенства конструкции».

«Совершенно верно, — согласился Этцвейн. — Численность армии составит от двадцати до ста тысяч человек, в зависимости от сложности кампании. Следует отметить, что производство оружия — лишь самая неотложная из задач. Потребуются также устройства связи, позволяющие командирам координировать маневры. Председатель технического совета должен выбрать группу специалистов, способную проектировать такое оборудование».

Этцвейн ждал дальнейших вопросов, но в зале царила угрюмая, неуверенная тишина. Этцвейн решил закончить собрание: «Организуйте работы по своему усмотрению. Выберите председателя, человека компетентного, пользующегося уважением, решительного — даже, в случае необходимости, безжалостного. Он сформирует группы специалистов, руководствуясь практическими соображениями. С вопросами и рекомендациями обращайтесь ко мне через главного дискриминатора, Ауна Шарраха».

Без дальнейших слов Этцвейн поклонился и покинул зал.

В павильоне во дворе Палаты правосудия к Этцвейну подошел Аун Шаррах. «Колеса завертелись, — сказал он. — Надеюсь, никто не будет вставлять в них палки. У технистов нет опыта творческого проектирования — и, если я могу позволить себе такое наблюдение, Аноме не проявил в этом отношении достаточной решительности».

«Что вы имеете в виду?» — спокойно спросил Этцвейн.

«Как правило, Аноме запрашивает досье и характеристики каждого из участников проекта, после чего сам назначает директора и дает точные, конкретные указания. Теперь технисты в замешательстве, не знают, с чего начать — им не хватает инициативы».

Этцвейн безразлично пожал плечами: «Аноме приходится многое рассчитывать и планировать. Часть его бремени должна быть возложена на других».

«Разумеется — если другие способны выдержать такое бремя и если им предъявлены конкретные требования».

«Как я уже сказал, требования им придется разработать самостоятельно».

«Оригинальный принцип! — признал Аун Шаррах. — Будем надеяться, что инерция многовековых традиций преодолима».

«Ее придется преодолеть, если мы хотим выжить! Аноме не может собственноручно драться с рогушкоями — на тварях нет ошейников. Полагаю, вы достаточно подробно изучили мою биографию?»

Аун Шаррах кивнул без всякого смущения: «Вы были — или продолжаете быть — музыкантом в популярной труппе маэстро Фролитца».

«Я музыкант. Я понимаю других музыкантов так, как вы не сможете их понять, даже если подготовите сотни досье».

Шаррах задумчиво погладил подбородок: «И что же?»

«Предположим, Аноме пожелал бы сформировать труппу лучших музыкантов Шанта. Без сомнения, вы могли бы предоставить ему тысячи характеристик, чтобы Аноме сделал выбор. Сыгрался бы такой оркестр? Смогли бы оркестранты дополнять друг друга, а не мешать друг другу? Не думаю.

Другими словами, посторонний человек, не будучи опытным специалистом в той или иной области, не может выбрать или назначить группу специалистов, способную успешно работать в этой области. Специалисты должны организовываться сами. По крайней мере, в настоящее время Аноме придерживается такой точки зрения».

«Я с интересом прослежу за успехами технистов, — сказал Аун Шаррах. — Какое оружие вы ожидаете получить?»

Этцвейн холодно покосился на главного дискриминатора: «Я не разбираюсь в оружии и ничего не ожидаю — так же, как Аноме».

«Разумеется. Хорошо, мне пора вернуться в управление и реорганизовать персонал», — Аун Шаррах скрылся в стеклянном лабиринте Палаты правосудия.

Этцвейн пересек площадь Корпорации и зашел в галерею Роз. Выбрав столик в уединенном углу, он заказал чашку чаю и мысленно перечислил достигнутые успехи. По его мнению, он добился существенного прогресса, привел в движение важные механизмы. Женщины переезжали в относительно безопасные приморские кантоны. В лучшем случае, теперь безудержное размножение рогушкоев прекратится, в худшем — рогушкоям придется совершать набеги на селения, отдаленные от их горных убежищ. Приказ о формировании ополчений отдан, технисты получили указание разработать оружие. Маэстро Фролитц стерег Саджарано Сершана. С главным дискриминатором Шаррахом, фигурой неизвестных предпочтений, приходилось поступать крайне осмотрительно.

Он сделал все, что можно было сделать сразу... Рядом, на стуле, кто-то оставил газету «Эрнид короматик».⁴ Этцвейн взял ее, просмотрел разноцветные полосы. Бледно-голубыми и зелеными символами — с ярко-розовыми и темно-розовыми вставками, посвященными особо щекотливым и скандальным историям — сообщались светские сплетни и комментарии на злободневные столичные темы — эти столбцы Этцвейн игнорировал. Он прочел сиреневую декларацию Аноме. Различ-

⁴ Буквально «Спектральный вестник» — то есть периодическое издание, содержащее новости любого характера.

ными оттенками сине-фиолетового и темно-зеленого⁵ предлагались отзывы известных и влиятельных лиц. Декларация вызвала всеобщее одобрение. «Наконец Аноме обрушит свой гнев на орды неистовых дикарей! — бушевал ярко-ультрама-риновым текстом эстет Сантанджело Фераттилен. — Народы Шанта могут облегченно вздохнуть».

Этцвейн закусил губу, раздраженно встряхнув газету. Снизу на второй странице он заметил объявление в коричневой рамке, оттененной охряно-желтым бордюром — мрачные, пугающие вести. Полчище рогушкоев — по приблизительной оценке не меньше пятисот бойцов — вторглось в долину Сизых Туманов в кантоне Лор-Асфен. Сотни мужчин погибли, сотни женщин пропали без вести: «Рогушкой разбили лагерь в долине и не проявляют намерения возвращаться в Хван. Следует ли считать долину Сизых Туманов оккупированной территорией? Женщин со всей возможной расторопностью эвакуируют из Лор-Асфена на Утренний берег и в Энтерланд. К сожалению, вооруженные силы Аноме еще недостаточны для нанесения контрудара. Можно только надеяться, что кровавая бойня не повторится».

Этцвейн бросил газету на стол, но передумал, сложил ее и засунул в карман плаща. Минуту или две он сидел, разглядывая посетителей за соседними столами — те болтали, шутили и жестикулировали с обезоруживающей грацией, томно отправляя в рот кусочки деликатесов... В саду галереи появился розовощекий толстяк-технист, задававший вопросы в конференц-зале. В бледно-зеленом плаще поверх строгого черно-белого костюма, он присоединился к приятелям, двум веселившимся неподалеку парочкам в роскошных нарядах — синих, зеленых, пурпурных, белых. Приятели пригнулись к новоприбывшему. Тот что-то оживленно рассказывал. Этцвейн прислушался: «...безумие, безумие! Это не входит в наши

⁵ Оттенок сине-фиолетового или темно-зеленого зависел от качеств того лица, чей отзыв цитировался — его репутации, тщеславия, смехотворности, популярности, напыщенности; все эти достоинства и недостатки передавались глубиной и насыщенностью основных оттенков, а также более или менее заметными примесями дополнительных цветов. Гарвийские газеты были рассчитаны на читателя, изощренного в тонкостях цветовой символики.

обязанности — что мы знаем о таких вещах? Аноме требует чудес, но забыл подарить волшебную палочку! Пусть сам поставит оружие — у него рычаги власти, с него и спрос!»

Приятель в зеленом что-то возразил, но пунцовый технист нетерпеливо прервал его: «Чепуха! Я подам петицию. Аноме не дурак, он должен понять, что так вещи не делаются».

Этцвейн напрягся, застыл — он не верил своим ушам, наливался гневом. Только что он призывал жирного тупицу самоотверженно трудиться во имя спасения цивилизации, а тот уже распускал пораженческие нюни! Этцвейн вынул передатчик, набрал цветовой код эмблемы техниста... но желтую кнопку нажимать не стал. Вместо этого он подошел к толстяку, заглянул в неожиданно побелевшее лицо и тихо сказал: «Я слышал ваши замечания. Понимаете ли вы, что почти потеряли голову? Кое-кому стоит только пошевелить пальцем».

«Я пошутил, не более того! — поспешно оправдывался технист, отталкивая ладонями воздух. — Пожалуйста, не понимайте мои слова буквально!»

«Как еще их понимать? Мы все говорим то, что хотим сказать. Прощайтесь с друзьями и доложите о прибытии в штаб гарвийского ополчения. Надеюсь, вы сумеете драться не хуже, чем трепать языком!»

«Ополчение? Невозможно! Моя работа...»

«Невозможно? — Этцвейн демонстративно пометил на полях газеты цветовой код толстяка. — Я передам ваши возражения Аноме. Позаботьтесь о завещании».

Оглушенный, бледный, технист обмяк на стуле.

Этцвейн подозвал дилижанс и отправился в Сершанский дворец. Он обнаружил Саджарано в висячем саду на крыше — тот сосредоточенно вертел в руках большую хрустальную игрушку. Этцвейн постоял, понаблюдав минуту. Поджав маленький рот и нарочито не замечая Этцвейна, Саджарано перемещал плавающие в толще хрусталя разноцветные светящиеся пятна, поглаживая пальцем инкрустированные костяными полосками ребра многогранника.

Какие мысли блуждали под обширным лбом, достойным поэта? Что двигало маленькими руками, некогда цепко сжи-

мавшими бразды правления? Этцвейн, и так уже не в лучшем настроении, не вынес загадочного молчания, вынул газету и положил ее на столик перед Саджарано. Тот отложил безделушку и стал читать, потом поднял глаза на Этцвейна: «События происходят. История идет своим чередом».

Этцвейн указал на объявление в коричнево-желтой рамке: «Что вы об этом думаете?»

«Трагедия».

«Вы признаете, что рогушкой — враги Шанта?»

«На это нечего возразить».

«Как бы вы с ними обошлись, будь власть снова в ваших руках?»

Саджарано начал было говорить, но осекся и опустил взгляд на радужный многогранник: «Последствия любых действий теряются в сумраке вероятностей».

Этцвейн решил, что Саджарано, по-видимому, действительно рехнулся — почти наверняка: «Как вы стали Человеком Без Лица?»

«Отец уступил мне власть, когда состарился, — посмотрев в небо, Саджарано печально улыбнулся воспоминанию. — Нетипичный случай прямого престолонаследия. Как правило, все не так просто».

«Кому вы собирались завещать полномочия?»

Улыбка исчезла с лица Саджарано, он сосредоточенно нахмурился: «Когда-то я отдавал предпочтение Арнольду Чаму, человеку высокого происхождения, развитого интеллекта и безупречной честности. Но со временем я передумал. Аноме должен быть хитер и беспощаден, для него совесть — невозволительная роскошь, — пальцы Саджарано конвульсивно дернулись. — Страшные вещи мне приходилось делать, чудовищные! В Хавиоске спугнуть священных птиц равносильно смерти. В Фордуме ученик резчика по нефриту должен умереть, если в его экзаменационной работе появится трещина. Арнольд Чам, человек разумный, не мог бы заставить себя применять нелепые, бессмысленно жестокие законы. Есть более подходящий кандидат — Аун Шаррах, главный дискриминатор. Он холоден, пронизателен, умеет подавлять сомнения и сожаления... Но я отверг кандидатуру Шарраха — мне

не нравится его стиль — и остановил выбор на Гарстанге. Гарстанг мертв. Теперь все это не имеет значения...»

Подумав, Этцвейн снова задал вопрос: «Известно ли Шарраху, что вы рассматривали его кандидатуру?»

Приподняв игрушку со стола, Саджарано пожал плечами: «Аун Шаррах — лучший специалист по расследованию преступлений. Разумеется, он догадлив, умеет собирать информацию и делать выводы. От главного дискриминатора трудно скрыть источник власти — располагая всеми данными, личность и намерения Аноме можно установить методами исключения и корреляции событий».

Этцвейн отправился в помещение радиостанции, выключил фильтр речевой связи, чтобы его голос не напоминал «голос Аноме», и вызвал Ауна Шарраху: «Говорит Гастель Этцвейн. Я посоветовался с Аноме. Он приказал мне и вам объехать кантоны Шанта в качестве его полномочных представителей. Вам поручено посетить кантоны к востоку от Джардина и к северу от Дебрей, в том числе Шкорий, Лор-Асфен, кантон Ведьминой горы и Утренний берег. На мою долю приходятся западные и южные кантоны. Мы обязаны ускорить мобилизацию и обучение рекрутов, по мере необходимости прибегая к принуждению. У вас, наверное, есть вопросы?»

После короткого молчания Шаррах спросил: «Вы упомянули о «принуждении». Какими средствами принуждения я могу пользоваться?»

«Записывайте имена и цветовые коды лиц, проявляющих недостаточную расторопность или отказывающихся повиноваться. Аноме получит наши списки и определит меры наказания. В каждой конкретной ситуации необходимо учитывать местные условия. У меня нет более подробных инструкций. Вашего опыта и здравого смысла должно быть достаточно».

Голос Ауна Шарраху несколько поблек: «Когда я должен выехать?»

«Завтра. В первую очередь рекомендую посетить Уэйль, Сиреневую Дельту, Англезий, Джардин и кантон Пособников, после чего можете взять гондолу на Брассейском разъезде и отправиться по континентальной магистрали на дальний

Запад. Я сперва заеду в кантоны Дикой Розы, Майе и Эреван, потом в кантон Теней, оттуда воздушной дорогой до Энтерланда. Расходовать собственные средства не требуется — выписывайте чеки, подлежащие оплате по предъявлении в Банке Шанта. Не отказывайте себе ни в чем необходимом».

«Хорошо, — без энтузиазма сказал Аун Шаррах. — Будем стараться».

Глава 4

Реквизированная Этцвейном гондола «Иридиксен» — трехъярусный аппарат из плетеных прутьев, тросов и блестящей пленки — покачивалась у погрузочной платформы. Ветровой, мечтательный и жеманный молодой человек по имени Казалло, выполнял сложные и опасные обязанности со скучающим пренебрежением. Этцвейн взошел на борт. Казалло, уже в рубке, обернулся: «Сударь, ваши указания?»

«Нужно посетить Джамилию, Вервеи, Святую Гору в Эреване, Лантин в кантоне Теней. Потом отправимся в Энтерланд с остановками по всему Шанту».

«Как вам угодно», — Казалло с трудом подавил зевок. Его прическу украшал заткнутый за левое ухо побег лиловой аразмы — сувенир, оставшийся после вчерашней попойки. Этцвейн с подозрением следил за ветровым, наскоро проверившим лебедки управления, выпускные клапаны паруса и механизм сброса балласта. Наконец Казалло опустил сигнальный флажок: «Поехали!»

Станционная бригада подтащила переднюю тележку каретки по пазовому рельсу, слегка отпустив гондолу вверх. Казалло презрительно отрегулировал дифферент и крен, расправил парус по ветру. Отцепив остановочные тросы от задней тележки, бригада освободила тормоз — гондола выскользнула вверх и вперед, каретка весело зажурчала в пазу. Казалло подкрутил лебедки с видом экспериментатора, изобретающего новый процесс — движение заметно оживилось. Гондола летела на восток над Джардинским разломом. Ушкадель превратился в смутную тень за кормой. Скоро они оказались в кантоне Дикой Розы, где среди лесистых холмов, уютных до-

лин и сонных прудов раскинулись луга сельских поместий эстетов Гарвия.

На подлете к торговому городку Джамилио ветровой поднял оранжевый флажок и привел парус к ветру. Станционная бригада зацепила заднюю тележку каретки и отвела в боковой пазовый путь, где ее закрепили тормозом. Подхватив тягловые тросы над шкивами передней тележки, остановщик оттащил ее вперед по пазовому рельсу. Гондола опустилась к платформе станции.

Направившись в Скандальное собрание кантона, Этцвейн никого не застал — в коридорах царил гулкая тишина. Кто-то вывесил в вестибюле декларацию Аноме, но не похоже было, чтобы должностные лица ее заметили.

За конторкой вестибюля обнаружился секретарь. Этцвейн в ярости потребовал объяснений. Пока Этцвейн критиковал местные порядки, секретарь, удивленно застывший в вежливом полупоклоне, непонимающе моргал.

«Неужели вы настолько невежественны, что не можете уяснить себе неотложный характер указа? — бушевал Этцвейн. — Вы уволены! Убирайтесь из конторы! Скажите спасибо, что Аноме еще не оторвал вам голову!»

«За многие годы беспорочной службы я привык к неторопливому чередованию событий, — испуганно оправдывался секретарь. — Откуда мне знать, что именно этот указ надлежит выполнять с быстротой молнии?»

«Теперь вы знаете! Как созвать членов общинного совета на экстренное заседание?»

«Не имею представления. Такая необходимость никогда не возникала».

«Надо полагать, в Джамилио есть пожарная бригада? Как ее вызывают?»

«Есть платная бригада добровольцев. Когда случается пожар, бьют в гонг на балконе Скандального собрания».

«Идите и бейте в гонг! Что вы сидите?»

В кантоне Майе жили коммерцианты — высокие, темно-волосые, темнокожие люди, обходительные и неторопливые. Они строили восьмиугольные дома с восьмиугольными кры-

шами. В центре каждой крыши торчала печная труба; высота трубы отражала престиж домовладельца. Соответственно, городки и селения коммерциантов выглядели издалика, как беспорядочные рощи упиравшихся в небо узких каменных столбов, один выше другого. Административный центр кантона, Вервеи, был скорее не городом, а скоплением небольших предприятий, изготавливавших игрушки, деревянную посуду, подносы, канделябры, двери, мебель. По прибытии Этцвейна производство продолжалось полным ходом. Старший негоциант кантона Майе признал, что еще не принимал никаких мер, связанных с декларацией Аноме. «Поспешные приготовления в высшей степени затруднительны, — объяснял он с обезоруживающей улыбкой. — Мы заключили контракты, ограничивающие свободу действий. Кроме того, учитывайте, что в это время года очень много заказов. Не сомневаюсь, что власть и мудрость Аноме достаточны для того, чтобы сдерживать рогушкоев, не переворачивая вверх дном устоявшийся уклад жизни!»

Этцвейн демонстративно отметил в записной книжке цветовой код негоцианта: «Если какой-либо из коммерческих вопросов привлечет ваше внимание прежде, чем будет сформировано и обучено способное к боевым действиям ополчение, вы потеряете голову. Война с рогушками — прежде всего! Я выражаюсь достаточно ясно?»

Лицо негоцианта помрачнело: «Трудно понять, каким образом...»

Этцвейн прервал его: «Даю вам ровно десять секунд на то, чтобы начать выполнение приказов Аноме. Такая формулировка поддается пониманию?»

Негоциант прикоснулся к ошейнику: «Целиком и полностью».

В кантоне Пособников Этцвейн столкнулся с тупиковым политическим конфликтом. Над горизонтом, на юго-востоке, уже виднелись первые вершины Хвана. Примерно на том же расстоянии с севера к кантону приближалась излучина залива Ракушечных Цветов. Главный арбитр Пособников жаловался: «Что делать — отправлять женщин на север или готовиться к

приему женщин из предгорий? Куропатники говорят одно, яблочники⁶ другое. Куропатники хотят формировать ополчение из молодых людей, потому что старики лучше управляются с птицей. Яблочники требуют, чтобы вербовали пожилых — молодые руки нужны для сбора фруктов. Одному Аноме известно, что предпринять!»

«Набирайте молодых куропатников и пожилых яблочников, — посоветовал арбитру Этцвейн, — но действуйте расторопно и решительно! Если Аноме узнает о задержках, градом полетят головы и яблочников, и куропатников!»

В кантоне Теней, под самыми отрогами Хвана, рогушкоев знали и боялись. Неоднократно их небольшие банды видели в верховьях долин — теперь местные жители не смели там показываться. От набегов пострадали три небольших селения. Здесь Этцвейну не пришлось никого торопить. Множество женщин уже отправили на север, проводились учения ополченцев.

В сопровождении великого герцога Теней Этцвейн наблюдал за упражнениями двух подразделений, вооруженных кольями и шестами, имитировавшими мечи и копья. Рекруты тренировались на противоположных концах удлиненного овала Лантинской арены. Два отряда заметно отличались нарядами, рвением и навыками. Бойцы первой группы, в хорошо сшитых темно-фиолетовых и темно-красных униформах и в темно-зеленых кожаных сапогах, упорядоченно бросались в атаку и отступали, умели отражать удары и делать ложные выпады, ходили вперевалку и обменивались шутками, не переставая энергично дубасить друг друга. Ополченцы из другого отряда, в рабочих комбинезонах и сандалиях, двигались вяло, с прохладцей, и недовольно брюзжали. Этцвейн поинтересовался причиной такого группового раздвоения характеров.

«Наши правила еще не вполне определились, — отвечал великий герцог. — Многие из получивших призывные пове-

⁶ Куропатники и яблочники: враждующие фракции Пособников, представляющие, соответственно, птицеводов и поставщиков фруктов.

стки отправили служить вместо себя крепостных должников, не проявляющих особой прыти. Не уверен в целесообразности такой системы. Может быть, состоятельные лица, не желающие вступать в ополчение, должны присылать двух должников, а не одного. Может быть, замену вольных рекрутов крепостными вообще следует запретить. Выдвигаются убедительные доводы в пользу обеих точек зрения».

Этцвейн сказал: «Оборона Шанта — привилегия свободных людей. Вступая в ополчение, крепостной автоматически погашает долг. Будьте так добры, разъясните это отряду должников — посмотрим, прибавится ли у них прыти».

Рельс воздушной дороги карабкался в Дебри. Теперь «Иридиксен» поднялся над кареткой на всю длину тросов — здесь, в предгорьях, чем выше летела гондола, тем сильнее и ровнее становился ветер. В Ангвине бурлаки перетаскивали «Иридиксен» бесконечным канатом над ущельем к Ангвинской развязке — затерявшейся в небе платформе, откуда Этцвейн когда-то сбежал при содействии (или, по меньшей мере, при попустительстве) Джерда Финнерака.

«Иридиксен» продолжал путь на юго-восток над самыми мрачными, непроходимыми пропастями и утесами. Казалло достал бинокль и рассматривал панораму Дебрей. Протянув руку, он указал вниз, в горную долину: «Вас беспокоят рогушкой? Смотрите — целое племя!»

Схватив бинокль, Этцвейн увидел множество почти неподвижных темных фигур — не меньше четырехсот. На таком расстоянии они выглядели маленькими, расплывчатыми. Часть стойбища окружал высокий плетень из колючего кустарника. Вниз по долине относил струйки дыма, поднимающиеся над дюжиной огромных походных котлов. Пытаясь лучше разглядеть внутренний огороженный участок, Этцвейн понял, что бесформенные груды, казавшиеся кучами тряпья — группы жмущихся друг к другу женщин. Их было около сотни. В глубине кораля, под чем-то вроде навеса из сучьев и листьев, скорее всего, прятались другие... Рогушкой расположились порознь вокруг плетня. Каждый сидел на корточках, не обращая внимания на остальных. Одни чинили ремни, дру-

гие натирали тело жиром, подкладывая дрова в очаги под котлами. Никто, насколько мог заметить Этцвейн, даже не поднял голову, чтобы взглянуть на гондолу или на каретку, шумевшую по рельсу в полукилометре от стойбища. Долина скрылась за выступом скалы — «Иридиксен» спешил над каменной осыпью.

Этцвейн повесил бинокль на деревянный крючок: «Откуда у них сабли? Котлы тоже металлические — у нас такие ни за какие деньги не купишь».

Казалло хихикнул: «Драгоценные котлы — а варят в них траву, листья, черных червей, дохлых ахульфов — живых, впрочем, тоже — все, что могут запихнуть в глотку! Я час-тенько гляжу на них в бинокль».

«Они когда-нибудь интересуются гондолами? Пара рогушкоек могла бы разломать рельс за одну минуту».

«Рельсы они не трогают, — почесал в затылке Казалло. — Такое впечатление, что им дела нет до некоторых вещей, будто они не существуют. Когда рогушкой не ест и не совокупляется, он сидит на корточках — и все тут. Не знаю, что у них в голове. Может, они вообще не думают. Местный пассажир, горец, рассказывал, что прошел по тропе мимо двадцати рогушкоек, сидевших в тени. Я спрашиваю — они спали? Он говорит — нет. Даже не пытались его поймать. Общеизвестный факт — рогушкой не нападает на мужчину, если тот не защищает женщину и если рогушкой не голоден. Голодный рогушкой отправляет в котел все съедобное, а мужчины, с его точки зрения, очень даже съедобны».

«Была бы у нас бомба, сегодня мы могли бы уничтожить пятьсот рогушкоек», — заметил Этцвейн.

«Не слишком удачная мысль, — отозвался Казалло, считавший своим долгом критиковать или опровергать любое мнение Этцвейна. — Если с гондол начнут бросать бомбы, рогушкой догадаются разломать рельсы».

«Можно бомбить с гондол, не привязанных к кареткам».

«Как вы себе это представляете? Бомба падает прямо вниз, а в свободном полете управлять парусом так, чтобы гондола оказалась точно над стойбищем, очень трудно. Если бы на гондолах стояли двигатели, другое дело — но из прутьев и

стекла не смастеришь двигатель, даже если кто-нибудь сохранил древние чертежи».

Этцвейн сказал: «Парусная гондола неповоротлива, зато планер хорошо маневрирует».

«С другой стороны, — не сдавался Казалло, — планер должен рано или поздно приземлиться, тогда как гондола всегда может подняться на безопасную высоту».

«Я говорю об уничтожении рогушкоев, а не об организации приятных и безопасных воздушных экскурсий!» — отрезал Этцвейн.

Казалло только рассмеялся и отправился в рубку поиграть на хитане — ветровой очень гордился достижениями в этой области.

Они летели в самой глубине Дебрей. Всюду горбились в небе серые скальные хребты. Пазовый рельс круто поворачивал вверх, направо, налево, вниз — в зависимости от частых изменений рельефа. Перепады высоты вызывали тряску, килевую качку, неприятные ускорения. Крутые повороты в горизонтальной плоскости требовали от ветрового постоянной коррекции положения паруса и длины тросов. По возможности, пазовый рельс прокладывали перпендикулярно направлению преобладающих ветров, чтобы обеспечивалась возможность двухстороннего движения. В горах, однако, ветры то и дело менялись, налетая неожиданными порывами со всех сторон, в том числе навстречу, время от времени точно вдоль пазового рельса. В таких случаях ветровому приходилось поворачивать парус круто к ветру, наклонять гондолу и подтягивать ее вниз, к самому рельсу, чтобы свести к минимуму воздействие встречной составляющей соотношения сил. Если ситуация ухудшалась, он натягивал тормозной трос, прижимая ролики ходовой тележки к боковой поверхности пазы. В худшем случае, когда с ревом и свистом налетали штормовые встречные шквалы, ветровой просто отказывался от попыток дальнейшего продвижения вперед и дрейфовал обратно к предыдущей станции или к ближайшему разъезду.

Ураган настиг гондолу «Иридиксен» над цирком Консейль — огромной заснеженной вулканической впадиной, где скрывались истоки Сумрачной реки. С утра розовато-сирене-

вая дымка затянула южную половину неба. Высоко на востоке сотнями полос раскинулся веер перистых облаков — за ними, подсвечивая веер розовыми, белыми и голубыми разводами, кружились и подмигивали три солнца. Казалло предсказал шторм незадолго до того, как налетели первые порывы. Ветровой пользовался всеми хитростями, известными в его профессии — приводил парус к ветру, подтягивал и травил тросы, тормозил, описывая гондолой широкую дугу и отпуская тормоз точно в тот момент, когда инерция позволяла выиграть у ветра несколько метров. Рельс поворачивал в полутора километрах впереди, и Казалло пытался во что бы то ни стало туда добраться. В трехстах метрах до поворота, однако, остов «Иридиксена» застонал и затрещал — погода разыгралась не на шутку. Казалло высвободил тормоз, поставил парус по ветру, и гондолу понесло обратно над котловиной древнего вулкана.

На разъезде Консейль станционная бригада спустила гондолу и закрепила ее сетью. Казалло и Этцвейн провели ночь на станции, защищенной высокой каменной стеной с угловыми башнями. Скучающие служащие воздушной дороги охотно отвечали на вопросы и сообщили, что рогушкоев в округе видели часто. Суперинтендант отметил, что за последние месяцы численность банд поразительно увеличилась: «Раньше попадались шайки по два, от силы по три десятка рогушкоев. Теперь они бродят стадами по двести-триста тварей и временами окружают станционную крепость. Напали только однажды, когда здесь пережидали шторм монахини из Верна. Сначала вокруг вроде бы никого не было, а потом, как из-под земли, на стены полезли триста рогушкоев. Но мы приготовились — все подходы к станции защищены вкопанными фугасами в несколько рядов. Каждый взрыв выводил из строя по две дюжины рогушкоев — осталось около сотни трупов. На следующий день мы побыстрее затолкали монахинь в гондолу и отправили восвояси. С тех пор все спокойно. Пойдемте, я вам что-то покажу».

В углу под крепостной стеной служащие соорудили клетку из кольев железного дерева. В просветы между кольями выглядывала пара небольших медно-красных существ: «Их

поймали на прошлой неделе — рылись в отбросах. Мы подвесили сеть и подложили приманку. Трое разорвали сеть и сбежали, а двое запутались. Сильные черти — каждого пришлось нести вчетвером».

Этцвейн внимательно рассмотрел двух детенышей, бессмысленно пяливших большие черные глаза. Новая порода людей? Генетическая модификация? Искусственно выращенные организмы, чуждые всему живому на Дердейне? Такие вопросы задавались часто, но никто еще не дал удовлетворительного ответа. Скелет рогушкая мало отличался от человеческого, хотя бросалась в глаза упрощенная структура ступней, кистей и грудной клетки. Этцвейн спросил суперинтенданта: «Они смиренные?»

«Как же! Просуньте палец в клетку — мигом откусят!»

«Они говорят? Вообще, производят какие-нибудь звуки?»

«По ночам скулят и стонут, днем молчат. Человеческого в них мало — звери, даже не дикари! Пора бы их прикончить, а то еще придумают какую-нибудь мерзость».

«Нет-нет, стерегите их хорошенько — Аноме приказал изучать рогушкоев. Может быть, мы все-таки научимся их контролировать».

Суперинтендант с сомнением взирал на меднокожих бесов: «Все возможно, конечно».

«Как только я вернусь в Гарвий, за ними пошлют — вам, разумеется, хорошо заплатят за их содержание».

«Очень любезно с вашей стороны. Надеюсь, они не сбегут. Только они растут, как на дрожжах — того и гляди, клетку разломают».

«Укрепите клетку. Не бейте их, но постарайтесь научить их выполнять пару простейших команд».

«Попробуем».

Вниз летел «Иридиксен» — над предгорьями Дебрей, над великолепными лесами кантона Верн. На какое-то время ветер полностью затих. Чтобы развлечься, Этцвейн наблюдал в бинокль за лесными птицами — воздушными анемонами, порхающими, как поплавки в море листвы, светло-зелеными мелькунами, черноголовыми сиреневыми драконохвостами. К

вечеру внезапно поднялся ветер — «Иридиксен» снова понесся над рельсом, спускавшимся к Пельмонту, где была развязка.

В Пельмонте вода из реки Фахалюстры, отведенная в узкие искусственные каналы, приводила в движение оборудование шести огромных лесопилок. Бревна, сплавленные по Фахалюстре из лесных предгорий, обдирали, оторцовывали и разрезали на доски драгоценными пилами из спеченных железных кружев. На открытых складских площадках сушились штабели досок. Выдержанное дерево обстругивали, пропитывали маслами, красителями, ароматическими мазями и нагружали на баржи или резали, изготавливая фигурные полуфабрикаты. Этцвейн дважды бывал в Пельмонте с «Розово-чернолазурно-глубокозеленой бандой». Ему нравилось вездесущее в этих местах благоухание свежераспиленных досок, смолы, олифы и копоти.

Главный управляющий кантона откровенно обрадовался прибытию Этцвейна. Лесорубы Северного Верна хорошо знали рогушкоев. Много лет они выставляли сторожевые посты по берегам Фахалюстры, отражая десятки вылазок с помощью арбалетов и пик — в лесу, по сравнению с метательными ятаганами рогушкоев, это оружие давало определенные преимущества.

В последнее время рогушкой нападали по ночам, большими бандами. Вернским патрулям приходилось отступать от берегов реки, что приводило к простоям лесопилок и беспорядкам в кантоне. Нигде еще в Шанте Этцвейн не наблюдал такого рвения. Женщин отправили на южный берег, ополчение проводило ежедневные учения. «Передайте Аноме: пусть срочно пришлет оружие! — волновался главный управляющий. — Пики и арбалеты на открытой местности бесполезны, нужны взрывные стрелы, ослепляющие прожекторы, генераторы лучей смерти, новые, ужасные средства уничтожения — чем страшнее, тем лучше! Аноме всесилен и гениален — пусть придумает и даст нам оружие».

Этцвейн не нашелся, что сказать. В той мере, в какой титул «Аноме» еще имел какой-то смысл, Аноме был он, Гастель Этцвейн — человек вовсе не всесильный и не гениаль-

ный. Что сказать отважным людям? Их нельзя обманывать, они заслуживают правды. Этцвейн ответил: «Оружия нет. В Гарвии лучшие технисты Шанта работают не покладая рук. Оружие нужно спроектировать, испытать, изготовить. Аноме делает все, что может, но он не всемогущ».

Главный управляющий, долговязый выходец из семьи лесорубов с некрасивым обветренным лицом, возмутился: «Почему так поздно? О рогушках он знал давным-давно — и за все это время не приготовился к обороне?»

«Аноме надеялся на мирное решение проблемы, — сказал Этцвейн. — Вел переговоры, пытался сдержать распространение банд. Но рогушкой, конечно, не понимают просьб и предупреждений».

«Чтобы об этом догадаться, не нужно быть семи пядей во лбу! Кто угодно сообразил бы, что к чему, после первого же набега. Теперь мы должны драться, а драться нечем! Аноме, чем бы ни объяснялось его опоздание — изнеженностью, нерешительностью, трусостью — Аноме нас предал! Можете так ему и передать, пусть оторвет мне голову! Лучше взорваться на месте, чем вариться в котле рогушкоев».

Этцвейн кивнул: «Прямота делает вам честь. Скажу по секрету: Аноме, усердно пытавшийся мириться с рогушками, смещен. Его полномочия возложены на другого человека, вынужденного делать все сразу. Ваши замечания совершенно справедливы».

«Рад слышать! — заявил управляющий. — Тем не менее, что нам делать здесь и сейчас? У нас опытные, выносливые бойцы, разъяренные до крайности. Но рогушкоев не возьмешь голыми руками. Нужно что-то придумать, что-то предпринять немедленно».

«Рогушка можно убить из арбалета. У вас есть оборудование и материалы — делайте мощные, дальнобойные арбалеты», — посоветовал Этцвейн. Он вспомнил стойбище рогушкоев в Хванских горах: «Постройте планеры — на одного, двух, шестерых человек. Обучите пилотов. Пошлите людей в кантон Ведыминой горы и в Азум, потребуйте лучшие планеры. Разберите их, используйте детали в качестве шаблонов. За холстом и пленкой пошлите в Хинте, в Марестий, в Багровый

Каньон. Требуйте именем Аноме самый высококачественный материал! Лучшие веревки и тросы делают в Катрии, фриллийские тоже хороши. Феррийцам придется установить дополнительные реакторы и поступиться секретами, чтобы обучить новый персонал: железа нужно как можно больше. Пользуйтесь всеми ресурсами Шанта — такова воля Аноме».

Из Пельмонта «Иридиксен» быстро долетел до Лютэ, а из Лютэ в Блик над рекой Альфеис — пассажирская баржа буксировала гондолу навстречу морскому бризу. Обратно из Блика в Лютэ «Иридиксен» летел своим ходом, привязанный тросами к рыбацкой лодке с длинным килем, направлявшей гондолу против течения Альфеиса подобно ходовой тележке в рельсовом пазу. Вернувшись в Лютэ, Этцвейн отправился в энтерландский порт Око Востока, где взошел на борт пассажирского парусника, отплывавшего к Утреннему берегу, в Ильвий. Фактически Утренний берег относился к территории, порученной Ауну Шарраку. Этцвейн, тем не менее, хотел воочию удостовериться в добросовестности главного дискриминатора.

Из Ильвия Этцвейн вернулся морем в Око Востока. Между этими городами воздушнодорожного сообщения не было. Давно планировалась также ветка, напрямую связывавшая Брассей в Эльфине с Масчейном в Массеахе, но проект остался на бумаге. В каждом случае кратчайшее расстояние между городами составляло чуть больше трехсот километров — но длина трассы, проложенной с учетом преобладающих ветров, превышала бы две с половиной тысячи километров. Еще одну, кольцевую ветку, следовало протянуть от Брассей на запад через кантоны Язычников и Ирреале, потом в Фергаз на севере Гитанеска, после чего на юго-восток, через Фенеск в Гарвий. Изолированные кантоны Хавиоск, Фордум и Парфе пока не слишком нуждались в воздушнодорожном обслуживании, но разве не следовало думать о будущем? Этцвейн пометил в записной книжке: «Закончить строительство недостающих участков воздушной дороги — в кратчайшие сроки!»

Из Ока Востока «Иридиксен» вернулся в Пельмонт, откуда направился по главной южной магистрали в дикие кантоны, граничившие с Большой Соленой топью. В каждом кантоне Этцвейн находил особую ситуацию, особые представления. В Дифибеле женщинам принадлежали все лавки, склады и мастерские. Они наотрез отказывались покидать предгорья, будучи совершенно уверены в том, что в их отсутствие мужчины растащат запасы. В городе Хованна Этцвейн, охрипший от гнева, кричал: «Вы хотите, чтобы вас насильовали? Вы понимаете, что вас ждет?»

«Изнасилование можно перетерпеть, а потерянный товар не вернешь, — возражала предстоятельница Совета Матриархов. — Ничего, не беспокойтесь! Наши орудия устрашения отпугнут кого угодно». Она лукаво уклонилась, однако, от требования назвать «орудия устрашения», лишь намекнув, что «негодники проклянут тот день, когда покусились на наше добро. Воры, например, останутся без пальцев!»

В кантоне Буражеск Этцвейн столкнулся с сектантами-пацифистами, аглюстидами, носившими только одежды, изготовленные из собственных волос — по их утверждению, естественные и органические, то есть не причиняющие ущерба другим живым существам. Аглюстиды поклонялись всем аспектам жизненной силы и не употребляли в пищу ни плоти животных, ни растительных семян, зерен или орехов, а фрукты ели только после того, как сажали найденные в них семена и предоставляли им возможность прорасти. Аглюстиды считали, что рогушкой, более плодовые, чем люди, больше способствовали процветанию и распространению жизни, в связи с чем вымещение человеческой популяции популяцией рогушкеев было предпочтительно. Они призывали к пассивному сопротивлению «войне, развязанной Аноме». «Аноме хочет войны — пусть воюет сам!» — был их девиз. В одеждах из свалывшихся человеческих волос они дефилировали по улицам Манфреда, выкрикивая лозунги, распевая песни и улюлюкая.

Этцвейн не знал, как с ними поступить. Промедление не вязалось с его характером. Что, однако, можно было сделать?

Оторвать головы тысячам голодных, грязных оборванцев? Немыслимо. С другой стороны, почему пацифистам позволительно уклоняться от выполнения долга, когда гораздо лучшие люди погибают, их защищая?

В конце концов Этцвейн развел руками, с отвращением плюнул — и отправился в Шкер, где опять обнаружил ситуацию новую и достойную удивления, хотя и напоминавшую чем-то царивший в соседнем Буражеске апофеоз идиотизма. Жители Шкера были дьяволистами, то есть поклонялись пантеону демонов «голь-се». Дьяволисты придерживались хитроумного пессимистического космологического учения. Основные заповеди его выражались следующим силлогизмом:

«Зло преобладает всюду на Дердейне. Очевидно, что «голь-се» сильнее противостоящих им духов добра. Следовательно, простейшая логика требует умиловления и прославления демонов».

Рогушкоев дьяволисты почитали в качестве воплощений «голь-се». Этцвейн, прибывший в административный центр Банилли, узнал, что указы Аноме здесь не выполнялись — даже не публиковались. Глава местных органов самоуправления, Шкерский Вий, изъяснялся фаталистически скорбным тоном: «Пусть Аноме оторвет нам головы — что поделаешь? Все равно мы не вправе противостоять существам, столь превосходящим нас в порочности и жестокости. Наши женщины уходят к ним добровольно. Мы предлагаем им пищу и вино, мы не оказываем сопротивления их внушающему ужас величию».

«Я положу этому конец!» — заявил Этцвейн.

«Никогда! Таков закон нашей жизни. Мы не можем жертвовать вечностью ради каких-то прихотей, противоречащих здравому смыслу!»

Снова Этцвейн помотал головой в замешательстве — и отправился в кантон Глай, не слишком развитый и населенный в основном диковатыми малограмотными людьми. Здешние отроги Хвана были практически безлюдны — в предгорьях прозябали несколько феодальных кланов, даже не подозре-

вавших об инструкциях Аноме. Их взаимоотношения с рогушками в принципе устраивали Этцвейна. Одни других стоили: глайские горцы постоянно устраивали засады на одиноких рогушкеев, чтобы добыть драгоценные металлические палицы и ятаганы.

Явившись в столицу кантона, Оргалу, Этцвейн обратился к трем верховным судьям, упрекая их за невыполнение указа о созыве ополчения. Судьи только рассмеялись: «Когда вам понадобится отряд опытных бойцов, сообщите — мы его сформируем за два часа. А пока не получены конкретные приказы и новое оружие, зачем себя утруждать? Кроме того, чрезвычайное положение могут отменить».

Этцвейн не мог ничего возразить — точка зрения судей по-своему была логична. «Хорошо, — сказал он. — Будьте готовы, однако, выполнить обещание по первому требованию. Кстати, где находится исправительное учреждение управления воздушной дороги, лагерь № 3?»

Судьи насторожились: «Зачем вам понадобился лагерь № 3?»

«Приказ Аноме — обсуждению не подлежит».

Судьи переглянулись, пожали плечами: «Лагерь № 3 — в сорока километрах по дороге на юг, к Соленой топи. Вы собираетесь воспользоваться своей роскошной гондолой?»

«Разумеется. По-вашему, я должен идти пешком?»

«Видите ли, в таком случае вам придется нанять тягловых быстроходцев — вдоль южной дороги нет пазового рельса».

Часом позже Казалло и Этцвейн отправились в «Иридиксене» на юг. Тросы гондолы закрепили на концах длинного тяжелого шеста, противодействовавшего подъемной силе паруса. Один конец шеста соединили с упряжью на спинах двух быстроходцев, другой поддерживала пара легких колес с перекладиной и сиденьем погонщика. Быстроходцы двинулись по дороге резвой рысцей. Казалло регулировал форму и положение паруса так, чтобы животным приходилось прилагать минимальные усилия. Полет в упряжке заметно отличался от движения гондолы, подгоняемой ветром — ритмичное подрагивание тягловых тросов передавалось корпусу.

Этцвейн ощущал необычные толчки... и нарастающее напряжение — чувство вины? Ничто, по существу, не мешало ему явиться в лагерь № 3 гораздо раньше. Это соображение привело Этцвейна в раздраженное, подавленное состояние. Легкомысленный Казалло, не озабоченный ничем, кроме поиска простейших способов развеять скуку, достал хитан. Убежденный в своем мастерстве и в том, что оно вызывает у Этцвейна завистливое восхищение, ветровой попытался сыграть мазурку из классического репертуара, известную Этцвейну в двенадцати вариантах. Казалло исполнял мелодию неуклюже, но старательно и почти без ошибок. Тем не менее, в одной из модуляций он непременно брал неправильный аккорд. Этцвейн, наливавшийся желчью после каждого повторения фальшивой гармонии, не вытерпел: «Это невозможно, в конце концов! Если тебе невтерпех брэнчать, по крайней мере выучи аккорды!»

Казалло насмешливо поднял брови: «Друг мой, эта пьеса — «Огненные подсолнечники» — традиционно исполняется именно так. Боюсь, у вас плохой слух».

«В общем и в целом мелодию можно распознать, хотя я неоднократно слышал ее в правильном исполнении».

Казалло лениво протянул хитан: «Будьте добры, наставьте меня на путь истинный. Я буду чрезвычайно признателен».

Этцвейн схватил инструмент, чуть ослабил высоко настроенную струну большого пальца⁷ и сыграл мазурку правильно — пожалуй, с излишней показной легкостью. В первой вариации он присовокупил изящные беглые украшения, во второй сыграл тему в обратном движении, ракоходом, аккомпанируя совсем в другом ладу, после чего, вернувшись к первоначальной последовательности, исполнил блестящую импровизацию взволнованным быстрым стаккато, более или менее согласовавшимся с его настроением, продолжая контрапунктически повторять основную тему в других голосах

⁷ Названия пяти основных струн хитана соответствуют наименованиям пальцев правой руки — «струна большого пальца», «струна указательного пальца» и т. д.; происхождение названий четырех вспомогательных струн («джа», «ка», «си», «ля») неизвестно.

на манер ричеркара. Завершив пьесу виртуозной каденцией с добавлением невозможных пассажей пиццикато пальцами левой руки и сложно синкопированных ритмов гремушки, Этцвейн отдал хитан уничтоженному Казалло: «Примерно в этом роде. Под конец я позволил себе пару вольностей».

Казалло перевел взгляд с Этцвейна на хитан, молча, с подчеркнутой аккуратностью повесил инструмент на деревянный крючок и пошел смазывать лебедки. Этцвейн повернулся к панораме, открывавшейся за бортом.

Пейзаж стал диким, почти враждебным: в зеленом море пилы-травы выделялись островки черно-белых тропических зарослей. Чем дальше они продвигались на юг, тем плотнее и темнее становились джунгли. Среди пилы-травы стали попадаться гниющие заболоченные участки, в конце концов сменявшиеся напоминающими сугробы скоплениями синевато-белой падальной грибницы. Впереди тускло блестела сонная излучина реки Бренай. Дорога слегка отклонилась к западу, поднимаясь к развалу крошащихся темно-серых вулканических скал, извилисто протиснулась в распадке между скалами и обогнула огромное поле заросших развалин — город Матрис, две тысячи лет тому назад осажженный и разрушенный паласедрийцами, а теперь населенный лишь огромными иссиня-черными ахульфами Южного Глая, осквернявшими руины внушавшей смех и ужас дикой пародией на человеческую городскую жизнь. В низине за развалинами Матриса начиналось болото, казавшееся издали миражом тысяч маленьких озер — здесь росли самые развесистые ивы Шанта, купами по десять-двенадцать метров высотой. Работники из лагеря № 3 срезали, обдирали и сушили прутья ивняка. Вязанки нагружали на баржи и сплавляли по реке Бренай в Порт-Палас на южном берегу, откуда шхуны доставляли их в Сиреневую Дельту на предприятия, изготавливавшие гондолы.

Далеко впереди появилось темное пятно. Приложив к глазам бинокль, Этцвейн понял, что это и был исправительный лагерь № 3. За семиметровым частоколом он разглядел центральный двор, ряд навесов и длинный двухэтажный барак. Левее находились приземистые административные здания и группа небольших коттеджей.

Дорога разветвлялась — упряжка быстроходцев повернула к управлению лагерной администрации. Несколько человек вышли навстречу и, перекинувшись парой слов с погонщиком, подтянули тросы гондолы шкивами, вращавшимися в рогатых бетонных тумбах. Быстроходцы, шагом пройдя вперед, опустили «Иридиксен» на землю.

Этцвейн вышел из гондолы в жаркий и влажный мир. Над головой кружились пылающим калейдоскопом Сасетта, Эзеллетта и Заэль. Воздух дрожал над болотами — невозможно было различить, где мириады топких островков и мутных излучин сливались с серебристыми миражами.

К нему медленно приближались трое. Первый — рослый дородный человек с колючими серыми глазами, второй — коренастый лысый детина с выдающейся, массивной нижней челюстью. Последний, помоложе, гибкий и чуткий, как ящерица, с неподобающими тюремщику растрепанными черными кудрями, блестел угольно-черными зрачками. Они вписывались в ландшафт — настороженно, недоверчиво двигавшиеся фигуры с жестокими неулыбчивыми лицами. На них были широкополые шляпы из отбеленного волокна пилы-травы, белые рубахи навыпуск, серые шаровары, полусапожки из чумповой⁸ кожи; на ремнях висели небольшие арбалеты-самострелы, заряженные шипами гадючного дерева. Каждый из троих холодно уставился на Этцвейна, не видевшего причины для их очевидной враждебности и на секунду опешившего. Острее, чем когда-либо, он сознавал свою неопытность, более того — опасность своего положения. «Необходимо жестко контролировать ситуацию», — подумал он и безразлично произнес: «Меня зовут Гастель Этцвейн. Я исполнительный директор, назначенный Аноме. Мне поручено действовать от имени Аноме».

⁸ Чумпы: земноводные обитатели Соленой топи, лишенные шерсти родственники ахульфов, но крупнее и медлительнее последних. Чумпы, коварством и склонностью к зловредным выходкам не уступавшие ахульфам, отличались от сухопутных родичей истерическим упрямством, приводившим в отчаяние всех, кто пытался их одомашнивать.

Первый из троих медленно, двусмысленно кивнул, будто подтвердились какие-то его подозрения: «Что вам нужно в лагере № 3? Мы — воздушнодорожники, и отчитываемся перед управлением воздушной дороги».

У Этцвейна уже выработалась привычка — чувствуя, что собеседник испытывает к нему сильную неприязнь, он неторопливо разглядывал лицо противника. Тактика эта иногда нарушала психологический ритм, навязанный другой стороной, и давала Этцвейну время продумать следующий шаг. Теперь он задержался, изучая лицо стоявшего перед ним наглеца, и решил проигнорировать заданный вопрос: «Кто вы?»

«Главный надзиратель лагеря № 3 Ширге Хиллен».

«Сколько работников в лагере?»

«Считая поваров, двести три человека», — Хиллен отвечал угрюмо, неохотно, почти угрожающе. На нем был ошейник с эмблемой воздушнодорожника — на воздушной дороге прошла вся его жизнь.

«Сколько среди них крепостных должников?»

«Сто девяносто человек».

«Я хотел бы осмотреть лагерь».

Уголки пепельных губ Хиллена чуть приподнялись: «Не рекомендую. У нас содержатся опасные преступники, это лагерь для особо провинившихся. Если бы вы заранее предупредили нас о прибытии, мы успели бы принять меры предосторожности. В данный момент проводить инспекцию не советую. Могу предоставить вам всю существенную информацию в управлении. Будьте добры, следуйте за мной».

«Я выполняю приказы Аноме, — обыденно-деловым тоном сообщил Этцвейн. — Соответственно, вы обязаны мне подчиняться — или потеряете голову». Этцвейн вынул передатчик и набрал цветовой код надзирателя: «Честно говоря, мне не нравится ваша манера поведения».

Хиллен слегка надвинул на глаза широкополую шляпу: «Что вы хотите видеть?»

«Начнем с рабочих мест», — Этцвейн взглянул на двух других тюремщиков. Лысый приземистый детина отличался впечатляющей шириной плеч и длинными узловатыми руками, какими-то скрюченными или деформированными. Лицо

его сохраняло необычно расслабленное выражение, как если бы он предавался возвышенным мечтам. Второй, кудрявый черноглазый субъект, мог бы похвастаться привлекательной внешностью, если бы не длинный крючковатый нос, придававший ему лукаво-угрожающий вид. Этцвейн обратился к обоим: «Каковы ваши функции?»

Хиллен не дал другим возможности ответить: «Это мои помощники. Я отдаю приказы, они их выполняют».

Чрезмерное спокойствие поз и поведения тюремщиков навело Этцвейна на мысль, что, вопреки утверждению надзирателя, к встрече эмиссара Аноме готовились — Ширге Хиллена, по-видимому, заранее предупредили. Если так — кто предупредил, с какой целью, почему? Осторожность прежде всего. Развернувшись на каблуках, Этцвейн вернулся к Казалло, бездельничавшему в тени «Иридиксена». Ветровой со страдальческим видом изучал сорванный стебель пилы-травы. «Плохо дело, — тихо сказал ему Этцвейн, — здесь что-то не так. Подними гондолу повыше и не опускай, пока я не подам знак левой рукой. Если не вернусь до захода солнца, обрежь тросы и доверься ветру».

Ничто не нарушало ленивую самоуверенность Казалло, тот даже не приподнял брови: «Разумеется, сию минуту — как вам угодно». Не двигаясь с места, ветровой с надменным отвращением смотрел на что-то за спиной Этцвейна. Этцвейн быстро обернулся — Хиллен поднес руку к самострелу на поясе, рот его нервно подергивался. Этцвейн медленно шагнул назад и в сторону — так, чтобы в поле зрения оставались и Казалло, и надзиратель. Новая, пугающая мысль ошеломила его: Казалло был назначен ветровым «Иридиксена» чиновниками из управления воздушной дороги. Этцвейн никому не мог доверять. Он был один.

Лучше всего, однако, было сохранять видимость доверия — в конце концов, Казалло мог не участвовать в заговоре или не сочувствовать начальству. Но почему он не раскрыл рта, когда рука Хиллена почти выхватила самострел? Этцвейн произнес тоном учителя, терпеливо разъясняющего задачу: «Будь осторожен! Если нас обоих прикончат и свалят вину на

заклученных, кому захочется доказывать обратное? Свидетели им не нужны. Забирайся в гондолу».

Казалло медленно подчинился. Этцвейн внимательно следил за ним, но не мог угадать значение взгляда, брошенного ветровым через плечо. Этцвейн подал знак: «Трави тросы, поднимайся!» Пока «Иридиксен» не оказался в ста метрах над головой, Этцвейн не двигался, после чего стал неторопливо подходить к тюремщикам.

Обернувшись к помощникам, Хиллен что-то проворчал и вернулся к напряженному наблюдению за Этцвейном, остановившимся шагах в двадцати. Этцвейн сказал младшему помощнику: «Будьте добры, сходите в управление и принесите список заключенных, с указанием величины крепостного долга каждого».

Кудрявый брюнет вопросительно взглянул на Хиллена. Тот произнес: «Обращайтесь ко мне. Только я отдаю распоряжения лагерному персоналу».

«Моими устами гласит Аноме, — возразил Этцвейн. — Я отдаю приказы по своему усмотрению. Неподчинение приведет только к тому, что вы расстанетесь с головами».

Перспектива расстаться с головой, судя по всему, нисколько не волновала главного надзирателя. Чуть отведя руку в сторону брюнета, Хиллен обронил: «Принеси журнал».

Этцвейн спросил лысого детину: «Какие обязанности поручены вам?»

Тот безмятежно, как сонный ребенок, повернул лицо к Хиллену.

Смотритель сказал: «Он обеспечивает мою безопасность, когда я нахожусь среди заключенных. В лагере № 3 приходится иметь дело с отчаянными людьми».

«В вашем присутствии нет необходимости, — Этцвейн продолжал обращаться к лысому охраннику. — Вернитесь в управление и оставайтесь там, пока вас не позовут».

Помощник недоуменно глядел на Хиллена. Тот сделал короткое движение пальцами, отправляя охранника в управление, но при этом, едва заметно, отрицательно покачал головой. Этцвейн сразу прищурился — эти двое себя выдали.

«Одну минуту! — сказал он. — Хиллен, почему вы подаете знаки, противоречащие моим указаниям?»

Вопрос застал надзирателя врасплох, но он сразу оправился: «Я не подавал никаких знаков».

Этцвейн произнес размеренно и весомо: «Наступил решающий момент в вашей жизни. Либо вы сотрудничаете со мной, полностью игнорируя распоряжения, полученные от других лиц, либо я прибегаю к высшей мере наказания. Других вариантов нет — выбирайте!»

Непривычно растянувшись, мышцы на лице Хиллена изобразили заведомо фальшивую улыбку: «Мне остается только подчиниться полномочному представителю Аноме. Вы, конечно, можете удостоверить свои полномочия?»

«Пожалуйста, — Этцвейн показал надзирателю красновато-лиловый лист пергамента, скрепленный печатью Аноме. — Если этого недостаточно...» Этцвейн продемонстрировал кодирующий передатчик: «А теперь объясните — зачем вы отрицательно качали головой, когда я приказал охраннику удалиться? О чем вы предупреждали, чего он не должен был делать?»

«Я советовал ему не вести себя вызывающе и не спорить», — ответил Хиллен оскорбительно безразличным тоном.

«Вас предварительно известили о моем прибытии, — сказал Этцвейн. — Разве не так?»

Смотритель поправил широкополую шляпу: «Меня никто ни о чем не извещал».

Из-за угла лагерного частокола появились четыре работника. Они тащили грабли, лопаты и кожаные меха с водой. Что, если один сделает угрожающее движение лопатой, а Хиллен, выхватив арбалет, застрелит Этцвейна вместо заключенного?

Этцвейн, средоточие абсолютной власти, был абсолютно уязвим.

Волоча ноги, бригада с садовыми инструментами скрылась во дворе, не проявив интереса ни к начальнику, ни к приезжему. Угрозы не было. Но в следующий раз, принужденные охраной, работники могли разыграть требуемый спектакль.

«В моем присутствии ваши самострелы не понадобятся. Будьте добры, положите оружие на землю».

Хиллен прорычал: «Ни в коем случае — они необходимы постоянно! Мы живем и работаем среди головорезов, готовых на все».

Этцвейн вынул темную трубку универсального детонатора — безжалостное средство уничтожения, позволявшее взорвать любой ошейник в узко направленном секторе излучения или тысячу ошейников одновременно на участке заданного радиуса: «Я беру на себя ответственность за вашу безопасность и должен позаботиться о своей. Бросьте оружие».

Хиллен все еще колебался. Кудрявый брюнет вернулся с журналом.

«Считаю до пяти, — сказал Этцвейн. — Раз...»

Главный надзиратель с достоинством опустил арбалет на землю, помощник последовал его примеру. Этцвейн взял протянутый журнал, отошел на пару шагов, просмотрел записи. В заголовке каждого листа указывались имя работника и цветовой код его ошейника, ниже следовала краткая биография. Таблицу на обратной стороне листа испещряли цифры, отражавшие менявшуюся со временем сумму крепостного долга.

Нигде в журнале Этцвейн не видел имени «Джерд Финнерак». Странно. «Мы осмотрим лагерь, — сказал он надзирателю и повернулся к кудрявому помощнику. — Вы можете вернуться в управление».

В слепящем полуденном зное они направились к открытым воротам высокого частокола. По-видимому, перспектива бежать в кишашие паразитами болота, населенные чумпами и иссиня-черными ахульфами, мало привлекала заключенных.

За частоколом тяжесть влажной жары удвоилась — воздух дрожащими волнами поднимался над раскаленным двором. С одной стороны стояли чаны и сушильные стойки, с другой находился большой навес, где работники обдирали, скоблили, связывали и упаковывали прутья ивняка. За навесом высился спальный барак с пристройками — кухней и столовой. Пованивало едкой гнилью — скорее всего, из чанов с известью для отбелки ивняка.

Этцвейн подошел к навесу и взглянул на длинный ряд столов. Примерно пятьдесят заключенных работали с характерной в присутствии начальства безрадостной торопливостью. Они искоса следили за Этцвейном и Хилленом.

Этцвейн заглянул в кухню. Не меньше двадцати поваров занимались повседневными делами — чистили овощи, мыли глиняные горшки, обдирали бледно-серое мясо с костей разделанной туши. Заметив инспектора, они молча отводили глаза, что говорило о царящих в лагере порядках красноречивее взглядов в упор или дерзких замечаний.

Этцвейн не спеша вернулся на двор и задержался, чтобы собраться с мыслями. Атмосфера в лагере № 3 подавляла чрезвычайно. Чего еще можно было ожидать? Невыплаченный долг и угроза его увеличения заставляли каждого работника выполнять распоряжения. Крепостная система получила всеобщее признание и считалась полезной. Тем не менее, нельзя было не признать, что от случая к случаю тяжесть и продолжительность принудительных работ были несоразмерны повинности. Этцвейн спросил главного надзирателя: «Кто собирает ивняк на болоте?»

«Бригады резчиков. Выполнив норму, они возвращаются — обычно ближе к вечеру».

«Вы давно работаете в лагере?»

«Четырнадцать лет».

«Персонал часто меняется?»

«Одни увольняются, присылают других».

Этцвейн открыл регистрационный журнал: «Возникает впечатление, что крепостной долг заключенных редко уменьшается. Эрмель Ганс, к примеру, за четыре года погасил долг только на двести десять флоринов. Как это возможно?»

«Работники безответственно расходуют деньги в ларьке — главным образом, на спиртное».

«Пятьсот флоринов?» — Этцвейн указал на запись в таблице.

«Ганс совершил проступок и угодил в карцер. Проведя месяц в карцере, он согласился отработать штраф».

«Где находится карцер?»

«В пристройке за частоколом», — в голосе главного надзирателя появилась едва уловимая резкость.

«Мы осмотрим эту пристройку».

Хиллен пытался придать своим словам характер спокойного рассуждения: «Это рискованно. У нас возникают серьезные проблемы с дисциплиной. Вмешательство человека, незнакомого с обстановкой, может привести к мятежу».

«Не сомневаюсь, — отвечал Этцвейн. — С другой стороны, злоупотребления — если они существуют — невозможно выявить, не увидев вещи собственными глазами».

«Я руководствуюсь исключительно практическими соображениями, — чуть приподнял голову Хиллен. — Правила устанавливаются начальством. Я слежу за их выполнением».

«Возможно, правила нецелесообразны или чрезмерно суровы, — настаивал Этцвейн. — Я желаю осмотреть пристройку».

Увидев, что делается в карцере, Этцвейн приказал сдавленным голосом: «Немедленно выведите этих людей на свежий воздух!»

Главный надзиратель спросил с каменным лицом: «Зачем вы приехали в лагерь? Чего вы хотите?»

«Узнаете в свое время. Поднимите заключенных из этих ям и выведите их на воздух!»

Хиллен сухо отдал указания охранникам. Из пристройки, жмурясь в солнечных лучах, выбрались четырнадцать тощих арестантов. Этцвейн спросил надзирателя: «Почему в регистрационном журнале не упоминается Джерд Финнерак?»

Хиллен, по-видимому, ждал этого вопроса: «Он у нас больше не работает».

«Он выплатил долг?»

«Джерд Финнерак — уголовный преступник, ожидающий приговора кантонального суда».

«Где он сейчас?» — нежно поинтересовался Этцвейн.

«В тюрьме строгого режима».

«И тюрьма находится...»

Хиллен произвел неопределенное движение головой в сторону болот: «На юге».

«Далеко?»

«В трех километрах отсюда».

«Прикажите подать дилижанс».

Дорога к тюрьме строгого режима пересекла мрачную пустошь, заваленную гниющими грудями отходов лагерного производства, и нырнула в рощу гигантских серых коротрясов. Массы бледно-зеленой листвы, бесплотные, как облака, шелестели над головой — прохладные пространства между стволами терялись во мгле, как пещерные своды. После лагерного двора (и в ожидании зрелища тюрьмы) калейдоскоп редких тройных солнечных бликов — бледно-голубых, жемчужно-белых, розовых — блуждавших по пыльной колее, по усыпанной корой лесной подстилке, казался нереальным.

Этцвейн нарушил молчание: «Рогушкой в округе встречаются?»

«Нет».

Органный лес коротрясов стал перемежаться частыми порослями осины, липколиста, карликовой псевдососны. Дорога вырвалась на поросшее черным мхом, блестящее водой открытое пространство, дымящееся ароматическими испарениями. Над головой проносились, как сверкающие стрелы, громко стрекочущие насекомые. Поначалу Этцвейн морщился и пригибался. Хиллен сидел, неподвижно выпрямившись, и презрительно смотрел в горизонт.

Они приближались к низкому бетонному строению без окон.

«Тюрьма», — сказал Хиллен.

Заметив странную живость выражения на лице надзирателя, Этцвейн сразу насторожился: «Остановите здесь!»

Хиллен бросил на него горящий взгляд прищуренных глаз, с раздражением посмотрел на тюрьму и чуть сгорбился. Этцвейн быстро соскочил на землю, уже уверенный в том, что надзиратель замышлял подвох. «Слезайте! — сказал он. — Идите к зданию, вызовите охранников наружу. Пусть приведут Джерда Финнерака — ко мне, сюда».

Хиллен разочарованно пожал плечами, спустился на дорогу, угрюмо прошествовал к раскаленной бетонной коробке,

остановился в трех шагах от входа и грубо позвал. Изнутри показался низенький толстый человек с растрепанными черными волосами, прилипшими ко лбу и ко щекам. Хиллен злобно взмахнул кулаком, будто ударяя по столу. Оба посмотрели на Этцвейна. Толстяк задал печальный вопрос. Хиллен коротко ответил. Толстяк скрылся в здании.

Этцвейн ждал, изнемогая от напряжения. На Ангвинской развязке Финнерак был жилистым молодым блондином с мягкими, дружелюбными манерами. Не побуждаемый, скорее всего, ничем, кроме простого сочувствия, Финнерак советовал Этцвейну бежать — и даже предлагал содействие. Конечно, он не мог предвидеть, что Этцвейн неожиданно отцепит гондолу и улетит, схватившись за тросы — Финнераку пришлось дорого заплатить за эту выходку. Только теперь Этцвейн признался себе, что купил свободу ценой мучений Финнерака.

Из здания тюрьмы, спотыкаясь, тихо вышел исхудавший сутулый человек неопределенного возраста. Его светло-русые волосы, давно не стриженные, торчали свалывшимися клочьями. Хиллен ткнул большим пальцем в сторону Этцвейна. Финнерак поднял голову, посмотрел — даже на расстоянии пятидесяти метров Этцвейна обжег пронзительный блеск выцветших бело-голубых глаз. Медленно, будто преодолевая мучительную боль, Финнерак побрел по дороге. В двадцати шагах за ним, иронически сложив руки на груди, следовал Хиллен.

Этцвейн громко закричал: «Хиллен! Вернитесь ко входу!»

Хиллен, казалось, не слышал.

Этцвейн выхватил кодирующий передатчик: «Назад!»

Хиллен развернулся на месте и стал неторопливо возвращаться к зданию тюрьмы — все в той же позе, со сложенными на груди руками. Недоуменно усмехнувшись, Финнерак посмотрел в спину надзирателю, покосился на передатчик Этцвейна, приблизился, остановился: «Что вам нужно?»

Этцвейн разглядывал обгоревшее, жилистое, стянутое резкими морщинами лицо, пытаясь узнать когда-то приветливого, веснушчатого Финнерака. Финнерак, со своей стороны,

явно не узнавал Этцвейна. Этцвейн спросил: «Вы — Джерд Финнерак, служивший на Ангвинской развязке?»

«Было такое дело».

«Сколько вы здесь провели?» — Этцвейн указал на бетонный каземат.

«Пять суток».

«Зачем вас сюда посадили?»

«Чтобы я сдох. Зачем еще?»

«Но вы еще живы».

«Жив, как видите».

«Кто еще внутри?»

«Два заключенных, два охранника».

«Финнерак, вы свободны».

«Неужели? Кто вы такой?»

«В Шанте правит новый Аноме. Я его заместитель, исполнительный директор. Как насчет других арестантов? Чем они провинились?»

«Каждый совершил по три нападения на охранников. За мной только два, но Хиллен разучился считать».

Этцвейн повернулся, чтобы найти глазами главного надзирателя, угрюмо прислонившегося к тюремной стене с теневой стороны: «Подозреваю, что Хиллен прячет самострел. Как себя вели охранники перед моим прибытием?»

«Час тому назад они получили сообщение из лагеря и встали у входа с оружием наготове. Потом вы приехали. Хиллен приказал вывести меня наружу. Вот и все».

Этцвейн позвал: «Хиллен! Прикажите охранникам выйти».

Хиллен что-то произнес через плечо. Вышли охранники — сначала толстяк, за ним долговязый тип с землистым лицом и обрезанными мочками ушей.

Этцвейн приблизился на несколько шагов: «Все трое — повернитесь лицом к стене и поднимите руки над головой!»

Хиллен неподвижно уставился на Этцвейна, будто тот обращался не к нему. Этцвейн прекрасно понимал, что надзиратель оценивает свои шансы — с любой точки зрения малоутешительные. Наконец Хиллен высокомерно бросил на землю

добытый каким-то образом самострел, повернулся спиной и поднял руки вверх. Охранники сделали то же самое.

Этцвейн подошел еще на несколько шагов и сказал Финнераку: «Обыщите всех троих и отберите найденное оружие, после чего освободите заключенных».

Финнерак подчинился. Шли минуты. Тишина нарушалась только стрекотом насекомых и редкими приглушенными звуками, доносившимися из бетонного здания. Вышли бледные, костлявые арестанты, с любопытством старавшиеся разглядеть Этцвейна ослепленными слезящимися глазами. «Подберите самострел, — сказал Этцвейн Финнераку, — заведите Хиллена и охранников в камеры, запирайте их».

С издевательским спокойствием Финнерак пригласил тюремщиков внутрь — несомненно, подражая привычной жестике самих тюремщиков. Хиллен, оценивший иронию ситуации, мрачно усмехнулся и скрылся в зияющем проеме бетонной коробки.

«Каковы бы ни были его недостатки, — подумал Этцвейн, — Хиллен встречает удары судьбы, не теряя достоинства. Сегодня, с его точки зрения, судьба сыграла с ним злую шутку».

Этцвейн посоветовался с Финнераком и двумя другими бывшими узниками, после чего зашел в вонючий каземат. Грязь в камерах вызвала у него приступ тошноты. Хиллен и его подручные уныло сидели на полу, сгорбившись и обхватив колени руками.

Этцвейн обратился к главному надзирателю: «Перед прибытием в лагерь № 3 у меня не было никаких враждебных намерений, но сначала вы попытались меня обмануть, а потом покусились на мою жизнь. Невозможно сомневаться в том, что вы получили соответствующие указания. Кто дал эти указания?»

Хиллен отвечал неподвижно-свинцовым взглядом.

«Вы сделали незавидный выбор», — пожал плечами Этцвейн, отвернулся и собрался уходить.

Толстый охранник, обливавшийся потом, жалобно спросил: «Что с нами будет?»

Этцвейн дал беспристрастный ответ: «Финнерак, Хайме и Мермиэнте не рекомендуют вас освобождать. Каждый из них считает, что милосердие в данном случае было бы серьезной ошибкой — а кому лучше знать, чем людям, наблюдавшим ваше поведение в течение длительного времени? Хайме и Мермиэнте согласились стать вашими тюремщиками. С дальнейшими вопросами и претензиями обращайтесь к ним».

«Они нас убьют. Аноме хочет нашей смерти? Где справедливость?»

«Я не знаю, где справедливость, — отвечал Этцвейн. — Ее точное местонахождение установить еще не удалось. Не сомневаюсь, однако, что освобожденные обойдутся с вами не лучше и не хуже, чем вы обращались с ними».

Финнерак и Этцвейн вернулись к дилижансу. Этцвейну было не по себе — он то и дело оборачивался. Где, в самом деле, была справедливость? Поступил ли он мудро и решительно? Или выбрал путь наименьшего сопротивления? Могло ли самое мудрое решение быть самым простым? Существовал ли какой-то неизвестный, но бесспорный вариант? Этцвейн не знал — и теперь не узнает никогда.

«Нужно торопиться, — сказал Финнерак. — К заходу солнц чумпы вылезают из болот».

В косых вечерних лучах дилижанс возвращался на север. Финнерак стал изучать Этцвейна краем глаза. «Где-то, когда-то я вас встречал, — сказал он наконец. — Где? Почему вы за мной приехали?»

Этцвейн думал: «Рано или поздно придется объясниться».

«Много лет тому назад, — вздохнул он, — вы оказали мне важную услугу. Недавно у меня впервые появилась возможность вас отблагодарить. Такова первая причина».

На жилистом загорелом лице Финнерака глаза мерцали, как голубой лед.

Этцвейн продолжал: «К власти пришел новый Аноме, назначивший меня исполнительным директором. У меня много забот и поручений. Мне нужно кому-то безусловно доверять, нужен помощник — человек без посторонних связей».

Финнерак тихо спросил с каким-то удивленным ужасом, будто опасался, что один из них сошел с ума: «И вы остановили выбор на мне?»

«Совершенно верно».

Финнерак сухо рассмеялся и хлопнул себя по колену — сомнений не оставалось, они оба рехнулись: «Почему я? Вы меня почти не знаете».

«Прихоть, если хотите. Допустим, я не могу забыть доброту, проявленную вами к малолетнему оборванцу на Ангвинской развязке».

«А!» — звук этот вырвался из самой глубины души Финнерака. Усмешка, недоумение, опасения — все исчезло во мгновение ока. Костлявое тело сгорбилось, сжалось на сиденье.

«Мне удалось бежать, — продолжал Этцвейн. — Я стал музыкантом. Месяц тому назад к власти пришел другой Аноме — и сразу призвал население на войну с рогушками. Аноме потребовал от меня внедрения новой политики и передал мне неограниченные полномочия. Я узнал, что вас отправили в исправительный лагерь, но не представлял себе тяжести заключения».

Финнерак распрямился, почти вскочил: «Вы не понимаете, чем рискуете! Не говорите лишнего! Вы не понимаете — никогда не поймете — как страшно я ненавижу всех, кто лишил меня молодости! Да знаете ли вы, что они со мной делали, как выколачивали — не мои долги — отцовские долги, ваши долги? Знаете ли вы, что я сам себя считаю сумасшедшим — животным, разъяренным до дикого бешенства побоями, каторгой, издевательствами, пытками? Ваша жизнь висит на волоске! В любой момент я могу разорвать вам горло зубами и когтями — а потом брошусь галопом, на четвереньках, обратно в тюрьму, и сделаю то же самое с ахульфом Хилленом!»

«Успокойтесь, — сказал Этцвейн. — Что было, то прошло. Вы живы, у вас все впереди. Нам предстоит многое сделать — работы неуворот».

«Работы? — оскалился Финнерак. — Какого черта я опять буду работать?»

«По той же причине, по какой работаю я — Шант нужно спасти от рогушкоев».

Финнерак резко расхохотался: «Рогушкой мне зла не причиняли. Пусть делают, что хотят!»

Этцвейн не знал, что ответить. Дилижанс катился по дороге. Они углубились в рощу коротрясов. Солнечный свет, теперь заметно сиреневого оттенка, отбрасывал длинные тени.

Этцвейн прервал молчание: «Вы никогда не думали, что, будь у вас власть, вы могли бы улучшить этот мир?»

«Думал, конечно, — голос Финнерака звучал уже не так надрывно. — Я мечтал уничтожить всех, кто надругался над мной — отца, Дагбольта, проклятого щенка, заставившего меня платить за свою свободу, воздушнодорожных магнатов, ахульфа Хиллена! Ха! Всех не перечислишь».

«Гнев мешает вам думать, — отозвался Этцвейн. — Уничтожая людей, вы ничего не добьетесь, не поможете ни себе, ни другим. Ложь, трусость и порок, как всегда, восторжествуют — и где-то в другой вонючей камере будет томиться другой Джерд Финнерак, мечтающий уничтожить вас, потому что вы не помогли ему, когда у вас в руках была власть».

«И правильно, — возразил Финнерак. — Все люди — исчадия зла, включая меня. Пусть рогушкой всем кишки выпустят — мир станет только лучше!»

«Глупо возмущаться природой человека! — упорствовал Этцвейн. — Да, люди таковы, какими они родились, а на Дердейне и подавно. Наши предки сбежали на эту планету, чтобы вволю предаваться причудам и предрассудкам. Мы унаследовали склонность к экстравагантной несдержанности. Вайано Паицифьюме это понял — чтобы нас укротить, нужны ошейники».

Финнерак потянул за свой ошейник с такой силой, что Этцвейн отшатнулся, опасаясь взрыва.

«Меня никто не укротил! — сказал Финнерак. — Меня только поработили».

«У системы есть недостатки, — согласился Этцвейн. — Тем не менее, по всему Шанту кантоны живут в мире, люди соблюдают законы. Я надеюсь устранить упущения, но прежде всего нужно справиться с рогушками».

Финнерак пожал плечами — его рогушкой не интересовали. В молчании они выехали из рощи коротрясов в низину, заросшую пилой-травой — теперь, в сумерках, тихую и печальную.

Этцвейн размышлял вслух: «Я нахожу себя в необычном положении. Новый Аноме — идеалист и теоретик, трудные практические решения он предоставляет мне. Мне нужна помощь. Я подумал о вас, потому что вы уже помогли мне раньше, потому что я у вас в долгу. Но ваше отношение к делу обескураживает — возможно, придется найти другого помощника. В любом случае, я могу дать вам свободу и богатство — почти все, что вы хотите».

Финнерак снова потянул ошейник, болтавшийся на тощей загорелой шее: «Вы не можете дать мне свободу, потому что не можете снять с меня эту петлю. Богатство? Почему нет? Я его заслужил. А лучше всего — поручите мне управление лагерем № 3 хотя бы на месяц».

«Что бы вы сделали, если бы я удовлетворил ваше желание?» — поинтересовался Этцвейн, надеясь лучше понять, что творилось у Финнерака в душе.

«О, вы не узнали бы Финнерака! Финнерак стал бы холодным, предусмотрительным судьей, взвешивающим каждый шаг так, чтобы ни в коем случае не преуменьшать справедливость возмездия. В тюрьме строгого режима Хиллен умрет через неделю или две — а его вина заслуживает гораздо более тяжкого наказания! Долгие годы он планомерно провоцировал в заключенных дерзость и неповиновение, нарочно позволял халтурить — и накладывал штрафы, увеличивавшие срок на три месяца, на шесть месяцев, на год. Никто еще в истории лагеря № 3 не выплатил крепостной долг! Если б я управлял лагерем месяц, весь месяц я содержал бы Хиллена живым в клетке — чтобы все, над кем он издевался, могли подойти посмотреть на него, сказать ему все, что думают. А потом отдал бы его чумпам. Подручные его, Гофман и Кай — садисты, не поддающиеся описанию! Они заслуживают самого худшего! — в голосе Финнерака снова звучал надрыв. — Пусть отведают сполна лагерного пекла! Пусть двенадцать часов в сутки отбеливают прутья в чанах с известью, а ночь проводят в кар-

цере — и так до конца их проклятых дней! Может, протянут два, три месяца — кто их знает?»

«Как насчет охранников?»

«Их двадцать девять человек. Ахульфы все, конечно — приличные люди не становятся тюремщиками — но пятеро не издевались и время от времени даже проявляли снисхождение. Еще десять охранников выполняли приказы точно и механически, как автоматы. Остальные — садисты. Этих нужно сразу отправить в тюрьму на болоте и никогда уже не выпускать. Десятерых педантов следует поддержать какое-то время в карцере — скажем, месяца три — а потом заставить обрабатывать прутья пять лет. Пятеро охранников подобрае... — Финнерак нахмурил выбеленные солнцами брови. — С ними сложно. Они делали для заключенных все, что могли — достаточно мало — но никогда не рисковали своим положением. Размеры их вины трудно определить. Тем не менее, их вина неоспорима, они обязаны ее искупить. Допустим, пусть поскоблят прутья один год и идут на все четыре стороны — без оплаты, разумеется».

«А крепостные должники?»

Финнерак удивленно повернулся на сиденье: «О каких должниках вы говорите? Каждый десять раз отработал все, что должен! Каждый выходит на свободу и получает на руки премию в десятикратном размере первоначального долга!»

«Кто будет резать прутья?» — спросил Этцвейн.

«Плевать я хотел на прутья! — отвечал Финнерак. — Пусть воздушнодорожные магнаты сами бродят по пояс в грязи и собирают пивок».

Снова в дилижансе наступило молчание. Этцвейн думал, что наказания, уготованные тюремщикам Финнераком, были пропорциональны причиненным ими страданиям. Впереди, черные на фоне фиолетовой вечерней зари, появились очертания частокола лагеря № 3. Высоко над лагерем парил темный силуэт «Иридиксена».

Финнерак указал на россыпь валунов у самой дороги: «Нас кто-то поджидает».

Этцвейн натянул поводья — дилижанс остановился. Несколько секунд он размышлял, потом вынул универсальный

детонатор, отрегулировал, направил на кучу валунов и нажал кнопку. Вечернюю тишину разорвала пара оглушительных, почти одновременных хлопков.

Этцвейн и Финнерак прошлись вдоль дороги и заглянули за валуны — там лежали два безголовых трупа. Финнерак с сожалением крикнул: «Гофман и Кай. Счастливчики, легко отделались!»

Медленно подъезжая к воротам, Этцвейн остановил дилижанс. Лагерь № 3 оскорблял планету своим существованием. Справедливость должна быть восстановлена. Каким образом? Кем? По каким законам? Этцвейн сидел в нерешительности, глядя через проем ворот на темный двор, где собралась группа тихо переговаривающихся работников.

Финнерак ерзал на сиденье, нетерпеливо дергая коленями и плечами, шипел сквозь зубы. Этцвейн вспомнил приговоры, предложенные Финнераком — суровые, но, насколько можно было судить, заслуженные. В голове Этцвейна созрела наконец давно пробуждавшаяся мысль: принцип, отражавший основные этические нормы Шанта.

Соразмерность наказания преступлению определяется местными представлениями. Возмездие за лагерные жестокости должно соответствовать лагерным понятиям.

Глава 5

Этцвейн решил ночевать в воздухе, на борту «Иридиксена». Как замороженный, он наблюдал в бинокль за происходящим на лагерном дворе. Ворота частокола закрыли, охранников заперли в складском сарае. При свете тусклых фонарей и стреляющих искрами костров из ивняка бесцельно бродили люди, оглушенные свободой. На столах разложили лучшую провизию из лагерных кладовых — в том числе деликатесы, найденные в лавке. Работники пировали, набивая животы сушеными утрями, запивая разбавленным кислым вином из погреба Хиллена, продававшего его в долг по астрономическим ценам. Кое-кто уже отдохнул достаточно, чтобы волноваться — четверо или пятеро ходили туда-сюда, возбужденно говоря и жестикулируя. Финнерак стоял немного в стороне. Он ел немного, пил еще меньше. Снаружи, за частоколом, Этцвейн заметил вкрадчивые движения больших черных фигур — ахульфы и чумпы с любопытством окружили лагерь, привлеченные необычным оживлением.

Когда никто уже не мог больше есть, а бочка с вином опустела, работники стали петь и стучать кулаками по столам. Финнерак подошел к пирующим и громко попросил их внимания. Пение стало прерываться и затихло. Финнерак говорил довольно долго. Толпа сидела утрюмо и тихо — многие, однако, беспокойно вертелись на скамьях и пожимали плечами. Наконец трое заключенных почти одновременно вскочили на ноги — и с веселыми прибаутками, вполне дружелюбно, вытолкали Финнерака в шею, подальше на темный двор. Финнерак с отвращением помотал головой, но выступать с речами больше не стал.

Трое затейников подняли руки, призывая к тишине. Они посоветовались, ответили на раздававшиеся из толпы предложения — порой гневные, иногда насмешливые и пьяные. Финнерак дважды быстро подходил, чтобы страстно подчеркнуть какие-то обстоятельства. Оба раза его вежливо выслушали. Судя по всему, разногласия касались скорее деталей, нежели сущности обсуждаемых вопросов.

Спор становился многоголосым, неразборчивым; несогласные громко стучали по столам.

Снова вперед вышел Финнерак — его аргументы позволили прекратить пререкания. Один из работников сходил за листом бумаги и пером, стал что-то записывать под диктовку Финнерака. Голоса из толпы предлагали дополнения и улучшения.

Перечень приговоров (таково было, видимо, назначение документа) был составлен. Финнерак снова отошел в сторону, глядя на остальных пустыми блуждающими глазами. Трое весельчаков взяли на себя руководство судебно-карательным процессом. Они назначили группу из пяти человек. Те отправились к закрытому сараю и вернулись с охранником.

Толпа рванулась к обидчику, но три координатора строго упрекнули самых озлобленных, и все вернулись на скамьи. Охранника поставили на стол лицом к людям, недавно находившимся в его власти. Один из заключенных подошел к нему и стал выкрикивать обвинения, подчеркивая каждое драматическими выпадами руки с выставленным указательным пальцем. Финнерак стоял поодаль, нахмутив брови. Еще один работник вышел и перечислил свои претензии, за ним другой, третий. Подсудимый слушал, лицо его нервно дергалось. Три координатора хором прочли приговор. Охранника оттащили к воротам частокола и вытолкнули наружу. Два иссиня-черных ахульфа схватили его за предплечья. Пока ахульфы собачились, сзади подбежала, тяжело шлепая, пятнисто-серая чумпа и утащила вертухая в темноту.

Лагерных надсмотрщиков — четырнадцать человек — выводили по одному из складского сарая. Одни вяло покорялись своей участи, другие вызывающе озирались, третьи упирались и вырывались из рук конвоиров. Самые лукавые надея-

лись задобрить толпу улыбками и шутками. Каждого заставляли взобраться на стол и стоять в зареве пылающего костра, выслушивая обвинения и приговор. В одном случае Финнерак бросился в промежуток между толпой и обвиняемым, лихорадочно протестуя и указывая пальцем вверх, на невидимый в ночном небе «Иридиксен». В этот раз охранника не выгнали к жалобно стонущим в темноте припозднившимся чумпам. Его отвели к продолговатым чанам с известью, где отбеливались свежие прутья ивняка, и заставили обдирать кору.

Стали выводить и обвинять оставшихся подсудимых. Одного, горячо защищавшего свою невиновность, после продолжительных дебатов так-таки вытолкали в ночь. Других заставили чистить прутья.

Вертухаи получили по заслугам. Выкатили еще бочку Хилленова вина. Узники пили и веселились, язвительно насмехаясь над испуганно обдирающим прутья начальством. Мало-помалу, напившись до отупения, то один, то другой работник садился у костра и засыпал. Охранники скоблили кору и проклинали тот день, когда они нанялись служить в лагере № 3.

Этцвейн опустил бинокль и лег в гамак. Опустошенный, он убеждал себя, что события разворачивались не худшим образом, примерно отвечали ожиданиям... После полуночи он встрепенулся и снова заглянул вниз, на окруженный частоколом двор. Работники спали или засыпали, развалившись вокруг костров. Пятеро стояли и смотрели на суетливо скоблящих прутья охранников — никак не могли насладиться зрелищем. В стороне от других Финнерак горбился за столом, уронив голову на руки. Этцвейн постоял, прислушиваясь к чавкающим шлепкам чумп и далекому тьявканью ахульфов, вернулся в гамак и заснул.

Этцвейн провел утомительное утро, удостоверяя отмену крепостных задолженностей и подписывая чеки на взятые с потолка суммы, позволявшие освобожденным получить возмещение в банке. Большинство работников слышать не хотели о резке и чистке прутьев ивняка. Небольшими группами они выходили из лагеря и брели по дороге на север, в Оргалу.

Человек двадцать согласились остаться надсмотрщиками — в жизни их больше ничто не интересовало. Долгие годы они завидовали прерогативам охранников и теперь могли сполна удовлетворить честолюбие.

«Иридиксен» опустился к бетонным тумбам. Этцвейн вошел на борт, за ним последовал Финнерак. Казалло потрясено, с брезгливым смятением смотрел на нового пассажира. Действительно, внешность Финнерака оставляла желать лучшего. Он не мылся, не переоделся — спутанные волосы жгутами спускались до плеч, арестантский комбинезон пестрел пятнами и дырами.

Как бы то ни было, «Иридиксен» взмыл над лагерем, и быстроходцы потрусили на север. Этцвейну казалось, что он просыпается после кошмара. Два вопроса не выходили у него из головы: сколько еще таких лагерей было в Шанте? И кто предупредил Ширге Хиллена о визите исполнительного директора?

В Оргале «Иридиксен» подцепили к каретке пазового рельса. Гондола, почуяв свежий бриз, понеслась на северо-запад. На следующий день, поздно вечером, они достигли кантона Горгаш, а утром пришвартовались на станции города Ставка Лорда Бенджамина. Этцвейн остался доволен горгашским ополчением, хотя Финнерак позволил себе сардонические замечания в адрес расфуфыренного офицерского состава, по численности почти не уступавшего уныло волочащим ноги рядовым рекрутам. «Главное — положить начало, — возразил Этцвейн. — У них мало опыта в таких делах. По сравнению с властями Дифибеля, Буражеска и Шкера здешнее руководство проявило изобретательность и расторопность».

«Допустим... Будут ли они драться, вот в чем вопрос!»

«Это мы узнаем, когда настанет время драться. Как бы вы поступили на моем месте?»

«Я сорвал бы с офицеров кружевные манжеты и шляпы с перьями и послал бы их варить солдатам похлебку. Рядовых я разделил бы на четыре отряда и заставил бы их устраивать ежедневные потасовки, а проигравший отряд оставлял бы без обеда, чтобы они злились и учились ненавидеть врага».

Этцвейн подумал, что сходные методы воспитания превратили добродушного белобрысого парня в жилистого загорелого человеконенавистника: «Может быть, вашим советам придется последовать, когда начнутся боевые действия. Пока что меня устраивает хотя бы то, что они не уклоняются от призыва».

Финнерак издевательски смеялся: «Подождите — только появятся рогушкой, их как ветром сдует!»

Этцвейн поморщился — ему неприятно было выслушивать столь откровенную критику, тем более что она резонировала с его тайными опасениями. Финнераку доставало такта. Кроме того, трудно проводить время с попутчиком, не принимавшим ванну несколько лет. Этцвейн смерил Финнерака неодобрительным взглядом: «Пора позаботиться о вашей внешности — она провоцирует нежелательные толки».

«Мне ничего не нужно, — ворчал Финнерак. — Не люблю тряпки и погремушки».

Этцвейн не принимал возражений: «Можете презирать тряпки, но человек должен быть человеком, а не свиньей. Внешность, сознательно или бессознательно, влияет на поведение. Неряшливый человек рано или поздно проявляет терпимость к интеллектуальной и нравственной нечистоплотности, опускается, не доводит до конца то, за что берется».

«Вы с вашими психологическими теориями!» — рычал Финнерак. Тем не менее, Этцвейн привел его во Дворянский Пассаж, где Финнерак в мрачном унынии позволил подстричь себе волосы, ногти и бороду, отмыть себя в бане, одеть на себя свежее белье и новый костюм.

Когда они вернулись, наконец, на борт «Иридиксена», Финнерак выглядел поджарым, мускулистым аскетом с решительным, изборожденным глубокими морщинами лицом, коротко подстриженными бронзовыми кудрями, ясно-голубыми, вечно блуждающими глазами и нервно растянутым сжатым ртом, на первый взгляд производившим впечатление улыбки.

В Масчейне, столице кантона Массеах, «Иридиксен» приближался к конечной станции ветки Безоблачного Фиолето-

вого Заката.⁹ Казалло, решивший покрасоваться под занавес, заставил гондолу описать огромную дугу против ветра и налег на тормоз, приземлившись точно у платформы. В результате Этцвейн и Финнерак, не ожидавшие рывка, повалились на палубу. Станционная бригада сразу подхватила и закрепила тросы порывающегося взлететь «Иридиксена». Этцвейн соскочил на платформу без сожалений. За ним вышел раздраженный Финнерак, не простивший ветровому экстравагантный маневр.

Этцвейн попрощался с Казалло; Финнерак угрюмо стоял в стороне. Попутчики отправились в город.

Плоскодонный ялик, перевозивший пассажиров по многочисленным каналам Масчейна, доставил их в отель «Речной остров», полностью занимавший террасами, садами, увитыми зеленью беседками и крытыми галереями каменистый островок посреди Джардина. Приезжая в Масчейн оркестрантом «Розово-черно-лазурно-глубокозеленой банды», Этцвейн, считавший тогда каждый флорин, подолгу разглядывал с набережной этот отель — самый привлекательный и комфортабельный в городе. Теперь в его распоряжение предоставили номера из четырех комнат, выходившие в отдельный сад, защищенный от взоров других постояльцев живыми изгородями цикламена, синего стеклярусника и волоколавра. Стены в номерах были обшиты деревянными панелями с мелкими прожилками, пепельно-зеленоватого оттенка в спальнях, а в гостиной — изысканного оттенка «азльшер»¹⁰ с едва замет-

⁹ В языке Шанта различаются многие разновидности закатов. Например: «феовре» — ясный, безоблачный фиолетовый закат; «аруш-тайн» — фиолетовый закат с горизонтальными прослойками яблочно-зеленых облаков; «горузуре» — пламенеющий, роскошный закат, охватывающий все небо; «шергорже» — то же, что и «горузуре», но с кучевыми облаками на востоке, обрашенными на запад ярко освещенным фасадом; «хейзен» — ситуация, в которой тяжелая пелена подсвеченных снизу туч затягивает все небо, за исключением ослепительной полосы на западе, где заходят солнца.

¹⁰ «Азльшер»: буквально, «цвет воздуха».

ными налетами бледно-зеленого, сиреневого и матово-синего, наводившими на мысль о широких лугах и речных просторах.

Финнерак взирал на роскошные номера, презрительно оттопырив нижнюю губу. Он уселся в кресло у огромного окна, закинул ногу на ногу и устремил каменный взор на сонные воды Джардина. Этцвейн, отвернувшись, позволил себе усмехнуться — должно быть, убогая обстановка отеля «Речной остров» не шла ни в какое сравнение с роскошными удобствами лагеря № 3.

Этцвейн выкупался в чуть прохладном садовом пруду и накинул белый льняной халат. Финнерак продолжал сидеть, будто заколдованный блеском широкой реки. Этцвейн игнорировал его — Финнераку предстояло привыкать к жизни по-своему.

Этцвейн заказал вина в чаше со льдом и попросил принести местные газеты. Финнерак соблаговолил взять бокал вина, но к новостям не проявил ни малейшего интереса — а новости были неутешительные. В параграфах, напечатанных черным, коричневым и горчично-охряным шрифтом, сообщалось о массовом вторжении рогушкоев в кантоны Лор-Асфен, Бундоран и Суррум. Горный кантон Шкорий рогушкой оккупировали полностью. Этцвейн прочел:

«Эвакуация женщин в приморские кантоны — оправданная обстоятельствами мера. Тем не менее, новая политика Аноме раздражает рогушкоев, совершающих яростные, все более опустошительные набеги в стремлении утолить ненасытную похоть. Кто и когда положит конец чудовищным погромам? Если Аноме, вооружившись всей мощью Шанта, не прогонит бешеную орду туда, откуда она нахлынула, через пять лет каждая пядь нашей земли будет кишеть рогушкоями. Куда они бросятся потом? В Караз? Больше некуда — ибо паласедрийцы не применили бы против Шанта биологическое оружие, не позаботив-

шись тем или иным способом о собственной безопасности».

В другой статье — в темно-багровой рамке с серым бордюром — народное ополчение Массеаха описывалось настолько подробно, что Этцвейн решил не проводить личную инспекцию. Окончание статьи заставило его досадливо встряхнуть газету:

«Наши храбрые бойцы привыкают к давно забытым тяготам военной жизни, обучаются восстановленным по древним рукописям правилам производства маневров. С готовностью и надеждой они ждут обещанных Аноме мощных боеприпасов и дальнобойных орудий. Воодушевленные его величественным примером, они сокрушат развратных красных бандитов — с воем и визгом, как ошпаренные ахульфы, рогушкой пустятся наутек и забудут дорогу в Шант!»

«Дальнобойные орудия, боеприпасы, величественный пример... — бормотал Этцвейн. — Знали бы они...» Знали бы они, что ими правит ошеломленный жизнью молодой музыкант без образования, без опыта, без особых способностей к руководству — тон статей стал бы значительно менее жизне-радостным. Этцвейну попало на глаза объявление в двойной серой и ультрамариновой рамке:

«Вчера вечером в «Серебряной Самарсанде» появился Дайстар. Слушатели оплатили ужин друидийна задолго до того, как он согласился отведать пару блюд. Снова ему пришлось неохотно принять множество анонимных даров. Как всегда, знаменитый импровизатор отблагодарил аудиторию поразительной хауруст-

рой¹¹ высших сфер бытия, посещаемых многими счастливыми. Говорят, сегодня Дайстар продолжит гастроли в «Серебряной Самарсанде». Спешите занимать места!»

Этцвейн прочел объявление второй, третий раз. В последнее время о музыке он не думал. Его охватила волна испуганной тоски: что он с собой сделал? Неужели вся оставшаяся жизнь пройдет бесплодно? Роскошь — охлажденное вино, четырехкомнатные апартаменты с садом — что все это значило по сравнению с воодушевлением старых добрых дней, в труппе маэстро Фролитца?

Этцвейн отложил газету. По сравнению с Финнерак ему еще повезло. Он повернулся взглянуть на попутчика, пытаясь понять, какие мысли гипнотизировали загорелого каторжника.

«Финнерак! — позвал Этцвейн. — Вы видели новости?»

Финнерак взял протянутую газету и просмотрел страницу, почему-то озабоченно хмурясь. «Какие такие мощные боеприпасы и дальнобойные орудия готовит Аноме?» — спросил он.

«Насколько я знаю, их нет».

«Без оружия, как вы надеетесь истребить рогушкоев?»

«Технисты проектируют оружие, — сказал Этцвейн. — Как только оно будет готово, ополченцы его получают. Пока нового оружия нет, придется пользоваться арбалетами, луками и стрелами, гранатами и бомбами, начиненными декоксом, копьями и пиками».

«Решение драться принято слишком поздно».

«Верно. Бывший Аноме отказывался нападать на рогушкоев — и до сих пор отказывается объяснить, почему бездействовал!»

Финнерак слегка заинтересовался: «Значит, он жив?»

«Жив. Его свергли, выгнали, сменили».

«Неслыханное дело! Кому это удалось?»

¹¹ Хаурустра: в приблизительном переводе, «музыкальная панорама» или «озарения».

Этцвейн не видел причины скрывать: «Слово «Земля» вам о чем-нибудь говорит?»

«Название планеты. По слухам, все люди происходят с Земли».

«На Земле существует свое рода учреждение, Исторический институт, где о Дердейне все еще помнят. Я случайно встретил корреспондента этого института — странного субъекта по имени Ифнесс, прилетевшего с Земли изучать Дердейн. Вместе с ним мы установили личность Человека Без Лица и потребовали, чтобы правительство приняло меры против рогушкоев. Аноме отказался. Тогда мы его свергли и объявили новую политику».

Финнерак чуть наклонил голову, блестящими глазами наблюдая за выражением лица Этцвейна: «Землянин — Аноме Шанта?»

«По-моему, лучше него никто не справился бы с управлением, — ответил Этцвейн. — К сожалению, он отказался от должности. Пришлось выбрать другого. Я ему помогаю. Мне самому нужен помощник — если бы вы захотели служить Шанту, то могли бы мне помочь».

«Шант ничего мне не дал, кроме лагерного срока, — сказал Финнерак. — Теперь я живу для себя, и только для себя».

Этцвейн терял терпение: «Ваше ожесточение понятно, но не разумнее ли посвятить себя достойной цели? Работая со мной, вы поможете другим жертвам несправедливости. Если вы им не сочувствуете, чем вы лучше Хиллена? Ничем — наоборот, вы хуже столь презираемых вами обывателей! Кто здесь, в Масчейне, например, знает о лагере № 3? Никто!»

Финнерак пожал плечами и неподвижно уставился в окно, на отливающие фиолетовым вечерним светом воды Джардина.

Помолчав, Этцвейн снова заговорил, стараясь сдерживаться: «Сегодня мы отужинаем в «Серебряной Самарсанде», где играет знаменитый друидийн».

«Знаменитый кто?»

Этцвейн в изумлении обвел глазами гостиную. Что и говорить, Финнерак словно вчера родился — его буквально лишили всего, ради чего стоило жить! Этцвейн ответил уже друже-

любнее: «Друидийн — одинокий бродячий музыкант, достигший высокого мастерства в игре на хитане, гастенге и дарабенсе. Впрочем, дарабенсом пользуются не все».

«Для меня одна нота не отличается от другой», — безразлично обронил Финнерак.

Этцвейн подавил новый приступ раздражения: «По меньшей мере, вы сможете хорошо поесть. Масчейн славится превосходной кухней».

Ресторан «Серебряная Самарсанда» расположился на набережной Джардина, отделенный от реки строем высоких, узких пирамидальных кипарисов — несимметричное, массивное каменное сооружение, оштукатуренное и побеленное, с широкой многоярусной крышей, выложенной замшелой черепицей. У входа вертикально, один над другим, висели пять цветных фонарей — глубокозеленый, дымчатый темно-алый, веселый светло-зеленый, фиолетовый и снова темно-алый. Ниже, немного в стороне, висела неяркая, но навязчивая желтая лампа. Согласно традициям шантской цветописи, гирлянда фонарей гласила: «Смертный, не пренебрегай быстротечным чудом сознательного бытия!»

Распахнув пару высоких бревенчатых дверей, Этцвейн и Финнерак прошли в фойе, где маленький мальчик подавал каждому гостю фиал вина и блюдечко с ломтиком соленого рыбного цуката — символы гостеприимства. Улыбаясь, подошла девушка в длинных красновато-лиловых оборках древнемассеахской менады. У каждого из молодых людей она отрезала небольшой локон, к подбородку каждого прикоснулась кусочком воска из сока йорбены — ритуал этот был слабым отголоском былых времен, когда массахские йомены славились неводержанностью и разгулом.

Этцвейна и Финнерака провели в просторный зал с высоким сводчатым потолком, еще почти пустой. Они заняли стол неподалеку от скамьи музыканта. Принесли фестончатый поднос с приправами — разноцветными острыми, горькими, едкими и солеными пастилками. Движимый отчасти желанием подразнить Финнерака, Этцвейн заказал традиционный «пир из сорока пяти блюд» и, кроме того, приказал официан-

ту подать Дайстару, если тот появится, лучшие произведения поваров.

Одно за другим стали подавать кушанья. Финнерак поначалу ворчал, недовольный скромными размерами порций в этом, по его словам, «пошлом заведении» — пока Этцвейн не напомнил ему, что он справился только с двенадцатью из со-рока пяти блюд.

Блюда сменялись степенной чередой согласно теоретическому императиву великого гастронома, жившего четыре тысячи лет тому назад. Вслед за изысканными легкими закусками появились супы, запеканки, рагу — аромат контрастировал со вкусом, цвет и расположение каждого гарнира, каждого ломтика в горшочках и салатницах, на широких тарелках и деревянных подносах, определялись древними ритуальными правилами. С каждым новым блюдом подавали особое вино, а время от времени — настойку, экстракт или душистый чай. Впечатленный — или, может быть, подавленный — Финнерак мало-помалу перестал жаловаться.

Когда принесли двадцать восьмое блюдо, между полуколоннами входа показался Дайстар: высокий, подтянутый человек привлекательной внешности, в серых брюках в обтяжку и свободной темно-серой, почти черной тунике. Он задержался на минуту, наблюдая за посетителями, повернулся к стоявшему за ним Шобену, владельцу ресторана, и обронил раздраженное замечание. Казалось, что Дайстар уйдет, но Шобен поспешил устранить подмеченное знаменитостью упущение. Лампы на сводчатых потолках альковов рядом со скамьей музыканта наполовину приглушили — Дайстар не выносил назойливого освещения. Ресторатор пригласил друидийна войти. Тот неохотно прошел в глубину зала, будучи явно не в настроении. Он нес хитан и дарабенс с зеленым нефритовым грифом. Положив инструменты на скамью, Дайстар устроился за столом в двух метрах от Этцвейна и Финнерака. До сих пор Этцвейн видел отца только однажды, издали, и теперь был поражен непринужденностью его движений, веявшей от него независимостью внутреннего убеждения, заставлявшей окружающих притихнуть — так молкнут щебечущие птицы, слышав отдаленные раскаты грома.

По традиции официант во всеуслышание объявил друидину, что за его ужин давно заплачено, на что Дайстар безразлично кивнул. Этцвейн изучал Дайстара краем глаза, пытаясь угадать, о чем он думает. Рядом был его отец — наполовину он сам. Возможно, следовало представиться... У Дайстара, однако, могла быть дюжина сыновей, пристававших к нему с просьбами то в одном кантоне, то в другом. Что, если встреча с очередным отпрыском только усугубит его раздражение?

Официант подал Дайстару салат из зеленого чеснока в растительном масле, ломоть поджаристого батона, темную сардельку из мяса и трав, кувшин вина — скромный ужин. «Деликатесы ему приелись, — подумал Этцвейн, — он устал от роскоши, от внимания красивых женщин».

Блюдо подавали за блюдом, снова и снова. Финнерак, наверное, никогда в жизни не пробовавший хорошего вина, немного расслабился и обзирал окружающих уже не столь сурово и неприязненно.

Дайстар покончил с ужином, оставив несъеденной добрую половину, и откинулся на спинку стула, придерживая пальцами ножку бокала. Глаза его, блуждая, остановились на лице Этцвейна. Слегка нахмурившись, Дайстар отвернулся, потом еще раз посмотрел на Этцвейна, встревоженный возникшим и сразу ускользнувшим воспоминанием... Друидийн взял хитан и стал разглядывать его, будто удивленный нелепостью и сложностью конструкции инструмента, почему-то оказавшегося у него в руках, потом прикоснулся к одной струне, к другой, убедившись, по-видимому, в целесообразности их расположения и звучания.

Отложив хитан, он предпочел дарабенс и сыграл тихую гамму, пробежавшись пальцами по грифу. Прислушиваясь к вибрации, он скользнул ногтем поперек многочисленных резонирующих струн, проверяя настройку, поправил пару колков и сыграл короткую веселую джигу, сначала в обычном варианте, потом в два голоса, потом в три — сложное голосоведение давалось ему без малейшего усилия и даже, судя по всему, не отвлекало от посторонних мыслей. Рассеянно опу-

тив дарабенс на скамью, Дайстар пригубил вина и погрузился в размышления.

Все столы уже были заняты — самые разборчивые знатоки музыки в Масчейне почтительно ждали откровений.

Этцвейн и Финнерак познакомились с тридцать девятым блюдом — малосольной сердцевиной мозгового дерева в бледно-зеленом сиропе, нарезанной отдельно поджаренными волокнами, с приплюснутым шаром темно-малинового желе, припорошенным молотым мароз и гарницей. По вкусу желе напоминало прохладный сладковатый перловый отвар. Сопровождающее белое вино — тонкое, легкое — быстро растворялось по всему телу, как пронизанный солнечным светом утренний воздух. Финнерак с сомнением взглянул на Этцвейна: «Никогда в жизни столько не ел! Тем не менее, еще не наелся. Странно».

«Мы обязаны одолеть сорок пять блюд, — вздохнул Этцвейн. — В противном случае местные обычаи запрещают брать с нас деньги — поваров упрекнут в кулинарной некомпетентности, а официанта заподозрят в оскорбительном обращении с гостями. Остается только есть».

«Тогда продолжим — я не прочь».

Дайстар стал тихо наигрывать на хитане живую ритмичную музыку, сперва не напоминавшую определенную тему. Со временем, однако, ухо начинало ожидать и различать любопытные вариации повторяющихся оборотов... Пока что друидийн не демонстрировал ничего, что Этцвейн не мог бы с легкостью повторить. Дайстар развлекся странными модуляциями и начал играть скорбную мелодию, сопровождаемую чуть запаздывающими, будто доносящимися из глубины вод колокольными аккордами...

Этцвейн задумался о природе таланта. Отчасти, по его мнению, гениальность объяснялась редкой способностью смотреть на вещи прямо и непредвзято, отчасти — глубиной ощущения причин и следствий, во многом — отрешенностью, независимостью от вкусов и предпочтений публики. Нельзя было забывать и о блестящей технике, позволявшей беспрепятственно находить выражение любым, самым мимолетным идеям и настроениям. Этцвейн почувствовал укол зависти.

Ему нередко приходилось избегать импровизированных пассажей, когда он не мог предвидеть их разрешение и опасался переступить невидимую, но четкую, как край обрыва, границу между вдохновенной фантазией и сокрушительным фиаско.

Музыка стихла без подчеркнутой каденции, подводные колокола растворились во мгле. Дайстар отложил инструмент. Пригубив вина, он смотрел в зал невидящим взором. Потом, будто вспомнив что-то важное и неотложное, снова поднял хитан и проверил на слух несколько фраз. Как и в прошлый раз, он начал с гармонической последовательности. Повторяясь, она породила извивающуюся, подпрыгивающую, недружелюбно-чудаковатую мелодию. Дайстар перешел в другой лад — появилась вторая тема. С неожиданностью естественного совпадения он заставил первую и вторую темы встретиться в неприязненном контрапункте. На какой-то момент показалось, что он наконец заинтересовался, низко склонив голову над грифом... Темп замедлился, две темы слились в одну, как пара цветных изображений, в совмещении создающих иллюзию перспективы.

Этцвейну и Финнераку подали последнее, сорок пятое блюдо — кисло-сладкий мороженный крем в лакированных лиловых раковинах, с маленькими, размером с наперсток, толстостенными стопками «Тысячелетнего нектара».

Финнерак доел крем, попробовал нектар. Загорелое лицо его теперь казалось не таким натянуто-неподвижным, безумно-голубое мерцание глаз поблекло. Внезапно он спросил: «Сколько стоит такой ужин?»

«Не знаю... Не больше двухсот флоринов, я полагаю».

«В лагере № 3 год тяжелой работы не позволял уменьшить долг на двести флоринов», — Финнерак говорил скорее горестно, нежели гневно.

«Система устарела, — сказал Этцвейн. — Аноме ее упразднит. Не будет больше ни исправительных лагерей, ни Ангвинских развязок, помяните мое слово!»

Финнерак бросил на собеседника мрачный оценивающий взгляд: «Можно подумать, вам известны намерения Аноме».

Не подыскав подходящего ответа, Этцвейн решил промолчать. Подняв палец, он подозвал официанта. Тот принес большую глиняную флягу, казавшуюся вельветовой от пыли, и налил прохладного бледного вина, мягкого, как вода.

Этцвейн выпил. Финнерак осторожно последовал его примеру.

Только теперь Этцвейн косвенно ответил на замечание Финнерака: «Новый Аноме, насколько я знаю — человек, не связанный традициями. После уничтожения рогушкеев в Шанте произойдут большие перемены».

«Ха! — вскинул голову Финнерак. — Послушать газетных писак — не велика проблема! Аноме «обрушит на них всю мощь великого Шанта», и от рогушкеев останется мокрое место».

Этцвейн печально усмехнулся: «Где эта мощь? Шант слаб, как больной младенец. Предыдущий Аноме прятался от опасности. Вообще говоря, его поведение непостижимо — насколько я знаю, он человек образованный и способный на отчаянно храбрые поступки».

«Не вижу никакой тайны, — отозвался Финнерак. — Он бездельник, а потому предпочитал не утруждать себя лишними заботами».

«Если бы все было так просто! — вздохнул Этцвейн, — Его нелепое поведение окружено множеством не менее таинственных обстоятельств. Например, никто еще толком не объяснил, откуда взялись рогушкой».

«Опять же, все ясно — их подослали вечно злобствующие паласедрийцы».

«Гм. А кто заранее оповестил Хиллена о моем прибытии? Кто приказал ему меня убить?»

«Как кто? Воздушнодорожные магнаты, кто еще!»

«Допустим. Но поверьте мне, во всей этой истории есть другие загадки, заставляющие сомневаться в самых очевидных предположениях», — Этцвейн вспомнил самоубийственное покушение благотворителя Гарстанга и странное надругательство крысы над его трупом. Зачем было крысе в первую очередь прогрызать зияющее отверстие в грудной клетке?

Кто-то подсел к их столу — Дайстар.

«Все гляжу на вас, — обратился он к Этцвейну. — Мы когда-то встречались, где — не припомню».

Этцвейн лихорадочно собрался с мыслями: «Я слушал вас в Брассеях. Наверное, там вы меня и запомнили».

Дайстар взглянул на эмблему ошейника Этцвейна: «Бастерн... кантон наркоманов-женоненавистников».

«Хилиты больше не поклоняются Галексису. В Башоне все изменилось, — Этцвейн, в свою очередь, узнал на ошейнике Дайстара розовые и темно-голубые полосы Шкория, горного кантона, занятого рогушками. — Не согласитесь ли выпить с нами?»

Дайстар не возражал. Этцвейн подозвал официанта; тот принес еще один диоритовый бокал — тонкостенный, как яичная скорлупа, отполированный до оловянного блеска. Этцвейн стал разливать вино. Дайстар приподнял палец: «Хватит... В последнее время мне претят еда и питье — по-видимому, врожденный недостаток, проявившийся с возрастом».

Финнерак внезапно прыснул и расхохотался. Дайстар с любопытством обернулся к нему. Этцвейн объяснил: «Мой друг долгие годы отрабатывал крепостной долг в исправительном лагере, где ему пришлось пережить много лишений. Он тоже не испытывает особого влечения к чудесам кулинарии и виноделия, но по совершенно противоположным причинам».

Дайстар улыбнулся — зимний пейзаж его лица на мгновение заискрился отблесками солнц: «Я не враг излишеств, как таковых. Меня тревожит и отвращает, скорее, тот факт, что радости жизни приходится покупать за деньги».

«Хорошо, что они продаются, — проворчал Финнерак, — иначе на мою долю не пришлось бы никаких радостей вообще».

Этцвейн с сожалением посмотрел на флягу драгоценного вина: «Как же вы тратите деньги?»

«Глупо, — сказал Дайстар. — В прошлом году я купил землю в Шкории — коттедж в тихой горной долине, с садом и прудом. Там я надеялся, когда придет время, скрыть от лю-

дей старческое слабоумие... Что ж, человек предполагает, а судьба играет в кости».

Финнерак попробовал вино, опустил бокал и устремил неподвижный взгляд в пространство.

Этцвейн начинал тяготиться ситуацией. Сотни раз он представлял себе встречу с Дайстаром, неизменно в драматических обстоятельствах. Теперь они сидели за одним столом — и беседа становилась невыносимо банальной. Что он мог сказать? «Дайстар, вы мой отец! Во мне вы узнали самого себя!» — вульгарная мелодрама. Отчаявшись, Этцвейн произнес: «Насколько я помню, в Брассеях вы были в ударе... то есть, я хочу сказать, что сегодня вы играете хладнокровнее».

Дайстар быстро взглянул на Этцвейна и отвел глаза: «Разница настолько очевидна? Сегодня я выдохся, не в себе — меня отвлекают посторонние события».

«Захват Шкория?»

Дайстар помолчал, потом кивнул: «Дикари осквернили мою долину — там я часто находил покой, там ничто никогда не менялось». Он улыбнулся: «Смутная меланхолия созвучна музыке. Но как только происходит настоящая трагедия, я теряю вкус к импровизации... Про меня говорят, что я прихотлив, играю по наитию. Но сегодня собрались человек двести — не хочу их разочаровать».

Финнерак был пьян, рот его кривился недоброй улыбкой: «Наш друг Этцвейн тоже большой музыкант! Заставьте его что-нибудь сыграть».

«Этцвейн? Великий бард древнего Азума! — удивился Дайстар. — Вы знаете, что вас называли в его честь?»

Этцвейн кивнул: «Моя мать жила на Аллее Рододендронов. Я вырос безымянным и сам выбрал себе имя — Гастель Этцвейн».

Дайстар опустил голову — может быть, пытаясь вспомнить тот день, когда он гостил в опрятной хижине на Аллее Рододендронов. «Это было давно, — думал Этцвейн, — он не вспомнит».

«Нужно играть», — спохватился Дайстар и пересел на скамью. Выбрав дарабенс, он исполнил традиционную сюиту — из тех, какие часто требовала публика в танцевальных за-

лах на Утреннем берегу. Этцвейн уже начинал терять интерес, когда Дайстар резко изменил тембр и стиль аккомпанемента. Теперь те же мелодии, те же ритмы звучали по-новому. Сюита превратилась в огорченную, раздраженную повесть о бессердечных расставаниях, колких насмешках и упреках, о демонах, заливающих издевательским смехом на ночных крышах, об испуганных птицах, затерявшихся в грозовых тучах... Дайстар выдвинул сурдину, приглушил тембр и замедлил темп — музыка безоговорочно утверждала скоротечность всего разумного и полезного, всего, что облегчает жизнь. Триумфально шествовали темная, животная страсть, страх, жестокость, рваные, бессмысленные аккорды... После затянувшейся паузы, однако, наступила сдержанная кода, напомнившая, что, с другой стороны, добро, будучи отсутствием страдания, не существует без понимания зла.

Дайстар немного отдохнул, опять набрал несколько аккордов и углубился в сложное двухголосие — порхающие пассажи журчали над спокойной торжественной темой. Дайстар играл с отрешенным лицом, пальцы его двигались сами собой. Этцвейн подумал, что музыка эта была скорее рассчитана, нежели выстрадана. У Финнерака слипались глаза — тот слишком много съел и выпил. Этцвейн подозвал официанта и расплатился. Сопровождаемый сонно бормочущим Финнераком, он вышел из «Серебряной Самарсанды» и вернулся на лодке в отель «Речной остров».

Этцвейн вышел в сад и постоял в тишине, обратив лицо к Скиафарилье — где-то там, за мерцающим скоплением звезд, была древняя Земля... Когда он вернулся в гостиную, Финнерак уже ушел спать. Этцвейн взял перо и один из приготовленных на столе бланков для извещений и приглашений. Тщательно выбирая выражения, он набросал несколько фраз и скрепил открытое письмо печатью Аноме.

Вернувшись в вестибюль отеля, Этцвейн подозвал мальчишку-посыльного: «Отнеси это в «Серебряную Самарсанду» и отдай лично в руки друидийна Дайстара — никому другому! Не отвечай на вопросы — просто передай сообщение и возвращайся. Все понятно?»

«Понятно!» — мальчишка убежал. Этцвейн вернулся в номера и закрылся в спальне. И на душе, и в желудке у него было тяжело — он сомневался, что когда-нибудь еще станет заказывать «пир из сорока пяти блюд».

Глава 6

Одолеваемый сомнениями и недобрыми предчувствиями, Этцвейн решил не заезжать пока в кантоны Дальнего Запада, но сразу вернуться в Гарвий. Он отсутствовал дольше, чем намеревался — в Гарвии же события происходили быстрее, чем в провинции.

Между Масчейном и Брассеями еще не было прямой воздушнодорожной линии — неблагоприятные ветры и пересеченная местность делали строительство невыгодным — но река Джардин почти восполняла это упущение. Вместо того, чтобы ждать ходившего по расписанию пассажирского судна, Этцвейн нанял быстроходный полубаркас с двумя треугольными парусами и командой из десяти человек, способной, в случае необходимости, сесть за весла или буксировать большую лодку, шагая по берегу.

Они плыли под парусами на восток по гигантской излучине реки мимо подножий пасторальных холмов Лор-Аульта, потом на север, в теснине между скалистыми кряжами Метелинской долины. В Гриаве, столице кантона Перелог, проходила ветка воздушной дороги, следовавшая вдоль Большого Поперечного хребта, но на станции сообщили, что все направлявшиеся на север гондолы задерживались в связи с ураганым встречным ветром, налетевшим с озера Суалле. Спустившись по реке до Брассейского разъезда, Этцвейн и Финнерак заняли места в гондоле «Арамаанд». Озерный шторм прекратился. Бриз, бодро веявший с залива Ракушечных Цветов, позволял делать больше ста километров в час — неугомонный «Арамаанд» мчался на север, поглощая расстояние. Уже вечером они вихрем пронеслись по долине Молчания, накре-

нили парус над Джардинским разломом и через пять минут приземлились на Гарвийской станции.

Как никогда, Гарвий завораживал взор в минуты заката — стекло высоких шпилей наливалось пологими лучами трех заходящих солнц, поджигая город безудержной фантазмагорией цветов. Повсюду — сверху вниз и снизу вверх, на поверхности и в толще прозрачных, как слеза, стеклянных плит, куполов, шаров, конических и полусферических приливов, в пересечениях пилястров и ярусов, рельефных и резных орнаментов, внутри и вокруг ажурных балюстрад опоясывающих здания балконов и возносящихся лестниц, уходящих в перспективу арочных анфилад и контрфорсов, призматических колонн, хрустальных волют и спиралей — растекались и пульсировали приливы и отливы насыщенного цветного пламени: чарующие ум чистые лиловые и сиреневые, ясные и глубокие темно-зеленые, аквамариновые, нежно-лиственные, изумрудные тона, темно-синий и голубой, ультрамариновый и готический витражно-синий, тепло-небесные и прохладно-ледяные глубины, протуберанцы, сполохи и послесвечения багрового, пунцового и огненно-красного, потаенные внутренние тени безымянных световых сочетаний, сдержанный глянец древности и металлически-слепащие, радужные прямые отражения.

Пока Этцвейн и Финнерак неторопливо шли на восток, солнца скрылись за горизонтом — цвета затуманились жемчугом, задрожали, погасли, умерли. «Величие бесчисленных поколений принадлежит мне, — думал Этцвейн. — В моих руках исполнение желаний, отмщение и воздаяние. Я все могу отнять, я все могу отдать, построить все и все разрушить...» Он улыбнулся несогласию тщетного самомнения идее абсолютной власти, искусственной и неосуществимой.

Финнерак никогда еще не был в стеклянной столице. Этцвейн с любопытством наблюдал за его реакцией. Финнерак не был впечатлен — по крайней мере внешне. Окинув панораму Гарвия молочно-голубым, будто выбеленным известью взглядом, он, по-видимому, больше заинтересовался толпой хлопотливо-беспечных горожан, спешивших по проспекту Кавалеско.

Этцвейн купил в киоске газету — черные, охряные и коричневатые тона бросились в глаза. Он прочел:

«Сенсационная депеша из Марестия!
Вооруженное столкновение ополчения
и банды рогушкоев!

Разорив и опустошив Шкорий, по имеющимся сведениям полностью оккупированный, дикари выслали отряд фуражиров на север. Рекруты, патрулирующие границу Мареста, решительно отказались пропустить захватчиков. Завязалась битва. Несмотря на значительное численное превосходство ополченцев, краснокожие бестии прорвались через укрепления. Стрелы защитников Мареста поразили — или, по меньшей мере, вывели из строя — многих нападающих, но оставшиеся в живых продолжали атаковать, игнорируя потери. Изменив тактику, ополченцы отступили в лес, где заградительный огонь лучников и зажигательные снаряды передвижных катапульт заставили рогушкоев остановиться. Но лукавые каннибалы, бросая горящие снаряды обратно в лес, подожгли его, и рекрутам пришлось покинуть прикрытие. На них тут же набросилась еще одна банда дикарей, привлеченная кровавым побоищем. Среди обороняющихся много жертв, но они полны решимости жестоко отомстить, когда Аноме предоставит необходимые средства. Преобладает уверенность в том, что отвратительные твари в конечном счете будут разбиты и рассеяны».

Этцвейн показал сообщение Финнераку, воспринявшему новости с полупрезрительным безразличием. Тем временем, внимание Этцвейна привлекла статья в лиловой рамке с блед-

но-голубой тенью, свидетельствовавшей об особом уважении издателей к автору:

«Мы пользуемся редкой возможностью предложить вашему вниманию замечания его превосходительства Миаламбера — высшего арбитра (Октагона) кантона Уэйль.

Годы Четвертой Паласедрийской войны и последовавших за ней междоусобиц сыграли решающую роль в нашей истории: в горниле битв закалился дух героя, Вайано Паицифьюме. Его справедливо называют основоположником современного Шанта. Невозможно отрицать, что Столетняя война явилась результатом его политики. Тем не менее, все притеснения и бедствия той эпохи кажутся теперь мимолетной рябью на сверкающем зеркале вод. Паицифьюме создал институт власти Аноме, по сей день вызывающий почтительный страх, а неизбежным логическим следствием его стало обязательное ношение кодированных ошейников. Система эта отличается совершенством простоты — ее недвусмысленная неумолимость уравнивается экономичностью, эффективностью и необходимостью предусматривать последствия поступков. В целом она пошла на пользу Шанту. Как правило, пост Аноме занимали люди компетентные, выполнявшие все обязанности перед кантонами — не вмешиваясь в традиционный распорядок их жизни, перед элитой — не накладывая неосмотрительных ограничений, перед основной массой населения — не обременяя ее чрезмерными налогами и повинностями. Кантональные войны и хищнические набеги, когда-то возобновлявшиеся с фатальной регулярностью, превратились в

смутное воспоминание и сегодня представляются немислимыми.

Критически мыслящие умы, однако, обнаруживают в существующей системе серьезные недостатки. Идея справедливости, изобретенная человеком, так же непостоянна и многообразна, как ее изобретатель, и столь же охотно меняется во времени и пространстве. Так, в каждом кантоне Шанта преобладает особое представление о справедливости, не свойственное обитателям других областей. Путешественник должен постоянно учитывать это обстоятельство, если не желает нарушить незнакомый местный обычай или закон, чуждый его привычкам и воспитанию. В качестве примера достаточно указать на злоупотребных пилигримов, посещающих кантон Хавиоск, но забывающих осенить себя знаком неба, чрева и почвы, проходя мимо святилища. Не менее сурово караются неосторожные девственницы, въезжающие в кантон Шаллоран, не предъявив соответствующих сертификатов. Система выплаты крепостных задолженностей во многом оставляет желать лучшего. Печально знаменитые извращения жителей Глирриса способствуют распространению болезней, противны общечеловеческой природе и должны быть искоренены вопреки принципам терпимости и невмешательства. Тем не менее, взвесив все за и против, можно сказать, что нам посчастливилось прожить несколько мирных столетий.

Если изучение человеческих взаимоотношений когда-нибудь можно будет назвать наукой, подозреваю, что лучшие умы, посвятившие себя этой дисциплине, рано или поздно вынуждены будут сформулировать следующую непреложную аксиому: «Любое об-

шественное устройство порождает неравенство возможностей». Следствие: «Любое нововведение, призванное устранить неравенство, независимо от его альтруистической непогрешимости в принципе, на практике приводит только к созданию нового, видоизмененного неравенства».

Я счел своим долгом изложить эти соображения в связи с тем, что отчаянные усилия, предпринимаемые в настоящее время правительством Шанта, без сомнения приведут к огромным переменам в нашей жизни, хотя точный характер этих перемен еще недоступен воображению».

Этцвейн решил запомнить имя автора: Миаламбер, Октагон Уэйльский... Финнерак осведомился с ребяческой капризностью: «Сколько еще вы собираетесь стоять и читать посреди улицы?»

Этцвейн подозвал проезжавший мимо дилижанс: «В Сершанский дворец!»

Немного погодя Финнерак сказал: «За нами слежка».

Этцвейн удивленно обернулся: «Вы уверены?»

«Когда вы остановились, чтобы купить газету, у витрины напротив задержался человек в синей накидке. Пока вы читали, он стоял к нам спиной. Когда вы пошли вперед, он тоже двинулся с места. Теперь за нами едет другой дилижанс».

«Любопытно», — пробормотал Этцвейн.

Они обогнули широкий сквер Парадов и свернули на мраморную мостовую проспекта Метемпе, соединявшего центр Гарвия с тремя уступами Ушкадельских холмов, так называемыми «ярусами». Деревья-близнецы двоились на фоне неба, погружая мраморные плиты в серовато-сливовую прохладную полутьму. Сзади на почтительном расстоянии следовал второй дилижанс.

Заметив слева поперечную улочку, под густыми кронами липколист и деревьев-близнецов напоминавшую вход в пещеру, Этцвейн тронул возницу за плечо: «Сюда!»

Частыми движениями руки тот похлопал прутот по шее тонконогот быстроходца. Дилижанс круто повернул налево и скрылся под буйно разросшимися липколистам. Гибкие концы ветвей скребли по крыше экипажа. «Стойте! — приказал Этцвейн и соскочил на землю. — Поезжайте вперед, а потом подождите меня!»

Быстроходцы двинулись шагом, дилижанс удалился. Этцвейн бегом вернулся к выезду на проспект и встал за стволот на углу.

Ничто не нарушало тишину, кроме шелеста блестящих, похожих на праздничные ленты листьев. Наконец слышался цокот копыт на мраморных плитах — приближался второй дилижанс. Звук становился громче — экипаж подъехал к перекрестку, остановился. Напряженно вглядываясь в глубину тенистого переулк, из окна кареты высунулась голова... Этцвейн вышел из-за дерева. Испуганно взглянув в его сторону, шпион что-то быстро сказал вознице. Экипаж сорвался с места и поспешил дальше по проспекту Метемпе.

Этцвейн присоединился к Финнераку, искоса бросившему взгляд, выражавший целый ряд эмоций — неприязнь, упрек, торжество, мрачное веселье и даже какое-то невозможное сочетание любопытства с безразличием. Этцвейн, сперва не расположенный советоваться, решил, однако, что ради осуществления намеченных планов полезно было все же посвятить Финнерака в детали ситуации: «Главный дискриминатор Гарвия — большой интриган. Такого, по крайней мере, мое впечатление. Если меня убьют, его следует подозревать в первую очередь».

Финнерак хмыкнул, не высказав никаких замечаний. Этцвейн попросил возницу вернуться на проспект Метемпе и ехать прежней дорогой. Насколько он мог судить, хвоста больше не было.

Когда дилижанс поднялся к Среднему ярусу Ушкаделя, там уже зажглись искристо-зеленые уличные фонари. Дорога описывала широкую дугу по склону холма. Мимо один за другим сумрачно проплывали мерцающие дворцы эстетов. Наконец показался портик с эмблемой Сершанов. Массивный фонарь из толстого стекла тлел бледно-синими и фиолетовы-

ми угольками.¹² Этцвейн и Финнерак направились ко входу. Дилижанс уехал и растворился во мгле.

Пройдя по широкой крытой галерее, Этцвейн остановился, чтобы прислушаться. За ним, будто бесцельно прогуливаясь, подошел Финнерак. Из дворца доносились приглушенные отзвуки, свидетельствовавшие об обыденном течении жизни. Кто-то разучивал гаммы на древороге. Этцвейн поморщился: как ему надоели интриги, принуждение, далеко идущие планы! Невероятное стечение обстоятельств — почему именно ему, Гастелю Этцвейну, суждено стать правителем Шанта? «Лучше я, чем Финнерак!» — Этцвейну почудилось, что он невольно возразил себе вслух, не открывая рта.

Нельзя поддаваться дурным предчувствиям. Этцвейн пригласил Финнерака ко входу и подал знак привратнику. Тот раздвинул стеклянные двери.

Этцвейн и Финнерак вступили в приемный зал — волшебное пространство, освещенное с трех сторон сверкающими стенами витранных панно, изображавших нимф, резвящихся на живописных речных лугах страны бессмертных пастухов. Навстречу медленно вышел дворецкий Аганте — осунувшийся, даже несколько растрепанный. Очевидно, события принудили его изменить привычный образ жизни. При виде Этцвейна глаза его загорелись надеждой. Этцвейн спросил: «Как идут дела?»

«Из рук вон плохо, смею вам заметить! — со страстным упреком заявил Аганте. — Никогда еще стены древней обители Сершанов не видели такого срама! Музыканты играют

¹² В Шанте ни один цвет не используется непреднамеренно. Зеленый фонарь у ворот означает празднество, а в сочетании с лиловыми или темно-багровыми отблесками — гостеприимно приглашает всех желающих зайти и принять участие в торжестве. Фиолетовый фонарь создает официальную атмосферу и оповещает о том, что хозяева согласны принимать только ближайших родственников и друзей. Синие фонари — или, даже в большей степени, несколько синих и фиолетовых огней — предупреждают, что владелец дома не принимает и просит его не беспокоить. Слово «кьяль-этце», буквально описывающее сочетание (но не смешение) синего и фиолетового цветов, в переносном смысле употребляется в качестве эпитета; например, фраза «Эльс Ксиаллинен кьяль-этце!» означает: «Эти задравшие нос снобы и недотроги, Ксиаллинен!» Белый фонарь зажигают только в ритуальных целях.

джиги и баллантрисы в салоне Жемчужных Филиграней. Дети плещутся в садовом фонтане. Аллею Предков занимает караван фургонов. Между именными вязами у грота Дриад протянули бельевые веревки! Повсюду мусор, все едят где попало. Лорд Саджарано...» — дворецкий осекся, не находя слов.

«Да? — подбодрил его Этцвейн. — Лорд Саджарано?»

«Еще раз извините за откровенность, но мне придется изъясниться начистоту. Давно уже бытовали слухи, что лорд Саджарано страдает нервным расстройством — в последние годы он вел себя, скажем, по меньшей мере странно. Теперь он вообще не показывается, то есть я его не видел уже несколько дней. Боюсь... боюсь, произошла трагедия».

«Где маэстро Фролитц?» — спросил Этцвейн.

«Обычно он проводит время в Большой Гостиной».

Развалившись в кресле, Фролитц пил «Дикую розу», фамильное вино Сершанов, из церемониального серебряного кубка, и неодобрительно наблюдал за тремя детьми музыкантов, с криками вырывавшими друг у друга из рук драгоценный том расписных географических карт Западного Караза. При виде Этцвейна и Финнерака Фролитц вытер рот салфеткой и вскочил на ноги: «Где ты пропадал? Мы уже начали беспокоиться».

«Объехал почти все южные кантоны, — отвечал Этцвейн, в присутствии маэстро временами забывавший не проявлять детскую робость. — Я торопился и даже не успел побывать на Западе. Надеюсь, вам понравилось отдыхать во дворце?»

«Низкопробное времяпровождение! — объявил Фролитц. — Труппа разлагается в праздности».

«Где Саджарано? — спросил Этцвейн. — С ним какие-нибудь трудности?»

«Никаких трудностей, — отрезал Фролитц. — Он просто исчез. Как он ухитрился, ума не приложу. Своих забот хватало, а тут еще этот чертов дворец!»

Этцвейн опустил в кресло: «Когда и каким образом он исчез?»

«Пять дней тому назад, не выходя из башни. Лестницу сторожили. Он вел себя как обычно — то есть, как тихий помещанный. Когда ему принесли ужин, окно на верхнем этаже

было распахнуто, а Саджарано исчез — испарился, как эйль-мельрат!»¹³

В сопровождении Фролитца и Финнерака Этцвейн поднялся в частные апартаменты Саджарано и выглянул в окно. Далеко внизу темнели мшистые камни. «Никаких следов! — строго поднял палец Фролитц. — Мы обнюхали каждую пядь земли под башней — ничего!»

Комнаты в башне соединялись с нижними этажами единственной узкой лестницей. «Здесь сидел Мильке, — продолжал Фролитц, опустив палец вниз, — за дверью, прямо на ступенях проклятой лестницы, и обсуждал... короче, крутил шашни с младшей горничной. Не спорю — Саджарано мог застать их врасплох и как-нибудь протиснуться или перескочить через них, не знаю. Вся штука в том, что он не выходил!»

«У него была веревка? Канат можно сделать из портьер или постельного белья».

«Даже если он спустился по веревке, на мхе остались бы следы. Кроме того, веревки не было — портьеры на месте, белье в целости и сохранности». Фролитц присел было на диван, но тут же вскочил, потрясая над головой дрожащими кулаками: «Как он сбежал? Я на своем веку чего только не видел — но это же просто уму непостижимо!»

Этцвейн молча вынул кодирующий передатчик, набрал цветовой код ошейника Саджарано и нажал красную кнопку поиска. Прибор сразу же тонко запищал. Этцвейн описал рукой широкую дугу — писк сменился удовлетворенным гудением, снова превратившимся в писк. «Не знаю, как он сбежал, но ушел он недалеко, — сказал Этцвейн. — Саджарано где-то в лесах Верхнего Ушкаделя».

Уже давно стемнело, но Этцвейн, Финнерак и Фролитц отправились на поиски. Пройдя по дворцовому саду, они поднялись по алебастровым ступеням. Скиафарилья бледно освещала путь. Они миновали фигурный павильон из гладко-белого стекла, где справлялись тайные мистерии рода Серша-

¹³ Эйль-мельрат: злой дух в легендах кантона Зеленые Утесы.

нов, потом пробрались через густые заросли деревьев-близнецов и гигантских кипарисов, разводя руками и ломая переплетения скрюченных ветвей желтокоствитницы — и вышли на дорогу Верхнего яруса. Передатчик показывал, что дальше идти нужно было прямо вверх — в темный лес над Верхним ярусом.

Фролитц начинал брюзжать: «По профессии и по призванию я музыкант, а не дикий лесной никталоп. Кроме того, полночные поиски левитирующих сумасшедших, прячущихся в одиночку или в компании сочувствующих им гарпий и вурдалаков, не входят в число моих любимых занятий».

«Я не музыкант, — сказал Финнерак, поднимая лицо к зарослям над дорогой. — Тем не менее перед тем, как продолжать поиски, имеет смысл захватить фонари и оружие».

Фролитц усмотрел в словах Финнерака скрытую насмешку и резко парировал: «Музыкант не боится никого и ничего! Отвага, однако, не мешает мне смотреть на вещи с практической точки зрения — в отличие от некоторых, чьи мысли блуждают выше облака ходячего».

«Финнерак не музыкант, — примирительно сказал Этцвейн, — но его предложение вполне практично. Пойдемте, возьмем фонари и оружие».

Через полчаса они вернулись на Верхний ярус, вооруженные найденными во дворце стеклянными фонарями и старинными саблями, кованными из железных кружев.

Судя по показаниям передатчика, за это время координаты Саджарано Сершана не изменились. В трехстах метрах над дорогой он нашелся — труп лежал на небольшой поляне, поросшей перистой белесой травой-волокитой.

Этцвейн и Финнерак посветили кругом — лучи фонарей нервно рыскали среди теней, стволов и корней. Один за другим все повернулись к телу, лежавшему у самых ног. Саджарано, человек невысокий и никогда не производивший внушительного впечатления, теперь казался карликом, ребенком с непомерно большой головой. Тощие ноги его судорожно вытянулись, спина выгнулась крутой дугой, как в мучительной агонии, широкий лоб философа откинулся далеко назад,

наполовину скрытый пушистой травой. Жилет из фиолетового вельвета был грубо разорван — обнажилась костлявая грудь, зияющая глубокой, безобразной раной.

Этцвейн уже видел такую рану — на теле благотворителя Гарстанга через день после его смерти.

«Непривлекательное зрелище», — буркнул Фролитц.

Финнерак только крикнул — ему приводилось любоваться зрелищами и пострашнее.

«Здесь, кажется, побывали ахульфы, — бормотал Этцвейн. — Могут вернуться». Он еще раз осветил фонарем обступившие поляну тени: «Нехорошо. Надо бы его похоронить».

Пользуясь саблями и руками, они вырыли в пружинящей лесной подстилке неглубокую могилу. Наконец Саджарано Сершан, всесильный владыка Шанта, скрылся под слоем рубленых комьев земли, смешанной с листьями и травой.

Три невольных могильщика спустились к Верхнему ярусу, обернулись к лесу над дорогой, будто одновременно движимые одной и той же мыслью, и вернулись через сад в Сершанский дворец.

Остановившись перед огромными стеклянными дверями, Фролитц отказался входить в приемный зал. «Гастель Этцвейн! — объявил он. — С меня довольно дворцов и дворцовых интриг. Нас прекрасно кормили, мы пили превосходное вино. Нам привезли лучшие инструменты в Шанте. Прекрасно. Не будем себя обманывать — мы музыканты, а не эстеты. Делу время, потехе час».

«Вам здесь оставаться незачем, — согласился Этцвейн. — Возвращайтесь к привычным занятиям — так будет лучше всего».

«А ты? — подбоченился Фролитц. — Ты что же, покидаешь труппу? Где я найду тебе замену? Старый Фролитц должен играть свою партию — и твою впридачу?»

«Мне поручено организовать сопротивление, — терпеливо отвечал Этцвейн. — Страна в опасности. Это гораздо важнее замены недостающего хитаниста».

«Кроме тебя некому истреблять рогушкоев? — ворчал Фролитц. — Почему музыканты Шанта обязаны гибнуть в первых рядах?»

«Когда рогушкоев выгонят, я вернусь — и мы заиграем так, что все ахульфы сбегутся с холмов! А до тех пор...»

«Слышать ничего не хочу! — настаивал Фролитц. — Убивай рогушкоев днем, если тебя это развлекает, а вечером изволь играть с труппой!»

Этцвейн беззвучно смеялся, почти убежденный целесообразностью предложения: «Вы возвращаетесь в «Фонтеней»?»

«Сию же минуту!»

Этцвейн взглянул на дворец, где в каждом зале, по каждой лестнице бродил унылый призрак бывшего Аноме. «Так возвращайтесь, — сказал Этцвейн. — Мы с Финнераком переселимся туда же».

«Наконец-то я слышу слова не мальчика, но мужа! — одобрил Фролитц. — Поехали! Может быть, еще успеем сыграть пару номеров». Вопреки только что заявленному отказу заходить во дворец, маэстро прошествовал внутрь, чтобы собрать труппу.

Финнерак произнес с язвительным осуждением: «Человек прыгает с высокой башни и, порхая, как птичка, приземляется в темном лесу, где его находят с дырой в груди, просверленной ахульфом, стащившим коловорот и решившим потренироваться на первом встречном. Так обстоят дела в стеклянном городе Гарвии?»

«Сам ничего не понимаю, — сказал Этцвейн, — хотя мне уже приходилось видеть нечто подобное».

«Может быть и так... В любом случае, теперь вы у нас Аноме. Соперников и претендентов больше нет».

Этцвейн холодно уставился на Финнерака: «Что вы говорите? Я не Аноме».

Финнерак хрипло рассмеялся: «Тогда почему же Аноме не обнаружил смерть Саджарано еще пять дней тому назад? Таинственное исчезновение бывшего правителя — обстоятельство, требовавшее немедленного расследования. Почему вы не связались с Аноме? Если бы он существовал, вы прежде всего сообщили бы ему о пропаже вместо того, чтобы прере-

каться с Фролитцем о том, кто и когда будет играть на какой дудке! В то, что Гастель Этцвейн — Аноме Шанта, трудно поверить, не спорю. Но в то, что Гастель Этцвейн — не Аноме Шанта, поверить невозможно!»

«Я не Аноме, — повторил Этцвейн. — Я отчаянно пытаюсь его заменить, но у меня нет ни опыта, ни достаточных способностей. Аноме мертв, на его месте — пустота. Я обязан создавать иллюзию того, что все идет хорошо. Какое-то время маскарад может продолжаться, кантоны обойдутся местным самоуправлением. Но обязанности Аноме многочисленны, количество работы растет, как снежный ком — на петиции никто не отвечает, головы никто не отрывает, преступления остаются безнаказанными. Рано или поздно проницательный человек — такой, как Аун Шаррах — установит истину. Тем временем мой долг состоит в том, чтобы мобилизовать Шант против рогушкеев — по мере возможности».

Финнерак цинически хмыкнул: «Кто будет править Шантом? Землянин Ифнесс?»

«Ифнесс вернулся на Землю. Из всех известных мне кандидатов подходящими кажутся двое: друидийн Дайстар и Миаламбер, Октагон Уэйльский».

«Так-так... И какая же роль во всей этой фантазмагории отводится мне?»

«Вы должны обеспечить мою охрану. Я не хочу умереть, как Саджарано».

«Кто его убил?»

Этцвейн посмотрел в темноту: «Не знаю. Странные дела творятся в Шанте».

Финнерак оскалил зубы, изобразив натянутую улыбку: «Я тоже не хочу умирать. Вы просите меня рисковать вместе с вами, а риск, судя по всему, чрезвычайно велик».

«Верно. Но разве мы не руководствуемся сходными побуждениями? Мы оба хотим, чтобы в Шанте воцарились мир и справедливость».

Финнерак снова хмыкнул — он сомневался. Этцвейну нечего было добавить. Они зашли во дворец. Явился вызванный Этцвейном Аганте. «Мазстро Фролитц и его труппа покида-

ют дворец Сершанов, — сообщил ему Этцвейн. — Они не вернутся, вы можете восстановить порядок и благолепие».

Лицо дворецкого осветилось искренней радостью: «Очень рад, покорнейше благодарю! Где, однако, лорд Саджарано? Его нет во дворце. Я начинаю серьезно беспокоиться».

«Лорд Саджарано уехал в далекие края, — сказал Этцвейн. — Заприте дворец и проследите за тем, чтобы сюда никто не заходил без моего разрешения. Через пару дней поступят дальнейшие распоряжения».

«Слушаюсь, ваше превосходительство».

Когда Этцвейн и Финнерак вышли, по дороге уже грохотали фургоны и перекликались веселые голоса — труппа Фролитца уезжала.

Не торопясь, они спустились по ступеням каскада Коронахе. Скиафарилья скрылась за нависшей тенью Ушкаделя; взошло созвездие Горкулы — Рыбы-Дракона, хищно взирающей на Дердейн оранжевыми глазами, Алазеном и Диандасом. Финнерак часто оглядывался. Этцвейн заразился его тревогой: «Кто-нибудь идет?»

«Нет».

Этцвейн ускорил шаги. Дойдя до просторной, бледной в звездных лучах Мармионской площади, они задержались в тени за фонтаном. На площадь больше никто не вышел: Гарвий спал. Несколько ободрившись, они спустились по проспекту Галиаса и скоро прибыли в гостиницу «Фонтеней» на набережной Джардина.

В таверне еще подавали ужин. Устроившись за столом у стены, Этцвейн и Финнерак подкрепились горячим рагу с тушеными мидиями, хлебом и светлым пивом. Оказавшись в привычном месте, Этцвейн почувствовал склонность поделиться воспоминаниями с неразговорчивым компаньоном. Он рассказал о своих приключениях после побега с Ангвинской развязки, описал набег рогушкеев на Башон и последовавшую катастрофу на Гаргаметовом лугу, объяснил, как познакомился с Ифнессом Иллинетом — бездушным, но компетентным корреспондентом земного Исторического института. Здесь, в этой таверне, Этцвейн похитил обворожительную

благотворительницу Джурджину, потерявшую голову. Джурджина, Гарстанг, Саджарано, троица на вершине власти — зачем, во имя чего они умерли?

«Такова вереница причин и следствий, уходящая в черно-желтую мглу какой-то мрачной тайны, — закончил рассказ Этцвейн. — Я в замешательстве, я заинтригован. Раз уж я оказался в центре событий, неплохо было бы узнать, кто за ними стоит. Что-то пугает меня, однако. Боюсь, что истина страшнее самых пессимистических предположений».

Финнерак погладил щетинистый подбородок: «Почти не разделяя вашего любопытства, я рискую навлечь на себя весь ужас откровения истины».

Этцвейн почувствовал укол раздражения: «Вам известны все обстоятельства дела. Решайте сами».

Финнерак осушил кружку с пивом и с решительным стуком поставил ее на стол — с его стороны это было самое выразительное проявление эмоций с тех пор, как они приехали в Гарвий: «Я присоединяюсь к вам, и вот по какой причине — исключительно ради достижения собственных целей».

«Прежде, чем мы продолжим — в чем состоят эти цели?»

«Думаю, вам они уже известны. В Гарвии — повсюду в Шанте — богачи живут во дворцах. Они приобрели богатство, ограбив меня и других таких же, как я, отняли у нас молодость и силы. Настало время расплаты. Они заплатят, дорого заплатят! Пока я жив, им не уйти от возмездия!»

Этцвейн ответил сдержанно и ровно: «Ваши цели вполне понятны. На какое-то время, однако, о них придется забыть — как придется забыть обо всем, что может помешать решению важнейших, неотложных задач».

«Рогушкойми придется заняться в первую очередь, — кивнул Финнерак. — Мы уничтожим их или заставим убраться в Паласедру. За ними последует очередь магнатов. Их ждет такая же судьба. Очистим Шант от паразитов всех мастей!»

«Не могу обещать безусловного исполнения всех ваших желаний, — возразил Этцвейн. — Выплата справедливого возмещения? Да. Прекращение злоупотреблений? Да. Мечь, грабежи, насилие? Нет!»

«Прошлое невозможно изменить. Будущее себя покажет», — Финнерак упрямо опустил кулак на стол.

Этцвейн решил не настаивать. К добру или не к добру, в ближайшее время помощью Финнерака пренебрегать нельзя было. Что потом? В случае необходимости Этцвейн умел быть безжалостным. Он достал из кармана передатчик. «Передаю вам прибор, принадлежавший благотворителю Гарстангу. Цветовой код ошейника набирается таким образом, — Этцвейн продемонстрировал процедуру. — Не забудьте, это чрезвычайно важно! Сперва нажимайте на серый индикатор, чтобы выключить реле, взрывающее передатчик в руках похитителя, незнакомого с устройством. Кнопка поиска — красная. Желтая, естественно, отрывает голову».

Финнерак внимательно рассмотрел металлическую коробку с разноцветными кнопками: «Вы отдаете мне эту штуку?»

«С условием, что вы ее вернете по первому требованию».

Финнерак криво усмехнулся, исподлобья наблюдая за Этцвейном: «Что, если я жажду безраздельной власти? Остается только набрать ваш код и нажать желтую кнопку. Джерд Финнерак станет Человеком Без Лица».

Этцвейн пожал плечами: «Я вынужден кому-то доверять». Он не стал объяснять, что у него в ошейнике вместо заряда взрывчатки был установлен предупреждающий зуммер.

Нахмурившись, Финнерак вертел устройство в руках: «Принимая этот прибор, я бесповоротно связываю себя с вашими планами и с вашей политикой».

«Бесповоротно».

«Пусть будет так — пока мы не покончим с рогушкоями. Впоследствии наши пути могут разойтись».

Этцвейн понимал, что ничего лучшего ожидать не приходилось. «Меньше всего я доверяю главному дискриминатору, — сказал он. — Только ему было известно, что я собирался навестить лагерь № 3».

«Вы забываете об управлении воздушной дороги. Там тоже знали о ваших передвижениях и могли подстроить западню».

«Маловероятно, — покачал головой Этцвейн. — Дискриминаторы часто запрашивают у них информацию, это обыч-

ное дело. Почему бы чиновники в воздушнодорожном управлении придавали Джерду Финнераку особое значение? Только Аун Шаррах знал, что вами интересовался именно я. Завтра придется ограничить его полномочия... Ага, маэстро Фролитц!»

Фролитц, вошедший в зал и сразу заметивший двоих собеседников, приблизился с самодовольным видом: «Ну вот, ты внял моему совету! Разум, наконец, торжествует».

«Видеть не могу Сершанский дворец, — признался Этцвейн. — В этом отношении я с вами совершенно согласен».

«Мудрое, мудрое решение! А вот и труппа: что за манеры! Вваливаются в таверну, как грузчики после работы. Этцвейн, на сцену!»

Услышав знакомую команду, Этцвейн автоматически встал, но тут же опустился на стул: «Руки, как деревянные. Сегодня я не могу играть».

«Пойдем, хватит упираться! — бушевал Фролитц. — Не будешь играть — беглость не вернется. Разомнешься на гизоле, Кьюн возьмет тринголет, я сыграю на хитане».

«Нет, поверьте, сегодня мне не до музыки, — сказал Этцвейн. — В другой раз».

Фролитц раздраженно отошел, обернулся: «Тогда слушай! За последний месяц я добавил вариации — ты пропустил добрый десяток репетиций. Якшаешься с эстетами, бездельничаешь!»

Этцвейн устроился поудобнее. Со сцены неслись привычные успокоительные звуки — оркестр настраивался. Фролитц дал строгие указания, кое-кто из музыкантов отозвался ворчанием. Фролитц кивнул, взмахнул локтем — и свершилось знакомое чудо. Из хаоса: музыка.

Глава 7

Этцвейн и Финнерак завтракали в открытом кафе на площади Корпорации. Финнерак, принявший предложенные Этцвейном деньги, уже приобрел новый наряд — черные сапоги и строгий черный плащ с высоким жестким воротником на старинный манер. Этцвейн спрашивал себя: о чем свидетельствовало такое переодевание? Стремился ли Финнерак отразить некое изменение представлений? Или, наоборот, хотел подчеркнуть, что остался тверд в убеждениях?

Мысли Этцвейна вернулись к сиюминутным делам: «Сегодня предстоит многое сделать. В первую очередь посетим Шарраха — его кабинет выходит окнами на площадь. Главноему дискриминатору было над чем задуматься. Он ищет выигрышные ходы, вынашивает планы — надеюсь, у него хватит ума от них отказаться. Он знает, что мы в Гарвии. Скорее всего, ему уже донесли, что мы здесь сидим и завтракаем. Не удивлюсь, если Шаррах отбросит всякое притворство и явится засвидетельствовать свое почтение».

Они подождали, глядя на площадь. Не было никаких признаков приближения Ауна Шарраха.

Этцвейн сказал: «Наберите-ка его код». Он продиктовал Финнераку цветовой код ошейника главного дискриминатора: «Не забудьте сперва нажать на серый индикатор... Так, хорошо. Теперь мы оба, по крайней мере, вооружены».

Перейдя через площадь, они зашли в Палату правосудия и поднялись по лестнице в Дискриминатуру.

Как и в прошлый раз, Аун Шаррах сам вышел встретить Этцвейна. Сегодня на нем были аккуратный темно-синий костюм с фиолетовым отливом и вельветовые ботинки того же цвета. Левое ухо главного дискриминатора украшала серьга

— крупный сапфир на короткой серебряной цепочке. Он приветствовал посетителей радушно и непринужденно: «Проходите, я вас ждал. Джерд Финнерак? Очень приятно».

Как только они оказались в кабинете Шарраха, Этцвейн спросил: «Вы давно вернулись?»

«Я здесь уже пять дней», — Шаррах рассказал о своей поездке. В кантонах ему пришлось наблюдать самые различные реакции на воззвание Аноме — от полной апатии до энергичных спешных приготовлений.

«Мой опыт подтверждает ваши впечатления, — заметил Этцвейн. — Ничего другого нельзя было ожидать. Тем не менее, один эпизод в кантоне Глай меня порядком озадачил. Когда я приехал в лагерь № 3, главный надзиратель, некий Ширге Хиллен, ожидал моего прибытия и отнесся ко мне более чем враждебно. Чем можно было бы объяснить его поведение?»

Повернувшись к окну, Аун Шаррах задумчиво глядел на площадь: «Можно предположить, что запрос о господине Финнераке почему-то встревожил чиновников воздушнодорожного управления, предупредивших об инспекции начальство лагеря № 3. Воздушнодорожники встречают в штыки любое вмешательство в их внутренние дела».

«Видимо, другого объяснения нет», — сказал Этцвейн, мельком взглянув на Финнерака, хранившего молчание с каменным лицом. Этцвейн откинулся на спинку кресла: «Аноме считает, что необходимы радикальные изменения. Человек Без Лица способен единолично править Шантом в мирное время. В дни войны число неотложных дел превосходит его возможности. Шант велик и многообразен, требуется распределение полномочий центральной власти. По мнению Аноме, человеку с вашими навыками и опытом можно было бы поручить пост, гораздо более ответственный, чем должность главного дискриминатора».

Улыбнувшись, Аун Шаррах сделал скромный жест рукой: «Я ограниченный человек с ограниченными возможностями. Такова моя роль. Мои амбиции не заходят слишком далеко».

Этцвейн покачал головой: «Никогда не следует преуменьшать свое значение. Будьте уверены, что Аноме ценит вас по достоинству».

Аун Шаррах спросил довольно сухо: «Что, в сущности, вы предлагаете?»

Немного поразмыслив, Этцвейн ответил: «Я хочу, чтобы вы занялись координацией поставок материальных ресурсов Шанта — металлов, волокна, стекла, дерева. Само собой, это сложная задача, и я бы на вашем месте тщательно подготовился. Раздобудьте необходимую информацию, получите представление о характере предстоящей работы — приготовьтесь основательно, у вас есть три-четыре дня, даже неделя».

Аун Шаррах вопросительно поднял брови: «Другими словами, я должен покинуть Дискриминатуру?»

«Совершенно верно. С сегодняшнего дня вы не главный дискриминатор, а заведующий закупкой и доставкой материалов. Идите домой, подумайте о новой работе. Изучите каталоги Шанта, поставляемую ими продукцию. Определите, каких материалов не хватает, какие имеются в избытке. Тем временем я займу ваш кабинет — так получилось, что у меня еще нет своего управления».

Аун Шаррах спросил с осторожным недоверием: «Вы хотите, чтобы я ушел — сейчас?»

«Да-да. Почему нет?»

«Но... мои личные бумаги...»

«Личные бумаги? Документы, не относящиеся к Дискриминатуре?»

Улыбка Шарраха стала неуверенной, диковатой: «Личные вещи, сувениры... Все это так неожиданно».

«Разумеется. События развиваются стремительно. У меня нет времени на формальности. Где реестр персонала Дискриминатуры?»

«Здесь, в шкафу».

«В нем поименованы все нештатные осведомители?»

«Не все».

«У вас есть дополнительный список?»

После мимолетного колебания Аун Шаррах вынул из кармана записную книжку, заглянул в нее, нахмурился, вырвал одну страницу и положил ее на стол. Этцвейн увидел столбец из дюжины имен. После каждого имени значился цветовой код.

«Кто эти люди?»

«Неофициальные специалисты, если можно так выразиться. Один умеет определить практически любой яд по внешним признакам отравления, другой консультирует по вопросам, касающимся незаконной купли-продажи крепостных должников. Двое вхожи в дома эстетов и хорошо разбираются в тонкостях дворцовых интриг — представьте себе, даже на склонах Ушкаделя случаются тайные преступления. Еще трое — перекупщики краденого».

«А этот, например, чем занимается?»

«Тренирует ищеек-ахульфов».

«И этот тоже?»

«Да. Остальные — сыщики, следопыты».

«Владельцы обученных ахульфов?»

«Меня не посвящают во все подробности ремесла. Возможно, кое-кто арендует ищеек или договаривается с полудикими ахульфами».

«Но все зарабатывают на жизнь профессиональной слежкой?»

«У них могут быть иные занятия, мне неизвестные».

«Значит, в Дискриминатуре не служат другие сыщики или шпионы?»

«У вас полный список, — коротко сказал Аун Шаррах. — С вашего позволения, я заберу несколько личных вещей». Резким движением он открыл дверцу тумбочки стола, вынул из ящиков большую тетрадь в сером переплете, самострел, драгоценную железную цепочку с железным медальоном и еще несколько мелочей. Этцвейн и Финнерак наблюдали со стороны.

Финнерак впервые нарушил молчание: «Тетрадь — тоже личное имущество?»

«Да. В ней конфиденциальная информация».

«Составляющая тайну даже для Аноме?»

«В той мере, в какой он не интересуется подробностями моей личной жизни».

Финнерак промолчал.

Аун Шаррах подошел к выходной двери, но задержался: «Идея происходящих радикальных изменений принадлежит вам или Аноме?»

«Новому Аноме. Саджарано Сершан мертв».

Шаррах издал короткий нервный смешок: «Можно было предвидеть, что он недолго продержится!»

«Причина его смерти загадочна как для меня, так и для нового Аноме, — спокойно сказал Этцвейн. — Странные вещи происходят в Шанте, особенно в последнее время».

На лицо Шарраха легла задумчивая тень. Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но передумал. Резко повернувшись, он вышел из кабинета.

Этцвейн с Финнераком немедленно приступили к изучению содержимого шкафов и коробок на полках. Они внимательно просмотрели реестр служащих, пытаясь угадать значение таинственных пометок, сделанных в списке имен — видимо, рукой Шарраха. Они нашли крупномасштабные карты всех кантонов Шанта и самых больших городов — Гарвия, Масчейна, Брассей, Ильвия, Карбада, Порт-Верна, Фергаза и Освия. В справочном указателе содержались перечни важнейших должностных и прочих влиятельных лиц, проживавших в каждом кантоне, со ссылками на досье в главном архиве и непонятными иероглифами Ауна Шарраха. В коробках лежали папки с подробными биографиями эстетов Гарвия, опять же снабженные шифрованными примечаниями.

«Не стоит ломать голову над пометками главного дискриминатора, — сказал Этцвейн. — В любом случае через год они устареют. Эта информация относится к старому Шанту. Нас не интересуют грешки чиновников и семейные скандалы эстетов. Я собираюсь полностью реорганизовать Дискриминатуру».

«Каким образом?»

«На сегодняшний день существуют разрозненные городские и кантональные полицейские управления. Сбор сведений по всей стране невозможен без их участия. В новом Шанте

эту функцию я хочу поручить отдельному континентальному разведывательному ведомству, отчитывающемуся непосредственно перед Аноме и действующему независимо от кантональных законодательств и местных предрассудков».

«Любопытная мысль. Не отказался бы возглавить такое ведомство».

Этцвейн внутренне рассмеялся, ничем этого не показывая. Финнерак удивительно не умел скрывать свои намерения.

«Первоочередная задача — установить личность шпиона, увязавшегося за нами вчера вечером. Я попросил бы вас, по меньшей мере, заняться этим делом. Познакомьтесь с дискриминаторами, вызовите персонал на совещание. Подчеркните, что Аун Шаррах больше не руководит Дискриминатурой, что все приказы теперь исходят от меня. Я хотел бы как можно скорее увидеть всех агентов, всех сыщиков и следопытов, штатных и нештатных. Если шпион — один из них, я его узнаю».

Финнерак колебался: «На словах все просто, но как это устроить?»

Этцвейн задумался на минуту. На столе Ауна Шарраха, вдоль правого края, в несколько рядов светились кнопки. Этцвейн нажал верхнюю. В кабинет сразу же зашел служащий, сидевший в приемной — толстенький беспокойный молодой человек не старше Этцвейна.

Этцвейн сказал: «Бывший главный дискриминатор смещен с должности по приказу Аноме. Отныне вы руководствуетесь только указаниями, исходящими от меня или от Джерда Финнерака — познакомьтесь. Все понятно?»

«Понятно».

«Как вас зовут?»

«Тирубель Архенвей, к вашим услугам. Я в должности секретаря-лейтенанта».

«Верхняя кнопка вызывает вас. Каково назначение других?»

Архенвей объяснил функции кнопок, Этцвейн записывал. «Необходимо сделать несколько вещей одновременно, — сказал Этцвейн. — Прежде всего представьте всех служащих Дискриминатуры Джерду Финнераку. Он займется проверкой

персонала. Кроме того, я хочу, чтобы сюда вызвали, именем Аноме и как можно быстрее, трех человек. Во-первых, Ферульфио, главного электрика Гарвия. Во-вторых, техниста Донейса. В-третьих, арбитра Миаламбера, Октагона Уэйльского».

«Будет сделано в кратчайшие сроки, — Тирубель Архенвей поклонился Финнераку. — Милостивый государь, прошу вас следовать за мной...»

«Один момент», — прервал его Этцвейн.

Архенвей повернулся к нему: «Слушаю?»

«В чем заключаются ваши ежедневные обязанности?»

«Я выполняю поручения — главным образом примерно такие, как ваше. Еще я составлял повестки дня главного дискриминатора, организовывал совещания и аудиенции, просматривал почту, доставлял извещения».

«Хотел бы еще раз напомнить, что Аун Шаррах больше не работает в Дискриминатуре и не занимается делами, относящимися к этому ведомству. Никакая утечка информации не допускается. Распространение слухов, намеков и двусмысленных замечаний любыми служащими Дискриминатуры, в том числе вами, категорически запрещено. Поручаю вам немедленно распространить бюллетень, разъясняющий это требование».

«Будет сделано».

Ферульфио, главный электрик Гарвия, оказался человеком тощим и бледным, с бегающими глазами. «Ферульфио, — сказал ему Этцвейн, — в кафе на площади толкуют, что вы неразговорчивее устрицы и осторожнее морского веера-невидимки».

Ферульфио кивнул.

«Мы с вами направимся во дворец Сершанов. Я покажу вам помещение, где находится радиооборудование бывшего Аноме. Вы перевезете это оборудование сюда и установите его на скамье вдоль стены — так, чтобы я мог им пользоваться».

Ферульфио снова кивнул.

Этцвейну не нравился стол Ауна Шарраха. Он приказал его убрать. В кабинете поставили два зеленых кожаных дивана, два деревянных кресла из лиловой вайды, обитых кожей сливового оттенка, и широкий новый стол. Насмешливо поглядывая на Этцвейна, веселая и хорошенькая секретарша украсила стол букетом ируцианы и амариллей.

По вызову явился Архенвей, посмотрел вокруг: «Приятное обновление гарнитура! Не хватает только ковра. Дайте подумать...» Секретарь-лейтенант прошелся из угла в угол, заложив руки за спину: «Цветочный узор, пожалуй... в стиле «четвертой легенды», кораллы на фиолетовом фоне. Нет, слишком определенно, настойчиво, не тот размах. В конце концов, вы не хотите, чтобы ковер навязывал вам настроение... Лучше концентрический орнамент в духе Обри — попадают изысканные экземпляры. Знатки считают, что Обри пренебрегал пропорциями, но именно искусные искажения придают его эскизам забавное обаяние... Возможно, однако, суровому администратору больше подойдет традиционный буражеск, темно-серый с трацидом¹⁴ и умброй».

«Вам лучше знать, — рассеянно сказал Этцвейн, — закажите буражеск. В приятной обстановке легче работать».

«Совершенно согласен, удивительно верное наблюдение! — заявил Тирубель Архенвей. — К сожалению, мой кабинет оставляет желать лучшего, приходится ютиться в крысиной норе. Я мог бы работать быстрее и плодотворнее в помещении, выходящем окнами на площадь, попросторнее и посветлее».

«Есть свободные помещения?»

«Пока нет, — признался Архенвей, — но я мог бы порекомендовать полезные внутриведомственные реформы. В самом деле, давно пора! Если позволите, я тотчас же подготовлю проект».

«В свое время, — сказал Этцвейн, — не все сразу».

«Надеюсь, вы не упустите такую возможность, — продолжал секретарь-лейтенант. — Я тружусь в душной, тесной ка-

¹⁴ Трацид: терпкий, насыщенный темно-карминовый цвет.

морке. Каждый раз, когда кто-нибудь заходит, дверь колотит мне по колену. А расцветка мебели? Несмотря на все мои усилия, ничто не скрашивает нелепую, унылую обивку! Эхм... между тем техник Донеис покорнейше ожидает приема».

Этцвейн изумленно выпрямился: «Как? Донеиса заставляют торчать в приемной, пока вы рассуждаете о коврах и эстетических улучшениях интерьеров? Скажите спасибо, если завтра утром ваш кабинет, каковы бы ни были его размеры, не займет кто-нибудь другой!»

Побледнев, Архенвей поспешил удалиться и вернулся в сопровождении долгового, костлявого Донеиса. Этцвейн пригласил техника сесть на диван, а сам сел напротив: «Вы не представили отчет. Мне не терпится узнать: что происходит, что уже сделано?»

Донеис не мог расслабиться. Он сидел на краю дивана, выпрямившись, как палка: «Я не представил отчет потому, что отчитываться пока не о чем. Не нужно напоминать мне о срочности проекта — я все понимаю, ситуация отчаянная. Мы делаем все, что можем».

«Вам больше нечего сказать? — настаивал Этцвейн. — В чем проблема? Нужны деньги? Дополнительный персонал? Требуются дисциплинарные меры? Вам не подчиняются?»

Донеис поднял редкие брови: «Денег и персонала достаточно — хотя мы не отказались бы от дюжины знающих специалистов с выдающимися способностями к проектированию. Поначалу были проблемы с дисциплиной — техники не привыкли работать большими группами. Но дело сдвинулось с мертвой точки. Мы изучаем одну возможность — по-видимому, многообещающую. Вас интересуют подробности?»

«Да, разумеется!»

«Давно известен особый класс веществ, образующихся в ходе длительной реакции — в колбе остается очень плотный белый осадок, напоминающий на ощупь воск, слегка волокнистый. Мы называем эти вещества «халькоидами». Халькоиды отличаются исключительно интересным свойством. Под воздействием сильного электрического разряда вязкий, пластичный халькоид превращается в твердое, прозрачное кри-

сталлическое тело существенно большего объема. В случае халькоида № 4 объем увеличивается почти на одну шестую. На первый взгляд это немного, но преобразование происходит мгновенно, и возникающее при этом усилие молекулярного смещения практически непреодолимо. Фактически, если структура халькоида 4 не изменяется под большим давлением, поверхность вещества ускоряется настолько, что оно взрывается. Один из технистов недавно получил халькоид 4 с параллельно-волоконистой структурой. Мы назвали этот вариант «халькоидом 4-1». Подвергаясь электрическому разряду, халькоид 4-1 расширяется только продольно, вдоль волокон, причем торцевые поверхности волокон перемещаются с огромной скоростью, достигающей в момент максимального ускорения, по предварительным расчетам, порядка четверти скорости света. Предложено изготавливать на основе халькоида 4-1 снаряды для огнестрельного оружия. В настоящее время проводятся испытания, но я еще не могу сказать ничего определенного о результатах.

Этцвейн был впечатлен докладом: «Другие разработки тоже ведутся?»

«Изготавливаются стрелы с наконечниками из декокса. Они взрываются при попадании, но это сложное в обращении и ненадежное оружие. Мы надеемся, что оно окажется эффективным на расстоянии от сорока до ста метров, и пытаемся сделать его безопасным для арбалетчиков. Других новостей нет — по существу мы только организовались и приступили к работе. В древности умели генерировать световые лучи, ослеплявшие противника, но эти навыки утеряны. Наши энергоприемники достаточно долговечны, но не позволяют создавать длительные разряды большой мощности».

Этцвейн показал Донеису лучевой пистолет, полученный от Иффесса: «Это оружие с Земли. Разобрав его, вы могли бы научиться чему-нибудь полезному?»

Технист внимательно рассмотрел пистолет: «Качество изготовления превышает наши возможности. Сомневаюсь, что это устройство позволит нам что-нибудь понять — кроме того, насколько мы технически деградировали по сравнению с предками. Не следует забывать, конечно, что на Дердейне нет

редких металлов и очень мало самых распространенных. Зато мы многого достигли в оптике и кристаллике».

Донейс с явным сожалением отдал пистолет Этцвейну: «Другой проект — связь вооруженных подразделений. Здесь в навыках нет недостатка. Мы хорошо умеем контролировать потоки электрических импульсов — каждый день производятся тысячи кодированных ошейников. Тем не менее, есть почти непреодолимые трудности. Для того, чтобы изготовлять военное коммуникационное оборудование, потребуется реквизировать цеха, поставляющие ошейники, и пользоваться услугами цеховых работников. Если мы просто отзовем самых опытных специалистов, кантональные власти получат бракованные ошейники, что чревато трагическими последствиями».

«Разве на складах не хранится резервный запас ошейников?»

«Нет, это было бы непрактично. Для того, чтобы максимально упростить коды, новые ошейники шифруют цветами недавно умерших и погибших граждан. В противном случае пришлось бы кодировать с применением девяти, десяти, даже одиннадцати цветов — а чем сложнее коды, тем более трудоемкой становится их регистрация».

Этцвейн задумался, спросил: «Нельзя ли привлечь работников какой-нибудь другой, менее важной отрасли?»

«Все радиоприемники и передатчики в Шанте производятся теми же мастерскими — как побочная продукция».

«Остается один выход, — решил Этцвейн. — Если нас всех перебьют рогушкой, ошейники некому будет носить. Реквизируйте цеха, производите рации. Молодым людям придется погулять на свободе, пока мы не покончим со вторжением».

«В принципе, я пришел к тому же выводу», — кивнул Донейс.

«Чуть не забыл, — сказал Этцвейн напоследок. — Аун Шаррах назначен заведующим закупкой и доставкой материалов в масштабах всего континента. Что бы вам ни потребовалось, обращайтесь к нему».

Технист ушел. Полуразвалившись на диване и прикрыв глаза, Этцвейн напряженно думал: «Допустим, война продлится десять лет. Подростки, готовые надеть ошейники, их не получают еще десять лет. Когда кончится война, они вырастут, повзрослеют, обзаведутся семьями. Согласятся ли привыкшие к безответственности, неприрученные «граждане» добровольно поступиться свободой, стать заложниками правительства? Или на разоренную войной, отягощенную несовместимыми предрассудками страну ляжет дополнительное бремя обуздания целого поколения распоясавшихся хулиганов?» Этцвейн нажал кнопку, чтобы вызвать Тирубеля Архенвея... Нажал еще раз. Вместо секретаря-лейтенанта в кабинет вошла секретарша — та, что ставила на стол букет цветов.

«Где пропадает Архенвей?»

«У него полуденный перерыв. Вышел освежиться бокалом вина, скоро вернется. Между прочим, — добавила девушка будто невзначай, — в приемной сидит очень, очень внушительный господин. Вполне может быть, что он пришел поговорить с главным дискриминатором, хотя я, конечно, не уверена, потому что Архенвей не дал на этот счет никаких указаний».

«Будьте добры, пригласите его зайти. Как вас зовут?»

«Дашана. Я из семьи Цандалес. Меня устроили помощницей Архенвея».

«И давно вы здесь работаете?»

«Всего три месяца».

«С сегодняшнего дня на мои вызовы отвечаете вы. Архенвей недостаточно расторопен».

«Сделаю все возможное, чтобы содействовать исполнению любых указаний вашего превосходительства».

Уходя, она бросила через плечо взгляд, свидетельствовавший о многом или ни о чем — в зависимости от предрасположения и самомнения наблюдателя.

Секунду спустя Дашана из семьи Цандалес постучала в дверь и скромно заглянула внутрь: «Его высокоблагородие Октагон Миаламбер, высший арбитр Уэйльский».

Этцвейн вскочил. Вошел Миаламбер — невысокий, крепко сбитый, но узковатый в груди человек в строгой серой мантии с белым отложным воротником. Величественно-портретный полуоборот привыкшей к парику головы не вязался с ежиком жестких седых волос. Октагон взирал на Этцвейна с подозрением, даже осуждающе — у такого собеседника трудно было искать сочувствия.

Дашана Цандалес ждала, не закрывая дверь. Этцвейн догадался: «Будьте добры, позаботьтесь о закусках». Повернувшись к Октагону, он пригласил: «Пожалуйста, садитесь. Не ожидал, что вы прибудете так скоро. Очень сожалею, что вас не провели ко мне сразу».

«Вы — главный дискриминатор?» — Миаламбер говорил резким басом, взгляд его сверлил Этцвейна, подмечая и оценивая недостатки.

«В данный момент я не главный дискриминатор, а исполнительный директор, назначенный Аноме. Меня зовут Гастель Этцвейн. Говоря со мной, вы, по сути дела, говорите с Аноме».

Взгляд Миаламбера стал еще острее и напряженнее. Как судья, выслушивающий показания, он не делал никаких попыток продолжить разговор, но молча ждал дальнейших замечаний.

«Вчера Аноме познакомился с вашими комментариями в «Спектре», — сказал Этцвейн. — На него произвели выгодное впечатление глубина и ясность ваших умозаключений».

Открылась дверь. Дашана Цандалес вкатила столик на колесах — с чайным прибором, хрустящими хлебцами, морскими цукатами и бледно-зеленым цветком в узкой лазуритовой вазе. Она доверительно прошептала Этцвейну через плечо: «Архенвей в бешенстве — ругается, как извозчик».

«С ним я поговорю позже. Будьте добры, обслужите нашего достопочтенного гостя».

Дашана налила чаю и поспешно удалилась.

«Скажу вам откровенно, — продолжал Этцвейн, — бразды правления Шантом в руках нового Аноме».

Миаламбер угрюмо кивнул — подтвердились какие-то его расчеты: «Как произошла смена власти?»

«Опять же, не стану ничего скрывать — пришлось прибегнуть к принуждению. Группа граждан, встревоженных пассивной политикой бывшего Аноме, настояла на передаче полномочий. Теперь бремя обороны Шанта возложено на нас».

«Еще немного, и было бы слишком поздно. Чего вы хотите от меня?»

«Совета, рекомендаций, сотрудничества».

Октагон Миаламбер плотно поджал губы: «Прежде, чем брать на себя обязательства, я хотел бы знать, каковы ваши намерения, каких принципов вы придерживаетесь».

«Мы не руководствуемся определенными политическими убеждениями, — ответил Этцвейн. — Тем не менее, война неизбежно приведет к изменениям, и мы хотели бы направить эти изменения в русло, отвечающее разумным представлениям о цивилизации. Например, можно было бы воспользоваться возможностью ограничить влияние самых диких предрассудков на Одиноком Мысу, в Шкере, Буражеске и Дифибеле».

«Здесь излишняя самоуверенность может только повредить, — заявил Миаламбер. — Внутренняя независимость кантонов — традиционная основа существования Шанта. Несомненно, насильственное внедрение той или иной доктрины централизованной властью приведет к перераспределению сил — не обязательно к лучшему».

«Я это понимаю, — поспешил согласиться Этцвейн. — Без проблем не обойдется. Чтобы их решить, нужны способные, компетентные люди».

«Хм... И сколько же таких людей вам удалось найти?»

Этцвейн отхлебнул чаю: «Численное превосходство на стороне проблем».

Миаламбер неохотно кивнул: «Можете рассчитывать на мою помощь, хотя безусловного выполнения любых распоряжений я не обещаю. Задача привлекает и отпугивает своей сложностью».

«Рад это слышать! — Этцвейн опустил чашку. — Я временно остановился в гостинице «Фонтеней». Мы могли бы там встретиться, чтобы подробнее обсудить дальнейшие шаги».

««Фонтеней»?», — спросил Миаламбер скорее удивленно, нежели неодобрительно. — Таверна на набережной, если не ошибаюсь?»

«Она самая».

«Как вам угодно, — Миаламбер нахмурился. — А теперь я вынужден вспомнить о практических соображениях. Моя семья в Уэйле состоит из семи человек, а доход юриста невелик. Грубо говоря, мне нужны деньги, чтобы платить по счетам. Иначе шериф пустит мой дом с молотка, и я стану крепостным».

«Ваш заработок будет более чем достаточным, — заверил его Этцвейн. — Этот вопрос мы решим сегодня же вечером».

Этцвейн обнаружил Финнерака за столом в конторе главного архива. Тот с мрачным терпением выслушивал оправдания двух дискриминаторов высшего ранга — каждый старался завладеть его вниманием, каждый в чем-то убеждал его, предлагая в подтверждение стопки документов. Заметив Этцвейна, Финнерак отпустил обоих движением руки — те удалились, пытаясь сохранить остатки достоинства. Финнерак заметил: «Аун Шаррах попустительствовал слабостям персонала. У меня это не пройдет. Эта парочка — ближайшие помощники Шарраха. Они останутся в городской Дискриминатуре».

Этцвейн удивленно приподнял брови. По-видимому, Финнерак взял на себя реорганизацию ведомства, существенно превысив полученные полномочия. Финнерак перешел к подробной оценке достоинств и недостатков других служащих Дискриминатуры. Этцвейн слушал, больше интересуясь применявшимися Финнераком критериями, нежели результатами оценки как таковой. Методы Финнерака отличались прямизной наивности — что само по себе вызывало ужас и почтение в искушенных жизнью гарвийских чиновниках, способных воспринимать простоту только как свидетельство безграничной власти, а молчание — как предвестие неллицеприятных разоблачений. Этцвейн внутренне веселился. Дискриминатура была типичным столичным учреждением — изощренным клубком связей и взаимных обязательств, многолетних тай-

ных интриг, продвижений по протекции, более или менее случайных последствий решений, принятых под влиянием взятки или просто по наитию. Финнерак рассматривал такую ситуацию как личное оскорбление. Музыкант Этцвейн почти завидовал стихийной самонадеянности бывалого каторжника.

Финнерак закончил доклад: «Вы хотели проверить внешность агентов?»

«Да. Если среди них окажется вчерашний шпион, искренность Ауна Шарраха не стоит ломаного гроша».

«Это еще цветочки, ягодки впереди! — таинственно предупредил Финнерак, взяв со стола одну из многочисленных папок. — Других вопросов нет? Значит, можно начать, не откладывая».

Никто из присутствовавших служащих Дискриминатуры не напоминал человека с хищным носом и близко посаженными глазами, замеченного Этцвейном в окне дилижанса.

Медленный круговорот солнц склонялся к горизонту. Этцвейн и Финнерак решили отдохнуть в открытом кафе на площади, напротив Палаты правосудия. Потягивая горячий чай из вербены, они разглядывали беззаботно болтающих прохожих. Никто бы не подумал, что от двух молчаливых молодых людей за столиком — стройного замкнутого брюнета и жилистого мрачного блондина с выжженными волосами и глазами, блестящими, как полированная бирюза — зависела судьба Шанта. Этцвейн взял оставленный кем-то на стуле номер «Спектра». В глаза сразу бросилась полоса, обведенная охряной рамкой. Этцвейн читал с тяжелым сердцем:

«Из Марестия по радио передают о столкновении между недавно сформированным ополчением и бандой рогушкоев. Неуемные захватчики, не оставив камня на камне в Шкории, снова выслали отряд на север в поисках провианта. В пограничном городке Гасмале отряд местных сил обороны приказал дикарям остановиться и отступить. Каннибалы пренебрегли законным требованием,

завязался бой. Стрелы и камни, выпущенные из луков и пращей защитников Марестия, вызвали в стане врага, после кратковременного замешательства, безумную ярость. По словам одного из наблюдателей, «меднокожее стадо нахлынуло визжащей волной». Такие примитивные методы устрашения, однако, не помогут рогушкам, когда начнется их планомерный обстрел из обещанных Аноме дальнобойных орудий. Учитывая это обстоятельство, ополченцы Марестия прибегают к выжидательной тактике. Дальнейшие известия еще не поступали — об окончательных результатах стычки читайте в следующем выпуске».

«Твари плодятся и напирают толпой, — проворчал Этцвейн. — Даже в прибрежных районах уже не безопасно».

Глава 8

На Гарвий спустились сливовые вечерние сумерки, вдоль улиц зажглись разноцветные фонари. Этцвейн и Финнерак вернулись в гостиницу «Фонтеней». Фролитц и его труппа расположились за длинным столом в глубине таверны и поглощали тушеные бобы с сыром. Проголодавшиеся молодые люди присоединились к ним.

Фролитц был в отвратительном настроении: «Руки Гастеля Этцвейна устали и отказываются слушаться. Так как его посторонние занятия важнее благосостояния труппы, я не требую, чтобы он утруждал себя игрой на инструменте. Если все же на него снизойдет вдохновение, он может время от времени звенькать на цокатульках или прищелкивать пальцами».

Этцвейн придержал язык. После еды, когда оркестранты достали инструменты, Этцвейн присоединился к ним на сцене. Фролитц изобразил крайнее изумление: «Как это понимать? Нас осчастливил своим присутствием великий Гастель Этцвейн? Премного благодарны. Не будет ли он так добр и не примет ли он покорнейше предложенный ему древорог? Боюсь, что с хитаном ему сегодня не справиться».

Этцвейн продул старый добрый мундштук, пробежался пальцами по серебряным клапанам, когда-то служившим предметом особой гордости... Странно: он чувствовал себя другим человеком! Руки с готовностью слушались, пальцы сами нажимали и отпускали клапаны, предугадывая движение гармонии — но сцена казалась маленькой, а перспективы далекими. Кроме того, Этцвейн почему-то почти неувовимо подчеркивал в каждом такте слабую долю.

Во время антракта Фролитц вернулся к труппе в возбуждении: «А знаете ли вы, господа хорошие, кто у нас сидит в углу таверны — молча, и даже без инструмента? Друидийн Дайстар!» Оркестранты с уважением оглянулись на суровый силуэт в тени. Каждый пытался представить себе, какое мнение составил о его способностях знаменитый друидийн. Фролитц рассказывал: «Я поллюбопытствовал — что привело его в таверну «Фонтеня»? Оказывается, его вызвали сюда по приказу Аноме. Спрашиваю: не желает ли он сыграть с труппой? А он: не откажусь, сочту за честь, и так далее в том же роде. Говорит, наше бравурное исполнение напомнило ему молодые годы. Так что с нами будет играть Дайстар! Этцвейн, отдай мне древорог, возьми гастенг».

Фордайс, стоявший рядом с Этцвейном, пробормотал: «Наконец-то тебе придется играть с отцом. Он все еще не знает?»

«Нет, не знает», — Этцвейн достал из кладовки гастенг — объемистый инструмент, ниже диапазоном и звучнее хитана. Играя в оркестре, исполнитель должен был сдерживать рукавом-сурдиной гулкий и протяжный резонанс гастенга, прекрасно звучащего соло, но поглощавшего обертоны других тембров. В отличие от многих музыкантов, Этцвейн любил гастенг. Ему нравились благородные оттенки звука, то более или менее приглушенного, то «открывавшегося» после того, как был взят аккорд, в зависимости от искусного перемещения сурдины.

Оркестранты стояли и ждали на сцене с инструментами в руках — таков был общепринятый ритуал, подчеркивавший почтение к мастеру калибра Дайстара. Фролитц спустился со сцены и пошел пригласить Дайстара. Тот приблизился и поклонился музыкантам, задержав внимательный взгляд на Этцвейне. Дайстар взял хитан у Фролитца, набрал аккорд, отогнул гриф и проверил гремушку. Пользуясь своей прерогативой, он начал со спокойной, приятной мелодии, обманчиво простой.

Фролитц и Мильке, игравший на кларине, вступили с басом, осторожно избегая чрезмерных усложнений гармонии. Тихие аккорды чуть звенящего гизоля и гастенга стали под-

черкивать ритм. После нескольких вариаций вступление завершилось — каждый оркестрант нашел свой тембр, почувствовал атмосферу.

Дайстар слегка расслабился на стуле, выпил вина из поставленного перед ним кувшина и кивнул Фролитцу. Комически раздувая щеки, тот изобразил на деревороге хриловатую, сардоническую, местами задыхающуюся тему, чуждую текущей прозрачности тембра инструмента. Дайстар выделил синкопы редкими жесткими ударами гремушки. Полилась музыка: издевательски-меланхолическая полифония, свободная, уверенная, с четко выделяющимися подголосками каждого инструмента. Дайстар играл спокойно, но с каждым тактом его изобретательность открывала новые возможности. Тема достигла кульминации, разломилась, разорвалась, обрушилась стеклянным водопадом. Никто никого не опередил, никто ни от кого не отстал. Дайстар вступил с ошеломительно виртуозной каденцией — пассажи, сначала звучавшие в верхнем регистре, постепенно снижались под аккомпанемент сложной последовательности аккордов, лишь иногда находившей поддержку в зависающих педальных басах гастенга. Пассажи встречались в среднем регистре и расходились вверх и вниз, но постепенно опускались двойной спиралью, как падающие листья, становясь тише и тише, погружаясь в глубокие басы, растворившись в гортанном шорохе гремушки. Фролитц закончил пьесу одним, еще более низким звуком дереворога, угрожающе замершим вместе с отзвуками гастенга.

Как того требовала традиция, Дайстар отложил инструмент, сошел со сцены и сел за столом в стороне. Минуту-другую труппа ждала в тишине. Фролитц размышлял. Пожевав губами и изобразив нечто вроде злорадной усмешки, он передал хитан Этцвейну: «Теперь что-нибудь тихое, медленное... Как называлась та старинная вечерняя пьеса — мы ее учили на Утреннем берегу? Да, «Цитринилья». В третьем ладу. Смотрите, чтобы никто не забыл паузу для каденции во второй репризе! Этцвейн: твой темп, твоя экспозиция».

Этцвейн отогнул гриф хитана, подстроил гремушку. Зловредный старый хрыч Фролитц не удержался, учинил запад-

ню! Этцвейн очутился в положении, невыносимом для любого уважающего себя музыканта, будучи вынужден играть на хитане после блестящей импровизации неподражаемого Дайстара. Этцвейн задержался на несколько секунд, чтобы хорошо продумать тему, взял вступительный аккорд и сыграл экспозицию — чуть медленнее обычного.

Мелодия струилась — меланхолическая, полная смутных сожалений, как излучины теплой реки среди душистых лугов после захода солнц. Экспозиция закончилась. Фролитц сыграл фразу, задававшую трехдольный пунктирный ритм первой вариации... С неизбежностью рока настало время импровизированной каденции. Всю жизнь Этцвейн мечтал об этой минуте, всю жизнь стремился избежать ее во что бы то ни стало. Слушатели, оркестранты, Фролитц, Дайстар — все безжалостно ждали музыкального соревнования. Один Этцвейн знал, что меряется силами с отцом.

Этцвейн сыграл гармонический ряд аккордов, почти мгновенно приглушая каждый сурдиной. Возникший контраст тембров заинтересовал его — он повторил ряд в обратной последовательности, набирая каждый аккорд под сурдину и сразу же «открывая» резонанс, то есть снимая сурдину — в манере, характерной для игры на гастенге, но почти не применявшейся хитанистами. Не поддавшись кратковременному искушению покрасоваться техникой, Этцвейн повторил основную тему в величественной, скупой орнаментированной манере. Труппа поддержала его ненавязчивым басовым противосложением. Этцвейн подхватил бас и превратил его во вторую тему, слившуюся с первой в странном широком ритме, напоминавшем затаенный хоровой марш, мало-помалу набравший силу, накативший падающей волной, растекшийся в тихом шипении морской пены... Этцвейн прервал уже нарождавшуюся паузу быстрыми, угловатыми взрывами ужасных диссонансов, но тут же разрешил их мягкой, успокоительной кодой. Пьеса закончилась.

Дайстар встал и пригласил оркестрантов к своему столу. «Без сомнения, — объявил он, — передо мной лучшая труппа Шанта! Все безупречно владеют техникой, все чувствуют характер пьесы. Гастель Этцвейн играет так, как я даже не наде-

ялся играть в его возрасте. Ему пришлось многое пережить — боюсь, слишком рано».

«А все потому, что он упрям, как необъезженный быстроходец! — обиженно возразил Фролитц. — Перед ним открывается блестящая карьера в «Розово-черно-лазурно-глубоко-зеленой банде» — так нет же! Он якшается с эстетами, заточенными в хрустальных дворцах и исчезающими, как злые духи, похищает красоток-аристократок и вообще занимается вещами, не подобающими добропорядочному музыканту. Все мои наставления — коту под хвост!»

Этцвейн мягко заметил: «Фролитц намекает на войну с рогушкоями, в последнее время отвлекающую меня от занятий музыкой».

Фролитц возмущенно развел руками, чуть не угодив Этцвейну пальцем в глаз: «Вы слышите? Он сам этого не скрывает!»

Дайстар сурово кивнул: «У вас есть все основания для беспокойства». Он повернулся к Этцвейну: «В Масчейне я говорил с вами и с вашим приятелем — насколько я понимаю, он сидит неподалеку. Сразу же после нашего разговора я получил приказ Аноме явиться в гостиницу «Фонтеней» в Гарвии. Эти события как-то связаны?»

Фролитц склонил голову набок, с укором глядя на Этцвейна: «И Дайстар туда же? Что же получается? Все музыканты Шанта выступят походным маршем и погибнут невоспетыми героями? Только тогда ты успокоишься? Проткнем рогушковых тринголетами, закидаем их гизолями? Ты рехнулся, вот что я тебе скажу — рехнулся!» Повелительным жестом призывая за собой труппу, Фролитц прошествовал на сцену.

«Не обращайтесь внимания на Фролитца, — сказал Дайстарту Этцвейн. — Он выпьет кружку пива и успокоится. К сожалению, мне на самом деле поручено организовать сопротивление рогушкоям. Это произошло следующим образом...» Этцвейн разъяснил Дайстарту ситуацию примерно так же, как он описывал события Финнераку. «Мне нужна поддержка самых опытных, самых способных людей в Шанте, — закончил он. — Поэтому я попросил вас приехать».

Казалось, Дайстара рассказанная Этцвейном история скорее позабавила, нежели удивила или потрясла: «Итак, я здесь».

На стол легла тень. Подняв глаза, Этцвейн оказался лицом к лицу с недружелюбно нагнувшимся над ним Октагоном Миаламбером. «Ваши предпочтения приводят меня в замешательство, — заявил высший арбитр Уэйльский. — С тем, чтобы обсудить серьезнейшие военные и политические реформы, вы попросили меня явиться в таверну. Явившись в таверну, я нахожу вас распивающим спиртные напитки с праздными ресторанными музыкантами. Кого вы водите за нос и зачем?»

«Вы преувеличиваете! — возразил Этцвейн. — Мой собеседник — выдающийся друидийн Дайстар, знаток обычаев Шанта, так же, как и вы, пользующийся самой высокой репутацией. Дайстар, позвольте представить вам Октагона Миаламбера — не музыканта, но юриста и философа, чью помощь я также нахожу незаменимой».

Миаламбер чопорно сел, чувствуя себя явно не в своей тарелке. Этцвейн переводил взгляд с одного на другого: Дайстар — отстраненный, страстно-сдержанный, склонный больше к наблюдению, чем к участию, Миаламбер — пронизательный, педантично требовательный, нанизывающий факты логическими цепочками согласно традиционным этическим представлениям Уэйля. Кроме неподкупности и уважения к себе, у них не было ничего общего — трудно было вообразить более несовместимые умы! Тем не менее, если один из них станет правителем Шанта, другому придется подчиняться. Кому передать власть? Кому отказать?

Обернувшись, Этцвейн позвал Финнерака — тот стоял поблизости, безучастно прислонившись к стене. Финнерак успел переодеться в траурный костюм из черной саржи с тугими манжетами на кистях и подвязками на лодыжках. Он молча приблизился к столу — без улыбки, даже без кивка. «Перед вами человек безукоризненной честности и весьма компетентный, несмотря на зловещую внешность, — представил помощника Этцвейн. — Его зовут Джерд Финнерак. Он предпочитает энергичные методы руководства. Мы очень разные

люди. Нам предстоит, однако, решать всевозможные задачи — разнообразие способностей и характеров не помешает».

«Все это превосходно и замечательно — допустим, — сказал Миаламбер. — На мой взгляд, однако, обстановка не соответствует важности вопросов, нуждающихся в обсуждении. Мы несем ответственность за судьбу Шанта! Даже деревенские старейшины решают, где вырыть новый колодец, советуясь в более официальной обстановке, с занесением в протокол возражений и резолюций».

«К чему условности? — спросил Этцвейн. — Шантом правил и правит один человек — Аноме. Что может быть неформальнее единоличной абсолютной власти? Правительство там, где находится Аноме. Если Аноме проводит время в пивной, пивная становится местопребыванием правительства».

«Произвольно изменяемой системе свойственна высокая приспособляемость, — согласился Миаламбер. — Как такая система будет функционировать в сложной и опасной ситуации, требующей всестороннего анализа — другой вопрос».

«Эффективность управления зависит от людей, составляющих правительство, — не уступал Этцвейн. — В данном случае правительство — это мы. Перед нами непочатый край работы. Что уже сделано? В шестидесяти двух кантонах мобилизовано ополчение».

«Только в кантонах, не захваченных рогушками», — нарушил молчание Финнерак.

«Гарвийские технисты изобретают оружие. Народы Шанта осознали наконец, что война неизбежна, что континент будут населять либо рогушкой, либо люди — третьего не дано. С другой стороны, организация, способная координировать и поддерживать сопротивление в масштабах всей страны, просто не существует. Шант беспомощно отступает во всех направлениях, вслепую отмахиваясь от вездесущего врага, бьется в конвульсиях, как зверь с шестьюдесятью двумя лапами, но без головы — в то время как рычащие ахульфы уже вгрызаются ему в кишки».

На сцене труппа Фролитца исполняла приглушенный ноктюрн — маэстро выбирал эту пьесу только в минуты тоскливой безнадежности.

Миаламбер сказал: «Мы в незавидном положении. За две тысячи лет многое изменилось. Когда Вайано Паицифьюме сражался с паласедрийцами, с ним была армия бесстрашных, можно сказать — неистовых бойцов. Они не носили ошейников; надо думать, поддержание дисциплины обходилось недорого. Тем не менее, паласедрийцы понесли ужасные потери».

«То были богатыри, не мы! — заявил Финнерак. — Жили, как мужчины, дрались, как мужчины — если нужно было, умирали, как мужчины. Им в голову не пришло бы отступить, ожидая помощи от правительства».

Миаламбер угрюмо кивнул: «Таких в Шанте больше не найти».

«Все же, — размышлял вслух Этцвейн, — они были людьми, не больше и не меньше. Мы такие же люди».

«Вы ошибаетесь! — упорствовал Миаламбер. — Древние были суровы и своенравны, отчитывались только перед собой. Соответственно, им приходилось полагаться только на себя — в этом они были «больше людьми», чем мы с вами. Теперь произвол — а следовательно и самостоятельность — непозволительны, граждане доверяют мудрости и справедливости Аноме больше, чем целесообразности собственных решений. Они покорны и законопослушны — в этом отношении древние были «меньше людьми». Таким образом, мы многое потеряли и многое приобрели».

«Приобретения бессмысленны, — заметил Финнерак, — если благодаря им рогушкой уничтожат Шант».

«Этому не бывать! — заявил Этцвейн. — Ополчение обязано драться и будет драться!»

Финнерак язвительно рассмеялся: «Кто будет драться, с кем? Дети — с людоедами? Во всем Шанте один настоящий мужчина — Аноме. Аноме не может воевать, он может только приказывать детям. Дети боятся воевать — они привыкли надеяться на отца-Аноме. Результат войны предreshен: поражение, катастрофа, смерть!»

Наступило молчание на фоне медленного скорбного ноктюрна.

Наконец Миаламбер осторожно произнес: «Подозреваю, что вы несколько сгущаете краски. Шант велик. Где-то еще

остались храбрецы, способные встать на защиту женщин и детей, напасть на врага, отвоевать захваченную землю».

«Изредка попадают сорвиголовы, — признал Финнерак. — В лагере № 3 была дюжина. Не боялись ни боли, ни смерти, ни Человека Без Лица — что страшнее ежедневного ужаса лагерной жизни? О, из этих получились бы лихие бойцы! Отчаяние раскрепощает человека — что ему кандалы, что ему ошейник? Он свободен! Дайте мне ополчение сорвиголов, бравую вольницу — рогушкоев след простынет!»

«К сожалению, — сказал Этцвейн, — лагерь № 3 больше не существует. Что вы предлагаете? Подвергать тысячи рекрутов унижениям и мукам до тех пор, пока им жизнь не станет страшнее смерти?»

«Разве нет другого способа освободить людей? — Финнерак почти кричал. — Я знаю такой способ — никто не смеет о нем заикнуться!»

Миаламбер не понимал, Дайстар догадывался. Только Этцвейн хорошо знал, о чем говорит Финнерак. Как всякий каторжник, он ненавидел ошейник, с его точки зрения — главное средство порабощения и пытки.

Четверо сидели молча, задумавшись над страстным призывом Финнерака. Прошла пара минут. Этцвейн произнес — тоном теоретика, высказывающего труднодоказуемую гипотезу: «Предположим, ошейники можно было бы снять — что тогда?»

Финнерак сидел с каменным лицом, не снисходя до ответа.

Дайстар ударил кулаком по столу и таким образом впервые принял участие в разговоре: «Пусть только свалится с шеи это скотское ярмо — я с ума сойду от радости!»

Миаламбер казался ошеломленным — и допущением Этцвейна, и реакцией Дайстара: «Как это возможно? Ошейник определяет цивилизованного человека, символизирует ответственность перед обществом!»

«Нет никакой ответственности перед обществом! — твердо сказал Дайстар. — Ответственность — добровольный долг. У меня нет долгов, я даю не меньше, чем беру. Следовательно, никто не вправе ничего от меня требовать».

«Неправда! — воскликнул Миаламбер. — Эгоистическое заблуждение! Каждый человек в неоплатном долгу перед миллионами других: перед всеми, кто делает его жизнь приятной и безопасной, перед погибшими героями, изобретателями и мудрецами, подарившими миру плоды своего ума, язык, традиции и музыку, перед техниками, построившими звездолеты и тем самым позволившими предкам найти убежище на Дердейне. Прошлое — волшебный ковер из мириадов переплетенных нитей. Каждый человек — еще одна нить бесконечной пряжи, бесценная в сочетании с другими, бессмысленная по отдельности».

Дайстар великодушно уступил: «Я ошибся — вы совершенно правы. Однако ошейник отвратителен, как всякое насилие. Зачем принуждать порядочного человека к порядочности? Зачем внушать цивилизованным людям, что они животные, обреченные грабить и убивать без постоянного присмотра?»

«На месте Аноме, — спросил его Этцвейн, — как бы вы решили этот вопрос?»

«Упразднил бы ошейники. Свобода — лучшее средство убеждения. Свобода, а не страх».

«Свобода? — Миаламбер заговорил с необычным для него волнением. — Я свободен — настолько, насколько это целесообразно! Я делаю, что хочу — в рамках, установленных законом. У воров и убийц, разумеется, нет свободы красть и убивать. Что защищает порядочного человека от воров и убийц? Ошейник!»

Дайстар снова признал правоту юриста, но своей правоты не уступал: «Я родился без ошейника. В тот проклятый день, когда цеховой старшина Санреддин окольцевал мне шею, камень лег на мою душу. С тех пор я ношу неизбывную тяжесть».

«Гражданский долг — тяжелое бремя, — согласился Миаламбер. — Какова, однако, альтернатива? Беззаконие, анархия, разбой! Как будет обеспечиваться соблюдение законов? Кем? Отрядами вооруженных палачей, тайными агентами-доносчиками? Чем они лучше других? Вы хотите снова завести тюрьмы, пытки, гипнотическое промывание мозгов, принуди-

тельное «лечение» наркотиками? Я утверждаю, что ошейник — не причина зла, а его неизбежное следствие. Причина зла — в природе человека, делающей ошейник необходимым!»

Финнерак сказал: «Логика ваших замечаний основана на допущении».

«На каком допущении?»

«Вы не подвергаете сомнению альтруизм Аноме и его способность принимать правильные решения».

«Конечно, нет! — заявил Миаламбер. — Две тысячи лет не было серьезных оснований для сомнений такого рода».

«Магнаты и эстеты согласятся с вашим утверждением. В лагере № 3 придерживались противоположного мнения — и правда на нашей стороне, а не на вашей. Никакие, даже самые обобщенные представления о справедливости не позволяют мириться с существованием каторжных лагерей!»

Миаламбер не сдавался: «Лагерь № 3 — язва в укромном месте, гниль под ковром. В любой системе есть недостатки. Аноме обеспечивает соблюдение кантональных законов, не навязывая свои правила и предпочтения. Традиции кантона Глай позволяют закрывать глаза на бесчеловечное обращение с крепостными. Вероятно именно поэтому лагерь № 3 находился в Глае. Если бы у меня были возможности Аноме, попытался бы я ввести в Глае новые законы? Трудный вопрос. Боюсь, что на него нет однозначного ответа».

Этцвейн сказал: «Мы спорим о второстепенных материях. Любые, самые важные вопросы не имеют значения, пока рогушкой безудержно плодятся и беспрепятственно убивают. Шанту грозит полное уничтожение. Скоро не будет ни ошейников, ни Человека Без Лица, ни крепостных, ни магнатов — ничего не будет, если мы не научимся воевать, и воевать успешно! Пока что мы не можем похвастаться успехами».

«Аноме — единственный свободный человек в Шанте, — отозвался Финнерак. — Будь я свободен, я дрался бы за каждую пядь земли. Армия свободных людей может истребить рогушкоев».

Миаламбер покачал головой: «Практически неосуществимая идея, по многим причинам. Прежде всего, нет времени.

Когда некольцованные дети вырастут, рогушкой уже заполнят весь континент».

«А зачем ждать? — спросил Финнерак. — Достаточно снять ошейники с рекрутов».

Миаламбер тихо рассмеялся: «К счастью это невозможно. Мы извлекли уроки из Столетней войны. Ошейники — залог многовекового мира. Не будет ошейников — и Шант превратится в Караз, где только один закон: ты умри сегодня, а я — завтра! Хаос анархии — грабежи, голод, эпидемии, пожары, всеобщее разорение! Вы этого хотите?»

«Лучше хаос, чем уничтожение рода человеческого! — гремел Финнерак. — По-вашему, безмятежный мир может продолжаться вечно? Маятник судьбы поднялся высоко — тем быстрее он упадет! Долой ошейники!»

Дайстар поинтересовался: «Любая попытка удалить ошейник приводит к взрыву. Вы знаете, как обойти это препятствие?»

Финнерак ткнул большим пальцем в сторону Этцвейна: «Он знает! Землянин научил его. Гастель Этцвейн — свободный человек. Носит пустой ошейник для отвода глаз. Что хочет, то и делает».

«Гастель Этцвейн, — тихо сказал Дайстар, — снимите с меня ошейник».

Впоследствии Этцвейн объяснял себе принятое решение практической необходимостью. В эту минуту, однако, им всецело владели эмоции.

«Я сниму с вас ошейники. Со свободными людьми можно договориться — я знаю, я свободен. Джерд Финнерак возглавит армию некольцованных добровольцев, Бравую Вольницу. Детей больше не будут кольцевать — хотя бы по той простой причине, что все приемники сигналов нужны для изготовления военных переговорных устройств».

Октагон Миаламбер обреченно вздохнул: «Так или иначе в Шанте настанут времена битв и потрясений».

«Так или иначе, — отозвался Этцвейн, — Шант уже потрясен. Враг наступает, битва началась. Вся власть Аноме не могла сдержать судороги страны, не желающей безропотно умирать».

Миаламбер и Дайстар! Вам предстоит решать одну задачу разными средствами.

Октагон Миаламбер! Наберите персонал по своему усмотрению — самых способных юристов, знатоков традиций, законодателей, и с ними отправляйтесь в долгий путь по всем кантонам Шанта. Искореняйте худшие злоупотребления — исправительные лагеря, церковное рабство в Бастерне, Шкере и Хавиоске, запретите куплю-продажу должников, запретите крепостное право как таковое! Вы столкнетесь с инерцией, сопротивлением, обманом, угрозами — это неизбежно, будьте безжалостны к безжалостным!

Дайстар! Только великий музыкант может сделать то, чего я хочу от вас. Один — или с другими друидийнами, воля ваша — обойдите города и селения Шанта. Поведайте людям — не только словом, но музыкой, давно говорившей сокровенным, общедоступным языком — поведайте, что настало время забыть о рознях перед лицом общего врага, что если мы не сумеем, не успеем объединиться, рогушкой вытеснят последние остатки рода человеческого на раскаленные солнцами скалы Бельджамарского архипелага.

Как это сделать? Как восстановить справедливость? Как убедить, как преодолеть взаимную неприязнь, как вдохновить стремление к общей цели? Я не знаю — знаете вы.

А теперь — Миаламбер, Дайстар, Финнерак — прошу вас подняться ко мне в номер. От свободы вас отделяют несколько скрипучих ступеней темной лестницы».

Глава 9

Шло время, день за днем. Этцвейн снял номера на четвертом ярусе отеля «Розеале гриндиана» с восточной стороны площади Корпорации, в трех минутах ходьбы от Палаты правосудия. Финнерак поначалу вселился вместе с ним, но уже на третьи сутки предпочел менее роскошную обстановку «Башен язычников», гостиницы напротив. Соблазны обеспеченной жизни не искушали Финнерака — он мало ел, заказывая самые простые блюда, перестал пить вино и крепкие напитки, одевался вызывающе скромно, исключительно в черное. Фролиц бесцеремонно, не попрощавшись, уехал с трупной в Силеневую Дельту. Октагон Миаламбер сформировал внушительную группу консультантов, хотя все еще не преодолел сомнения и подозрения, связанные с радикальной реформой устоявшихся традиций.

Этцвейн возражал: «Наша цель не заключается во введении единомыслия. Следует упразднить только учреждения, паразитирующие на незащищенных — нелепые теократические иерархии, крепостное право, богабездельни Одинокого Мыса, скотные дворцы Глирриса. До сих пор Аноме наказывал разрушителей законов, каковы бы ни были законы. Теперь он берет на себя отмщение и воздаяние».

«Если ошейники выйдут из употребления, Аноме, естественно, придется выполнять другие функции, — сухо заметил Миаламбер. — Грядущее неисповедимо».

Дайстар исчез из Гарвия, никому не сказав ни слова.

Октагон Миаламбер или друидийн Дайстар? Каждый из двух мог достойно занять место Аноме, каждому не хватало того, что у другого было в избытке... Этцвейн с тоской надеялся скоро принять решение и сбросить с плеч опасное бремя

власти. Роль благонамеренного диктатора набила ему оскоми-
ну.

Тем временем Финнерак принялся за перетряску Дискри-
минатуры с неутомимой целеустремленностью ахульфа, по-
чуявшего дичь. Привычная расслабленная манера почти дру-
желюбного взаимного подсиживания, не слишком отягощав-
шая агентов и секретарей, сменилась энергично-казарменным
механизмом безличного приказно-отчетного взаимодействия.
Служилые протиратели штанов, в том числе Тирубель Архен-
вей, мигом оказались на улице. Последовало слияние отделов
и бюро. Новое Разведывательное управление стало любимым
детищем Финнерака — факт, порой вызывавший у Этцвейна
недобрые предчувствия. Совещаясь с Финнераком в своем ка-
бинете, Этцвейн разглядывал его худощавую фигуру, морщи-
нистое лицо, презрительно искривленный рот, ярко-голубые
глаза — и пытался представить себе, как будут развиваться
их отношения в будущем. Теперь Финнерак не носил ошей-
ника. Власть Этцвейна распространялась на него лишь на-
столько, насколько Финнерак соглашался ее признавать.

С легким стуком приоткрылась дверь — зашла Дашана
Цандалес, толкая перед собой столик с чаем и закусками.
Финнераку ее появление напомнило о неотложном деле. Он
спросил ее: «Те, кого я вызвал — явились?»

«Здесь», — разливая чай, коротко обронила Дашана. Она
недолюбливала Финнерака и считала, что подчиняется только
Этцвейну.

Финнерак, пренебрегавший несущественными деталями
личных симпатий и антипатий, приказал не допускаящим воз-
ражений тоном: «Проведите их в архив, в мою контору. Мы
там будем через пять минут».

Дашана скрылась возмущенным вихрем. Этцвейн смотрел
ей вслед, печально улыбаясь — с Финнераком трудно было
иметь дело. Убеждать его в необходимости проявлять внима-
ние к подчиненным? С таким же успехом можно было угова-
ривать шкаф. Этцвейн спросил: «Кого вы просили явиться?»

«Нештатных агентов, перечисленных в реестре. Осталь-
ных вы уже видели».

Этцвейн почти забыл об Ауне Шаррахе. Нынешняя должность бывшего главного дискриминатора надежно отстраняла его от рычагов власти.

Они отправились в архивную контору. Здесь их ожидали четырнадцать человек — следопыты и шпионы из неофициального списка Шарраха. Этцвейн переходил от одного к другому, пытаясь точно вспомнить черты лица, показавшегося в окне дилижанса — длинный горбатый нос, квадратный подбородок, жесткий прищур близко посаженных глаз.

Перед ним стоял именно такой человек. Этцвейн обратился к нему: «Скажите, как вас зовут?»

«Иэн Карли».

Этцвейн отпустил других агентов: «Благодарю, вы свободны». Повернувшись к Карли, он сказал: «Прошу вас, пройдите в мой кабинет».

Карли и Финнерак последовали за Этцвейном. Финнерак плотно закрыл за собой раздвижную дверь. Этцвейн жестом пригласил Карли сесть на диван. Тот молча повиновался.

Этцвейн спросил: «Вам приходилось раньше бывать в этом кабинете?»

Карли смотрел Этцвейну в глаза не меньше пяти секунд. «Приходилось», — ответил он.

Этцвейн продолжал: «Я хотел бы кое-что узнать о заданиях, выполнявшихся вами в последнее время. Аноме лично уполномочил меня задавать любые вопросы персоналу. Если потребуется, я могу предъявить соответствующий указ, скрепленный печатью Человека Без Лица. Мы не сомневаемся, что вы добросовестно исполняли полученные указания, не более того».

Иэн Карли безразлично пожал плечами — он не возражал.

«Недавно вам поручили встретить гондолу «Арамаанд» на Гарвийской станции воздушной дороги, опознать одного из пассажиров — точнее говоря, меня — и проследить, куда этот пассажир направится. Не так ли?»

Карли размышлял только пару секунд: «Верно».

«Кто дал эти указания?»

Карли спокойно ответил: «Аун Шаррах, занимавший должность главного дискриминатора».

«Упомянул ли Шаррах о причинах или целях такого поручения?»

«Нет. Он почти никогда не объяснял свои приказы».

«Как, в точности, было сформулировано поручение?»

«Мне было приказано проследить за поименованным пассажиром и узнать, с кем он встретится. В том случае, если пассажир встретился бы с высоким человеком неопределенного возраста с пышной, но аккуратно причесанной копной снежно-белых волос, я должен был прекратить слежку за Гастелем Этцвейном и продолжать наблюдение за человеком с белоснежной шевелюрой. Естественно, мне было поручено собирать любую существенную дополнительную информацию».

«Что вы сообщили Шарраху?»

«Я сообщил, что поименованный пассажир, по-видимому изначально опасавшийся слежки, быстро сообразил, что я «провожаю» его в дилижансе, и попытался вступить со мной в непосредственный контакт. Так как правила предписывают избегать любых контактов с подследственными, я поспешно скрылся. У меня не было сменщиков, в связи с чем наблюдение пришлось прекратить».

«Каковы были дальнейшие указания Ауна Шарраха?»

«Он приказал мне занять хорошо замаскированный наблюдательный пост у Сершанского дворца и немедленно предупредить его о появлении высокого беловолосого человека, игнорируя всех остальных».

Этцвейн, сидевший на диване, посмотрел на Финнерака — тот стоял, заложив руки за спину, и сверлил взглядом лицо Иэна Карли. Этцвейн не понимал Финнерака. Агент предоставил информацию, намерения Ауна Шарраха выяснились. Что видел Финнерак? Чего не замечал Этцвейн?

Этцвейн спросил: «Какой отчет вы представили, выполнив второе поручение?»

«Я больше не представлял отчетов. Когда я пришел сообщить результаты наблюдения, Аун Шаррах уже не был главным дискриминатором».

Этцвейн нахмурился: «Результаты? Будьте добры, изложите в точности результаты второй слежки».

«Точными их назвать нельзя. Я видел, как из Сершанского дворца вышел седоволосый мужчина среднего роста, и предположил, что он и есть интересующее главного дискриминатора лицо. Я последовал за ним в гостиницу «Фонтеней», где узнал, что это музыкант Фролитц. Очевидно, главный дискриминатор имел в виду другого человека. Возвращаясь по проспекту Галиаса, я прошел мимо вас. Вы стояли в тени у фонтана на Мармионской площади в компании присутствующего здесь господина. Когда я поднялся к Среднему ярусу Ушкаделя и свернул на дорогу к Сершанскому дворцу, мне встретился высокий беловолосый человек, быстро шагнувший в восточном направлении. Немного задержавшись, я последовал за ним. Беловолосый человек спустился по каскаду Коронахе, позвонил дилижансу и приказал отвезти его в «Гебрактийские термы» — это роскошный пригородный отель в Шранке, у горячих источников. Поздно вечером трудно найти свободный дилижанс. Я прибыл в «Гебрактийские термы» со всей возможной быстротой, но человека с белой шевелюрой там не оказалось — он там не останавливался и номера не заказывал».

«С тех пор, встречались ли вы с беловолосым человеком или с Ауном Шаррахом?»

«Не встречался — ни с тем, ни с другим».

«Каким-то образом, — думал Этцвейн, — Аун Шаррах получил описание внешности Ифнесса Иллинета и весьма им заинтересовался. Ифнесс вернулся на Землю. Беловолосый человек, повстречавшийся шпиону — всего лишь один из эстетов, населяющих дворцы Среднего яруса».

Вслух Этцвейн поинтересовался: «Как был одет высокий человек с белой шевелюрой?»

«Серый плащ, мягкая серая шляпа».

Ифнесс предпочитал именно такой наряд. Этцвейн спросил: «Он похож на эстета?»

«Не очень. Судя по походке, приезжий».

Этцвейн старался припомнить какие-нибудь отличительные черты, позволявшие однозначно опознать Ифнесса: «Вы запомнили его лицо?»

«Не разглядел, было темно».

«Если вы увидите его снова, немедленно сообщите мне».

«Как вам угодно», — Иэн Карли удалился.

Финнерак язвительно заметил: «Хорош Аун Шаррах, заведующий закупкой и доставкой материалов! Утопить его сегодня же в Суалле, и дело с концом!»

Крупнейшими недостатками Финнерака, по мнению Этцвейна, были нетерпимость и преувеличенная реакция в отношении любого, малейшего противодействия, затруднявшие совместную работу и заставлявшие тратить время на призывы к сдержанности. «Аун Шаррах сделал только то, что вы и я сделали бы на его месте, — сухо ответил Этцвейн. — Сбор информации — его профессия».

«Даже так? А кто предупредил Ширге Хиллена в лагере № 3?»

«Его соучастие не доказано».

«Ха! Мальчишкой я работал на отцовской ягодной плантации. Находя сорняк, я вырывал его с корнем, а не ждал, чтобы посмотреть, не превратится ли он чудом в куст смородины».

«Но сперва вы убеждались в том, что нашли именно сорняк», — упорствовал Этцвейн.

Финнерак пожал плечами и вышел из кабинета. Тут же зашла Дашана Цандалес, с содроганием глядя вслед удаляющейся темной фигуре: «Я его боюсь. Почему он всегда ходит в черном?»

«Черный цвет — цвет неукротимого мщения и неизбежности судьбы — создан по специальному заказу Финнерака», — Этцвейн взял девушку за руку, усадил к себе на колени. Та посидела секунду, надменно выпрямившись, и вскочила: «Вы ужасный развратник! Что сказала бы моя матушка, если бы увидела, чем мы тут занимаемся?»

«Меня больше интересует, что скажет дочь».

«Дочь скажет, что вам привезли из Дебрей громадную клетку с какими-то жуткими чудищами. Чудища с нетерпением ожидают вас на заднем дворе у рампы, где разгружают подводы».

Суперинтендант станционной бригады разъезда Консейль сдержал свое слово — привез детенышей-рогушкоев в Гарвий. Он сказал: «Прошел месяц с тех пор, как вы проезжали через Дебри. Насколько я понимаю, тогда вас очаровали мои маленькие выкормыши. Как они вам понравятся теперь?»

С тех пор детеныши выросли на полметра. Рогушкой стояли, сверкая глазами, за прутьями клетки из железного дерева. «Надо сказать, они никогда не были райскими созданиями, — кротко заметил суперинтендант, — а в последнее время все больше напоминают помесь чумпы с вурдалаком. Познакомьтесь: слева — Мьюзель, справа — Эркстер».

Два существа, не мигая, уставились на Этцвейна с очевидной враждебностью. «Не просовывайте руку между прутьями, — радостно предупредил суперинтендант. — Им и кусаться не нужно, просто открутят и оторвут. Они злее ахульфа, посаженного на раскаленную решетку, только у них это настроение никогда не меняется, независимо от уровня комфорта. Сначала я пытался обращаться с ними хорошо, приручить. Подбрасывал лакомые кусочки, перевел в чистый просторный загон, чирикал, сюсюкал, присвистывал, строил смешные рожи. Разговаривал с ними. Поощрял смирное поведение кружкой пива. Бесполезно. Каждый готов разорвать зубами и когтями все, что движется, при первой возможности. Хорошо, думаю, я вас выведу на чистую воду! Посадил их в разные клетки. Счастливчика Эркстера продолжал уговаривать и улаживать. А беднягу Мьюзеля наказывал нещадно. Только замахнется — а я его палкой по голове. Только щелкнет зубами — получит тычка в живот. Сколько я его бил-колотил! И все за дело, прошу заметить. Тем временем Эркстер питался отборными отбросами и спал в тени на мягкой подстилке. Ну, думаю, теперь у одного из вас, голубчики, дикости поубавится. Любого зверя, самого тупого, можно вразумить методом кнута и пряника! Результат эксперимента? Ноль. Какими были, такими остались».

«Гм! — Этцвейн отступил на шаг — рогушкой подскочили ближе к прутьям. — Они что-нибудь говорят, как-нибудь общаются между собой?»

«Нет. Ничего не соображают. Не слушают и не слушаются, пальцем не шевельнут — ни добровольно, ни под страхом смерти. Любую сухую корку, брошенную в клетку, жрут мгновенно. А нажать на рычаг и получить за это свежее мясо не могут. Скорее с голоду сдохнут. Что глаза таращите? — суперинтендант с треском провел палкой по прутьям клетки. — Идиоты! Что у вас в голове? Съедобно — съесть! Несъедобно — не существует!» Суперинтендант повернулся к Этцвейну: «А разницу между мужчиной и женщиной уже знают, ахульфовы дети! Стоит женщине пройти мимо, вся клетка ходуном ходит! Им от роду-то не больше года. Бесстыдство какое-то!»

Этцвейн спросил: «Как они опознают женщину? Например, если бы мимо прошел мужчина в женской одежде или женщина, переодетая мужчиной — что тогда?»

Суперинтендант покачал головой, не понимая, зачем Этцвейн мудрствует лукаво: «Не знаю. Я в таких вещах не разбираюсь».

«Полезно было бы узнать. Мы этим займемся», — сказал Этцвейн.

По всему Шанту появились плакаты — темно-синие буквы в багровой рамке, на белом фоне:

«Формируется особое вооруженное
подразделение для борьбы с рогушкоями:
БРАВАЯ ВОЛЬНИЦА!

Бойцы Бравой Вольницы не носят ошейников!

Если ты не трус,
если хочешь избавиться от ошейника,
если ты готов встать на защиту Шанта:
вступай в ряды Бравой Вольницы!

Элитное подразделение только для избранных!
Желающих просят лично явиться
в Дискриминатуру Гарвия».

Глава 10

С горных высот Хвана сошли рогушкой — впервые, ко всеобщему изумлению, упорядоченным строем, согласованно маневрируя, явно подчиняясь приказам некоего центрального командования. Кто командовал меднокожими бестиями? Еще загадка: откуда у рогушкоев массивные ятаганы из сплава, содержащего дюжину редчайших металлов? Ответов не было. Как бы то ни было, рогушкой неумоимо двигались на север тяжелым размашистым бегом — четыре роты по двести бойцов в каждой. Когда они появились в красных каньонах Феррия, чугуновары в панике бросились вверх по крутым осыпям, но рогушкой игнорировали отстойники с драгоценными культурами бактерий. Рассредоточившись четырьмя широкими цепями, они подступили к границе Кансума. Ополчение Кансума, одно из лучших в Шанте, ожидало их, вооруженное копьями со взрывными наконечниками из декокса. Рогушкой приближались со зловещей осторожностью, с ятаганами наготове. На открытой местности защитникам Кансума приходилось отступать — на небольшом расстоянии вращающийся ятаган, брошенный рогушкоем, начисто отсекал голову, руку или ногу. Ополченцы заняли приготовленные укрытия в близлежащем поселке, Брандвейде.

Для того, чтобы заманить рогушкоев на улицы поселка, ополченцы вывели на окраину толпу испуганных женщин. Рогушкой, не обращая внимания на гортанные вопли своих атаманов, возбудились и бросились в нападение. Дикари ворвались в поселок, где, среди сложенных из камня хижин, метать ятаганы было бессмысленно. Копья протыкали ороговевшие темно-красные шкуры, декокс взрывался. В считанные

минуты на узких улицах валялись не меньше пятидесяти изуродованных трупов рогушкоев.

Атаманам удалось восстановить дисциплину — рогушкой отступили, построились в колонны и направились к Ваксону, столице кантона Кансум. По пути разрозненные отряды ополчения устраивали засады, но выпускаемые стрелы не производили заметного эффекта. Рогушкой трусцой пересекали обширное дынное поле на подступах к Ваксону, когда им пришлось внезапно остановиться — перед ними стеной выросло самое впечатляющее войско из всех, сформированных к тому времени в Шанте: целый полк защитников города, усиленный четырьмястами кавалеристами Бравой Вольницы, верхом на быстроходцах. На бойцах Бравой Вольницы были униформы, вдохновленные музейными облачениями дворцовой гвардии Пандамонов: светло-голубые рейтузы с отороченными тесьмой пурпурными лампасами, темно-синие кители с пурпурными аксельбантами, блестящие шлемы из цементированного стекловолокна. У кавалеристов были копья с наконечниками, начиненными декоксом, связки метательных гранат, тяжелые короткие мечи из муравленого дерева с коваными лезвиями из железных кружев. Пехота, вооруженная секирами и гранатами, защищалась прямоугольными щитами из кожи и дерева. Пехоте приказали надвигаться на рогушкоев, сомкнув щиты и защищая себя и кавалерию от ятаганов. На расстоянии пятидесяти шагов они должны были метнуть гранаты, а затем перестроиться в колонны, разделенные проходами для атакующей Бравой Вольницы.

Рогушкой растянулись цепью по краю дынного поля, уставившись круглыми черными глазами на щиты ополчения. Четыре атамана рогушкоев стояли отдельно, чуть позади. От обычных воинов их отличали черные кожаные шейные повязки и нагрудники из кольчуги. Они казались старше рядовых рогушкоев, их кожа была темнее и не блестела, под подбородками набухли большие морщинистые складки кожи. Сперва атаманы смотрели на приближающихся ополченцев в некотором замешательстве, потом издали несколько резких, хриплых воплей. Четыре роты рогушкоев двинулись вперед безучастной деловитой трусцой. По рядам ополченцев пробежал

ропот, щиты всколыхнулись. Гарцевавшие за ними добровольцы прикрикнули на пехоту — щиты снова сомкнулись. На расстоянии ста метров рогушкой одновременно остановились и чуть пригнулись, выставив вперед левое плечо и отведя ятаган за спину вытянутой вниз правой рукой: их мышцы вздулись и напряглись. Цепь рогушкеев в такой позе создавала устрашающее зрелище. Передние ряды ополченцев растерялись. Несколько человек преждевременно бросили гранаты, взорвавшиеся с большим недолетом.

Офицеры кансумского ополчения, чопорно следовавшие за пехотой в некотором отдалении, вскинули стеклянные горны и протрубили атаку. Волнующаяся линия щитов шаг за шагом двигалась вперед. Рогушкой тоже стали приближаться — поодиночке, редкими прыжками, подолгу задерживаясь в прежней метательной позе. Щиты левого крыла дрогнули, оставив Бравую Вольницу без прикрытия. На какую-то долю секунды добровольцы опешили, но сразу прищипорили быстроходцев. Кавалерия вырвалась в промежуток между противниками — ее встретил сверкающий град ятаганов, мгновенно превратившийся в кровавое месиво и всадников, и быстроходцев. Но руки гибнущих добровольцев успели бросить гранаты: ряды рогушкеев исчезли в пыли и пламени.

Не разомкнувшие щиты центр и правый фланг не решались, однако, наступать. Опять протрубили горны. Потерявшие присутствие духа ополченцы рассредоточились слишком рано, снова обнажив кавалерию. Засвистели ятаганы. Поредевшее правое крыло Бравой Вольницы пустилось в атаку — копья ударили в меднокожие груди. Взрывы, облака дыма и орошенной кровью земли, удушающая вонь, схватка! Палицы крушили черепа, ревели растянутые дьявольскими гримасами рожи каннибалов, гранаты описывали дуги над полем, взметая фонтаны пыли с кружащимися в них оторванными руками и ногами. Ужасный шум вздымался волнами — яростная перекличка горнов, гортанные крики и рев рогушкеев, дикое мычание раненых быстроходцев, отчаянные стоны умирающих... Пыль опустилась. Погибли все добровольцы из Бравой Вольницы и половина рогушкеев. Остатки ополчения бежали под прикрытия стен Ваксона. Медленно подойдя к городу,

рогушкой внезапно повернули в направлении феррийских предгорий и скрылись.

Финнерак гневно доложил Этцвейну об исходе битвы: «Лучшие из лучших, цвет Шанта — лежат, захлебнувшись черной кровью рогушкоев, непогребенные! Они могли отступить, но отказались отступать. Свободные люди презирают смерть. Свобода! Они ее заслужили — ради чего?»

Страстная скорбь Финнерака поразила Этцвейна. «Они доказали, что среди нас есть герои, не уступающие древним, — сказал он. — Я сделаю так, чтобы об этом узнал весь Шант».

Финнерак, казалось, ничего не слышал. Он метался из угла в угол, сжимая и разжимая кулаки: «Ополчение опозорилось. Предатели! Моя бы воля, все они кончили бы свои никчемные дни среди таких же пиявок, как они, срезая ивняк по пояс в болотной жиже!»

Этцвейн не отвечал, предпочитая не навлекать возмущение Финнерака на себя. Он твердо решил, что никогда не предоставит Финнерaku возможность судить кого бы то ни было.

«Мы не можем драться с двужильными бесами врукопашную, — сетовал Финнерак. — Почему молчат технисты? Где их хваленое оружие?»

«Садитесь. Не поддавайтесь отчаянию, — сказал Этцвейн. — Я расскажу, как идут дела у технистов. Они столкнулись с препятствиями. Преодоление препятствий требует времени. Мгновенно расширяющийся материал вылетает с огромной скоростью — отдача пропорционально велика. Для того, чтобы это вещество можно было использовать в переносных орудиях, заряд должен быть микроскопическим, а груз, поглощающий отдачу, достаточно тяжелым. Расширяясь, заряд предельно охлаждается — до температуры межзвездной пустоты. Если бы это не происходило, вещество взрывалось бы в стволе. Поэтому перед летящим микроснарядом образуется раскаленная волна — даже не воздуха, а чистого пламени. Эта волна приумножает разрушительные последствия удара. Я присутствовал при испытании неподвижно закрепленного орудия. В радиусе до полутора километров снаряды безуслов-

но, катастрофически убийственны. На большем расстоянии они не действуют — вещество просто испаряется, сопротивление воздуха слишком велико.

Мне показывали первые переносные орудия. Необходимость применения амортизирующих грузов делает их громоздкими, неудобными, опасными. Возможно, удастся производить более компактные устройства, но плачевные результаты экспериментов не внушают уверенности. Крупные, мощные орудия изготовлять несложно, но их должны удерживать массивные опоры — большие деревья, валуны, врытые сваи — а для поражения движущихся целей требуется маневренность. Тем не менее, достигнуты значительные успехи.

Кроме того, мы делаем взрывные стеклянные стрелы усовершенствованной конструкции. В наконечнике стрелы содержится электрет, разряжающийся при попадании. Электрический разряд приводит к детонации декокса, выводящей из строя или даже убивающей рогушkoa. Технисты говорят, однако, что массовое производство таких стрел затруднено необходимостью точного контроля размеров и свойств составных частей.

Изготавливаются также реактивные гранатометы — простые, очень дешевые орудия, выпускающие небольшие ракеты со взрывными головками. По существу, такое орудие — труба из цементированного стекловолокна. В трубу вкладывается реактивный снаряд. Гасителем отдачи служит каменный цилиндр или детонирующий при запуске заряд декокса. Оружие эффективно только на небольшом расстоянии, точность попадания оставляет желать лучшего. В целом есть основания для оптимизма».

Финнерак сидел, не шелохнувшись. Он сильно изменился. Теперь он так же не походил на загорелого оборванца из лагеря № 3, как каторжник, вышедший из тюрьмы строгого режима, не походил на прежнего Джерда Финнерака с Ангвинской развязки. Он окреп и расправился, держался прямо, двигался решительно и властно. Волосы его больше не напоминали выжженную солнцами плетеную подстилку. Он стриг золотисто-бронзовые кудри так коротко, что они скорее подчеркивали, нежели сглаживали форму черепа. Черты лица выступали

с бескомпромиссной резкостью. Безумное сияние глаз сменилось матовым голубым блеском. Финнерак никогда не проявлял дружеской теплоты, у него не было чувства юмора, он не умел прощать и в любом обществе вел себя вызывающе прямолинейно. Он одевался только в черное. Наряд этот в глазах любого уроженца Шанта символизировал страх смерти и немолость судьбы. Неудивительно, что служащие — втихомолку, за спиной — величали его «Черным Ветровым» и «Финнераком-Вурдалаком».

Финнерак работал безудержно. Он увольнял, понижал в должности и назначал персонал Дискриминатуры с грубым пренебрежением к правилам, традициям, должностному положению и выслуге лет, вызывая в подчиненных скорее изумление и ужас, нежели возмущение. Новое Разведывательное управление стало его детищем, его вотчиной. В каждом городе Шанта он учредил местное отделение, связанное по радио с Гарвием. Бравую Вольницу Финнерак принимал еще ближе к сердцу, полностью исключив любые посторонние влияния. Он даже перекроил свой черный костюм на манер униформы добровольцев, хотя голубые рейтузы и темно-синий китель носить, разумеется, и не подумал.

Объявление о наборе добровольцев в Бравую Вольницу немедленно вызвало возбужденные толки и брожение умов по всему Шанту. В Гарвий спешили сотни мужчин всех возрастов и профессий. Финнерак не успевал снимать ошейники — опасная процедура требовала напряженного внимания и времени. Поэтому он явился с земными инструментами Иффесса к технику Донеису, а тот собрал группу электронщиков. Специалисты осторожно разобрали устройства, изучая незнакомые детали и поражаясь фантастической точности их подгонки и неисчерпаемой емкости энергоэлементов. Они установили, что одно из устройств, по-видимому, регистрировало перемещение электронов и генерировало магнитные импульсы, «вычитавшие» или «гасившие» обнаруженный ток.

Многочисленные эксперименты позволили техникам имитировать функцию механизма Иффесса, хотя их произведение — довольно тяжеловесный аппарат — внешне ничем не напоминало изящный ручной инструмент земного произ-

водства. Пять таких машин установили в подвале Палаты правосудия. Сменявшие одна другую бригады аппаратчиков круглосуточно удаляли ошейники с добровольцев, зачисленных в Бравую Вольницу. Финнерак лично проверял всех желающих снять ошейник. Забракованные кандидаты нередко яростно протестовали, на что Финнерак отвечал всем одинаково: «Принесите мне голову и ятаган рогушкой — и вас допустят к службе в Бравой Вольнице». Примерно раз в неделю то один, то другой из отвергнутых добровольцев вламывался в кабинет Финнерака и с презрением кидал к его ногам почерневшую от крови лысую голову и блестящий ятаган. Финнерак без лишних слов сбрасывал пинком голову и ятаган в устроенный с этой целью желоб подвального накопителя — и подписывал документ, освобождавший головореза от ошейника. Никто не знал, сколько неудачников погибло, пытаясь добыть скальп рогушкой.

Лихорадочная деятельность Финнерака порой заставляла Этцвейна чувствовать себя наблюдателем, а не участником эпохальных событий. Он сознавал, что сложившаяся ситуация могла подорвать его авторитет. Тем не менее, пока делалось все необходимое, у него не было повода вмешиваться. Когда Этцвейн задавал вопросы, Финнерак отвечал кратко, но по существу. Очевидно, любопытство «исполнительного директора» его не радовало, но и не раздражало — факт, сам по себе настораживавший Этцвейна: считал ли Финнерак, что Этцвейн стал лишним колесом в механизме управления?

Октагон Миаламбер организовал «юридические комитеты воздаяния и возмездия» во многих кантонах Шанта. Этцвейн получал отчеты о его реформах из разведывательных источников.

Об успехах Дайстара можно было судить только по слухам. Время от времени то из одного, то из другого города или селения приходили вести: там выступал Дайстар — с гипнотической, величественной импровизацией, окрылявшей всех, кто ее слышал — чтобы на следующий день исчезнуть, как окрик памяти, почудившийся издалека.

Финнерак пропал. Его уже привычная черная фигура не появлялась ни в номерах «Башен язычников», ни в Палате правосудия, ни в походных лагерях добровольцев. Директор Разведывательного управления и создатель Бравой Вольницы как под землю провалился.

Прошло три дня, и он появился. На вопросы Этцвейна о причинах его отсутствия Финнерак сначала пытался вообще не отвечать, проявляя нехарактерную для него уклончивость, но в конце концов заявил, что «решил отдохнуть, проехаться за город и подышать свежим воздухом».

Этцвейн не настаивал, но объяснение Финнерака его не удовлетворило. Неужели в жизни «черного ветрового» появилась женщина? Этцвейн отвергал такую возможность. Кроме того, от внимания Этцвейна не укрылась немаловажная деталь. Финнерак вернулся к работе с прежней энергией, но теперь в его манере руководства чувствовалась едва уловимая нерешительность — как будто он нечто узнал, и новая информация вызывала в нем беспокойство или недоумение.

Как узнать, чем занимается Финнерак, не спрашивая Финнерака? Обратиться в Разведывательное управление? Непростительная глупость. Создать независимое тайное ведомство исключительно с целью слежки за Финнераком? Смехотворно!

На следующий день после возвращения Финнерака из загадочного отпуска Этцвейн посетил мастерские технистов на островах в дельте Джардина. Донеис провел его мимо длинного ряда столов, уставленных оборудованием — здесь изготавливали новые переносные орудия. «Мы не смогли делать снаряды из чистого халькоида 4-1, — говорил Донеис. — Они расширяются почти мгновенно, вызывая недопустимую отдачу. Мы испробовали три тысячи вариантов. Теперь применяется смешанный состав, расширяющийся в десять раз медленнее халькоида 4-1. Соответственно, гаситель отдачи можно заряжать всего лишь десятикилограммовым грузом. Кроме того, «халькоид-пракс» тверже, то есть дольше выдерживает атмосферное трение. Новый снаряд все равно невелик — не больше иглы... Здесь монтируют в прикладах пусковой механизм и проводку... Здесь закрепляют эластичные ленты, пре-

дотвращающие выброс амортизирующего груза... Электрет вставляется в затвор... В казенной части размещается цилиндр амортизатора... Механизм проверяется... Здесь, на стрельбище, устанавливаются прицелы. Коррекция траектории по дальности не требуется — снаряд летит по прямой, пока не испаряется. Дальнобойность — больше полутора километров. Хотите попробовать?»

Этцвейн поднял оружие, опустил на плечо увесистую трубу. Желтая точка в оптическом прицеле, прямо по центру, указывала место попадания.

«Вставьте обойму в это гнездо, опустите рычажок предохранительного зажима. Когда вы нажмете на спуск, цилиндр амортизатора слегка ударит по электрету, тот разрядится, игла вылетит. Приготовьтесь к сильной отдаче — масса снаряда ничтожна, но ускорение чудовишно».

Глядя в линзу прицела, Этцвейн навел желтую точку на стеклянную мишень и нажал желтую пусковую кнопку. Тяжелый, грубый толчок заставил его отбежать на пару шагов. Над полигоном сверкнула белая огненная линия, на долю секунды соединившая дуло с разлетевшейся вдребезги мишенью.

Этцвейн осторожно положил трубу на козлы: «Сколько таких орудий вы можете изготовить?»

«Сегодня будет выпущено только двадцать штук, хотя можно было бы собирать и по шестьдесят в сутки. Гасители отдачи — главная причина задержек. Камень недостаточно прочен. Мы просили срочно реквизировать весь металл, какой найдется в Шанте. Но с поставками не торопятся. Заведующий закупкой материалов сообщает, что металл у него есть, но его не на чем перевозить. Заведующий перевозками утверждает обратное. Не знаю, кому верить. В любом случае металла не хватает».

«Я с этим разберусь, — пообещал Этцвейн. — Вы получите металл в ближайшее время. Тем временем хотел бы предложить вашему вниманию задачу иного рода — пару примерно годовалых детенышей-рогушкочков, уже злобных и опасных, уже чутко реагирующих на присутствие женщин. По-моему, полезно было бы узнать, каким образом и в каких обстоятельствах они стимулируются. Другими словами, как рогушкой

опознают женщин — визуально, обонятельно, телепатически? Что их возбуждает?»

«Прекрасно вас понимаю — проблема первостепенной важности. Биологи займутся этим тотчас же».

Этцвейн посоветовался с эстетом Бризе, заведующим перевозками, затем с Ауном Шаррахом. Донейс правильно описал происходящее: не отрицая перебоев с доставкой металла в Гарвий, оба руководителя обвиняли друг друга в некомпетентности. Этцвейн подробно изучил причины задержек и заключил, что они объяснялись главным образом неправильной очередностью распределения транспортных средств. Аун Шаррах реквизирует все имеющиеся суда, чтобы обеспечить пищевыми продуктами перенаселенные беженцами приморские кантоны.

«Благосостоянием населения пренебрегать нельзя, — сказал Этцвейн Шарраху, — но прежде всего необходимо уничтожить рогушкоев. Иначе все продукты, местные и привозные, скоро будут потреблять одни рогушкои. Следовательно, доставка металла технистам — превыше всего».

«Я немедленно изменю расписание», — сухо ответил Аун Шаррах. Его любезная непринужденность исчезла, в манерах появилась тревожная резкость: «Я делаю все, что могу — но мне не хватает опыта. Учтите, что я занимаюсь не своим делом».

«Мы все занимаемся не своим делом. Я музыкант, Миаламбер — юрист, Финнерак — каторжник, а Бризе — эстет без определенных занятий. Приходится полагаться на врожденное разнообразие способностей».

«Допустим, — кивнул Аун Шаррах. — Слышал, что вы перевернули вверх дном старую Дискриминатуру».

«Там все изменилось. Шант меняется — надеюсь, к лучшему».

Рогушкои заволокли центральный северный и северо-восточный Шант, беспрепятственно бродили почти по всему Кансуму и по большей части Марестия, часто появляясь в Пурпурных каньонах и разоряя кантон Преданий. Они пыта-

лись переплыть широкую реку Мауре, чтобы подобраться к Зеленым Утесам, но каждый раз местные ополченцы, выплывая на рыбацких лодках, забрасывали рогушкое гранатами, начиненными декоксом. В воде рогушкои были беспомощны — людей окрыляла возможность учинить жестокую расправу над вездесущим и непобедимым противником.

Успех, однако, был иллюзорным. Рогушкое не волновали ни собственные потери, ни ликование ополченцев. После третьей неудачной попытки переправиться вплавь рогушкои промаршировали сорок пять километров вверх по долине Мауре до Опаловой отмели, где глубина реки составляла не больше метра, и стали переходить ее вброд плотной, бесконечно тянущейся колонной. Ясно было, что они намеревались взять штурмом Зеленые Утесы и Одинокий Мыс, сокрушив сопротивление в Гальванде и Глиррисе, и таким образом зажать выжившее население в тиски между наступающим с юго-запада полчищем и рогушкочами, уже обосновавшимися в Азуме. Тем временем были бы уничтожены миллионы мужчин, миллионы женщин оказались бы в плену. Весь северный Шант превратился бы в пепелище, населенное голодными, пожирающими все живое толпами безостановочно размножающихся меднокожих тварей — катастрофа немыслимых масштабов!

Этцвейн совещался с Финнераком, Бризе и Сан-Сейном — выборным военачальником Бравой Вольницы. Примерно две тысячи добровольцев уже получили халькоидные орудия. Эту тяжеловооруженную армию Финнерак планировал направить через Перелог в соболские предгорья Хвана, чтобы удерживать Шемюс и Бастерн и устраивать засады рогушкочам, спускающимся из Дебрей. Северо-восточным Шантом, заявлял Финнерак, приходилось пожертвовать. Он не видел никакой пользы в отчаянных полумерах, обреченных на провал. Впервые Этцвейн не согласился с Финнераком по важному вопросу. Для Этцвейна прекратить сопротивление на северо-востоке означало предать миллионы доверившихся ему людей. Этцвейн объяснил, почему такая идея неприемлема. Финнерак настаивал: «Война безжалостна — да, миллионы погибнут. Но если мы хотим победить, мы должны смотреть

смерти в лицо и мыслить стратегически, в масштабах, соизмеримых с размерами катастрофы. Рогушкоев не остановишь истерическими комариными укусами».

«В принципе это верно, — сказал Этцвейн. — С другой стороны, нельзя руководствоваться только принципами и забывать о практических соображениях. Бризе, какие суда стоят в заливе Ракушечных Цветов?»

«Их немного — пакетбот, курсирующий к острову Каме-нотесов, несколько купеческих парусников, рыбацкие траулеры. По большей части они заякорены в гавани у Приморской крепости».

Этцвейн разложил на столе карты: «Рогушкой совершают бросок на север по долине Мауре. Ополчение задержит их гранатами и пехотными минами. Если ночью мы высадим добровольцев здесь, у деревни Тран, они смогут занять высоты вдоль гряды холмов на подступах к Маурмунду. Колонна рогушкоев окажется под обстрелом между холмами и рекой».

Сан-Сейн внимательно изучил карту: «Не вижу ничего невозможного».

Финнерак крикнул и повернулся в кресле, демонстративно глядя в окно.

Этцвейн обратился к Сан-Сейну: «Соберите добровольцев и спешите к Приморской крепости. Бризе приготовит суда — сразу снимайтесь с якоря и отправляйтесь на восток».

«Сделаем все возможное — но времени в обрез. Мы не опоздаем?»

«Ополчение должно продержаться три дня — любыми способами, во что бы то ни стало. Если ветер не подведет, через три дня вы пристанете к берегу у Трана».

Сорок два судна — баркасы, рыбацкие одномачтовики и траулеры, на каждом по тридцать бойцов Бравой Вольницы — отправились поддержать ополчения северо-восточного Шанта. Сан-Сейн лично командовал операцией. Три дня дул свежий попутный ветер. Вечером третьего дня, однако, наступил штиль. Сан-Сейн был не на шутку раздосадован — он рассчитывал войти в гавань до наступления темноты. На рассвете флот Бравой Вольницы все еще дрейфовал в километре

от берега — о любых преимуществах засады и неожиданного нападения можно было забыть.

Проклиная тишину и спокойствие моря, Сан-Сейн рассматривал берег в подзорную трубу — и оцепенел. Увеличительный прибор позволил различить зловещее шевеление, незаметное невооруженным глазом. Таверны и склады, выстроившиеся вдоль пристани Трана, кишели рогушками. Ополчение не выдержало натиска. Рогушки пробились к морю и устроили свою собственную засаду.

Утренний бриз покрыл воды пляшущей рябью. Сан-Сейн созвал суда поближе и отдал новые распоряжения.

Ветер крепчал. Флотилия вошла в гавань Трана — но вместо того, чтобы причаливать к набережной или бросать якорь, суда направились к пологому галечному пляжу поодаль от пристани. Быстро выбравшись на берег, добровольцы растянулись цепью и стали медленно приближаться к прибрежным постройкам, откуда, уже не скрываясь, выглядывали дьявольские рожи рогушкоев.

Рогушки высыпали наружу, как муравьи из разворошенного муравейника, и хлынули на обширный пляж. Их встретили тысячи узких, ослепительных, шипящих лучей: полчище рогушкоев было уничтожено мгновенно.

Воспользовавшись местным передатчиком Разведывательного управления, Сан-Сейн доложил об исходе операции Этцвейну и Финнераку: «Мы не потеряли ни одного человека и уложили на месте шестьсот тварей. Остальные рогушки — примерно столько же — отступили в разные стороны, к Маурмунду и вверх по долине реки. Нет никаких сомнений: с халькоидными орудиями можно отстреливать этих бестий, как хромых ахульфов. Но это не все. Мы победили потому, что нам повезло. Если бы мы пристали к набережной ночью, как было задумано, некому было бы докладывать о катастрофе. Рогушки знали о нашем приближении к Трану — их кто-то предупредил. Кто?»

Этцвейн спросил: «Кому был известен план операции?»

«Только тем, кто ее планировал — четверым».

Этцвейн сидел, глубоко задумавшись. Финнерак хмурился, разглядывая носки сапог.

«Я с этим разберусь! — пообещал Этцвейн. — Тем временем остается только радоваться — мы спасли Северо-Восток. Преследуйте тварей, добивайте их без пощады — но берегите себя, сторонитесь узких оврагов и других мест, удобных для засады. Наконец есть надежда на освобождение!»

Финнерак крикнул: «Гастель Этцвейн, неизлечимый оптимист! Вы видите не дальше своего носа. Рогушкоев подослали, чтобы уничтожить Шант. Неужели вы думаете, что их хозяева и создатели, а именно паласедрийцы, уступят так легко? Грядущее сулит неисчислимы беды».

«Увидим, — отозвался Этцвейн. — Могу сказать только одно: меня еще никто никогда не обзывал оптимистом».

Рассказав Бризе о вылазке добровольцев, Этцвейн попросил эстета назвать возможный источник утечки информации. Тот был ошеломлен и оскорблен до глубины души: «Вы меня спрашиваете, не сообщал ли я кому-нибудь о предстоящей высадке? Вы меня за дурака принимаете? Конечно, нет — абсолютно и безоговорочно — нет!»

«Всего лишь формальность, — извинился Этцвейн. — Но для того, чтобы полностью прояснить ситуацию, задам еще один вопрос: не существовало ли каких-нибудь неизвестных мне договоренностей между вами и ведомством закупки и доставки материалов?»

Бризе не спешил с ответом, тщательно выбирая слова: «Ни в одном из разговоров я не обмолвился о высадке».

Этцвейн чутко воспринимал малейшие оттенки интонаций: «Понятно. Что именно вы обсуждали с Шаррахом?»

«Повседневные дела. Заведующий хотел, чтобы я отправил суда в Освий — по случайности именно в тот день, когда планировалась засада. Я отказал ему, в шутку предложив доставить что-нибудь не из Освия, а из Маурмунда, — Бризе прокашлялся. — Возможно, в каком-то смысле мой намек можно назвать утечкой информации — если бы я не говорил непосредственно с заведующим закупкой материалов».

«Совершенно верно, — кивнул Этцвейн. — Пожалуйста, впредь не позволяйте себе легкомысленных намеков».

На следующий день Финнерак подошел к Этцвейну: «Как насчет Бризе?»

Этцвейн заранее подготовил ответ. Уклоняться или притворяться было не в его характере и только повредило бы делу.

«Бризе заверяет, что не разглашал тайну. Тем не менее, он в шутку предложил Ауну Шарраху доставить грузы на судах, уже стоящих на причале в Маурмунде».

Финнерак громко хмыкнул: «Вот как! Теперь все ясно!»

«К сожалению, сомнений почти не остается. Нужно подумывать, что делать дальше».

Финнерак удивленно поднял светлые брови: «О чем тут думать? Что вас останавливает?»

«Серьезные препятствия. Допуская, что Аун Шаррах, подобно Саджарано, сочувствует рогушкоям, мы должны спросить себя: почему? Саджарано и Аун Шаррах родились и выросли в Шанте. Что отличает их от остальных? Стремление к власти? Алчность? В случае Саджарано это невозможно — он располагал абсолютной властью и всеми богатствами страны. Может быть, паласедрийцы приучили его к неизвестному в Шанте наркотику, а потом шантажировали, предоставляя зелье в обмен на услуги? Может быть, им известен какой-то метод телепатического гипноза? Необходимо докопаться до истины прежде, чем нас с вами тоже подвергнут влиянию таинственных чар. В конце концов мы такие же люди, как Шаррах и бывший Аноме».

Рот Финнерака скривился в раздраженной усмешке: «Сходные подозрения часто приходят мне в голову, особенно когда вы необъяснимым образом потворствуете нашим врагам».

«Я никому не потворствую, будьте уверены, — заявил Этцвейн. — Но в данном случае нельзя действовать напролом».

«А кто будет нести ответственность? — возмутился Финнерак. — По вине Ауна Шарраха могли погибнуть двенадцать сотен добровольцев! Он не будет наказан только потому, что вас одолевает любопытство?»

«Его вина не доказана. Убить Шарраха в припадке ярости или на основании одних подозрений значит потерять последнюю возможность выяснить его побуждения!»

«А о добровольцах кто позаботится? — бушевал Финнерак. — Они должны рисковать жизнью, пока в правительстве сидит паласедрийский шпион? Я за них отвечаю. Я обязан их защитить».

«Финнерак, вы отвечаете не перед Бравой Вольницей, а перед главным руководителем Шанта — то есть передо мной! Не судите опрометчиво, не позволяйте эмоциям затмевать рассудок! Объяснимся начистоту. Если вы считаете, что не можете терпеливо способствовать выполнению долгосрочных планов, вам лучше отстраниться от руководства и посвятить себя другому делу». Не отступая под огнем пылающих голубых глаз Финнерака, Этцвейн продолжал: «Я могу ошибаться. В том, что касается Ауна Шарраха, согласен — скорее всего, он виновен. Совершенно необходимо, однако, выяснить, какими мотивами он руководствуется».

Финнерак сказал: «Истина не дороже одной человеческой жизни».

«Откуда вы знаете? — быстро отозвался Этцвейн. — Побуждения Шарраха неизвестны. Как вы можете оценить, сколько человеческих жизней будет спасено, если тайное станет явным?»

«Пустые рассуждения! У меня нет времени, — отмахнулся Финнерак. — Очередь желающих вступить в Бравую Вольницу и сбросить ошейник растет с каждым днем».

Этцвейн ждал этих слов — такой шанс упускать нельзя было: «Согласен, вы перегружены работой. Я назначу кого-нибудь директором Разведывательного управления и подберу вам помощника. Вдвоем будет легче управляться с Вольницей».

Финнерак оскалил зубы: «Я не нуждаюсь в помощи! И разведка, и добровольцы — мои ведомства!»

Этцвейн игнорировал протесты: «Тем временем я буду внимательно наблюдать за Шаррахом — ему не удастся нанести нам ни малейшего вреда».

Финнерак ушел. Этцвейн сидел и думал. Последние события можно было только приветствовать. Миаламбер и Дайстар, каждый по-своему, сумели сплотить кантоны Шанта и создать какое-то подобие единой нации. Теперь упрямство и страстность Финнерака, некогда полезные, превратились в насущную проблему — Финнерака невозможно было контролировать, на него нельзя было даже повлиять...

Из груди Этцвейна невольно вырвался короткий сардонический смешок. Когда, одинокий и испуганный, он с тоской искал преданного, надежного помощника, его внутреннему взору представилось широкое дружелюбное лицо парня с соломенными волосами, стоявшего на платформе Ангвинской развязки. Финнерак, освобожденный Этцвейном в лагере № 3, совершенно не соответствовал целям Этцвейна — неуживчивый, непримиримый, неумолимый, неподатливый, беспардонный, своевольный, мстительный, предубежденный, скрытный, мнительный, утрюмый, разочарованный, пессимистичный, неспособный не только к преданности, но и к простому сотрудничеству... даже, возможно, недостойный доверия. Нельзя было отрицать, что Финнерак блестяще организовал Разведывательное управление и Бравую Вольницу — но все это теперь не имело значения.

Изначальные страхи Этцвейна рассеялись. Его собственная судьба уже не имела значения — сопротивление рогушкам нарастало само собой, как снежный ком, как горный обвал. Новый Шант стал необратимой реальностью. Через двадцать лет, каковы бы ни были последствия освобождения, ошейники можно будет увидеть только в музеях, а характер и вся структура власти Аноме полностью изменятся. Кто станет новым Аноме? Октагон Миаламбер? Дайстар? Сан-Сейн?

Этцвейн встал, подошел к окну, взглянул вниз на площадь Корпорации. Сумерки обволакивали город. Нужно было решить, что делать с Ауном Шаррахом — сегодня же.

Этцвейн вышел из кабинета, спустился по лестнице и вышел из Палаты правосудия. Гарвийцы уже знали о знаменитой победе под Маурмундом — пока Этцвейн переходил площадь, до его ушей доносились обрывки возбужденных разговоров. Но мрачное предсказание Финнерака отравляло его

внутреннее ликование — что, если Финнерак прав? Что, если худшее еще впереди?

Этцвейн поднялся к номерам в отеле «Розеале гриндиана», где намеревался принять ванну, пообедать, просмотреть отчеты кантональных разведывательных служб, а потом немного поволочиться — может быть — за Дашаной Цандалес. Он открыл дверь. В гостиной было сумрачно, почти темно. Странно! Кто погасил свет? Этцвейн прикоснулся к панели, возбуждавшей свечение шаров. Свет не зажегся. У Этцвейна кружилась голова. Ничем не пахло, но во рту ощущался непривычный едкий привкус. Шатаясь, Этцвейн добрался до дивана, чтобы прилечь, но сразу испуганно встал и направился к двери. Ноги отказывались слушаться, в глазах чернело. Этцвейн старался найти дверь наощупь, уже дотянулся до засова... Кто-то взял его за руку и повел, поддерживая сзади за плечи, в глубину гостиной.

«Что-то не так, что-то неправильно», — думал Этцвейн. Он чувствовал одновременно тяжесть и пустоту, слабость и напряжение, не мог собраться с мыслями, будто разбуженный дурным сном. Приподнявшись на кушетке, Этцвейн едва не упал от головокружения. Судя по всему, он действительно заснул в неудобной позе, не раздевшись, и видел дурной сон — темноту, немоту, вцепившиеся руки, тихие голоса...

Поднявшись на ноги, Этцвейн подошел к широкому окну — взглянуть на панораму садов «Гриндианы». Как всегда, он проснулся рано утром. Направившись в ванную, он с недоумением обнаружил в зеркале осунувшуюся физиономию, покрытую темной колючей щетиной. Зрачки расширились и потемнели. Этцвейн выкупался, побрился, оделся, спустился в сад и там позавтракал. Почему-то он страшно проголодался и никак не мог напиться... Странно. Потребовав утреннюю газету, Этцвейн взглянул на дату — шристендь? Вчера был заэльдень, значит, сегодня эттадень... Что-то не так.

Медленно перейдя площадь, Этцвейн поднялся по лестнице Палаты правосудия. Взмолнованная Дашана выбежала навстречу и удивленно заглянула ему в лицо: «Где вы были? Вас везде ищут, все сбились с ног, не знают, что делать!»

«Срочные дела, — сказал Этцвейн. — Я был в отъезде».

«Три дня? Могли бы меня предупредить», — обиделась Дашана.

«Финнерак тоже отсутствовал три дня, — вспомнил Этцвейн. — Странно!»

Глава 11

В Гарвии царила новая атмосфера — надежды и ликования, смешанных с меланхолией прощания. Кончалась тысячетлетняя эпоха мирного благоденствия. Дети больше не носили ошейников. Ожидалось, что по окончании войны ошейники снимут со всех законопослушных граждан. Как будут соблюдаться законы? Сохранится ли дисциплина? Кто будет поддерживать порядок и спокойствие, когда Аноме потеряет единственное средство принуждения? Вопросы эти придавали радостному возбуждению толпы оттенок неуверенности. Неопределенность ситуации нередко заставляла Этцвейна погружаться в долгие, тягостные думы. Он боялся, что новый Аноме, кто бы он ни был, унаследует от него бремя разнообразных и многочисленных проблем.

Дайстар прибыл в Гарвий и явился к Этцвейну: «Я исполнил ваше поручение настолько, насколько позволяют мои способности. Мое дело сделано. Объединение Шанта возможно — Шант не хочет умирать».

Этцвейн почувствовал всю искусственность мучивших его сомнений. Конечно же, Аноме Шанта должен быть человеком с широкими представлениями, с самым богатым воображением.

«Дайстар, — объявил Этцвейн, — ваша задача выполнена. Отныне вас ждет другой подвиг — только вам он по плечу!»

«Сомневаюсь, — ответил Дайстар. — Какой такой подвиг?»

«Вы — новый Аноме Шанта».

«Что?... Чепуха! Я — Дайстар».

Явное пренебрежение друидийна оскорбило Этцвейна в лучших чувствах. Он церемонно произнес: «Все мои помыс-

лы — только о будущем Шанта. Кто-то должен занять место Аноме. Я считаю, что сделал лучший возможный выбор».

Дайстар отвечал полунасмешливо, но уже мягче, выбирая выражения: «У меня нет ни желания, ни возможности вмешиваться в чужие дела. Кто я такой, чтобы судить волократов или облагать налогами свечные заводы? Облекать меня властью опасно — я тут же займусь дикими разорительными проектами, стану строить башни выше облаков, закажу увеселительные баржи длиной два километра, чтобы престарелые музыканты могли в царской роскоши любоваться пейзажами Бельджамарского архипелага, снаряжу экспедиции в Караз на поиски Затерянного Царства. Нет, Гастель Этцвейн! Воображение заставляет вас забыть о практических нуждах — с музыкантами это случается сплошь и рядом. Назначьте на пост Аноме мудреца Миаламбера — а лучше всего не назначайте никого. Какой смысл в единоличном правлении, если никому нельзя оторвать голову?»

«Пусть так, — сказал Этцвейн, все еще обиженно. — Тем не менее — возвращаясь к практическим нуждам, забытым по вине моего буйного воображения — кто и как будет править страной? Кто будет приказывать и наказывать?»

Дайстар потерял интерес к разговору: «Этим пусть занимаются специалисты — те, кому не лень разбираться в тяжбах и дрызгах... А мне пора на покой. Поеду в Шкорий, займусь ремонтом усадьбы. Играть я больше не могу, с музыкой покончено».

Этцвейн изумленно наклонился вперед: «Не может быть! Вы шутите! Что заставляет вас прекратить выступления?»

Дайстар улыбнулся, пожал плечами: «Я избавился от ошейника. Я познал опьянение свободы — и ее неизбывную печаль».

«Гмм... да. Прошу вас, Дайстар, не уезжайте в Шкорий, чтобы торчать в одиночестве на веранде и предаваться мыслям о смерти и человеческом ничтожестве. Там вы только сопьетесь. Что может быть глупее и бесполезнее? Лучше найдите Фролитца и поиграйте в труппе. Общество неисправимых музыкантов скоро исцелит мировую скорбь, уверяю вас!»

«Вы правы, — сказал Дайстар. — Так и сделаю. Благодарю за совет».

Сыновнее признание готово было сорваться с языка Этцвейна. Секунды длились вечно. Он пробормотал: «Хотел бы я уйти вместе с вами!» Когда-нибудь, после веселого ужина в далекой таверне, когда вино польется рекой и развяжутся языки, Фордайс, Мильке, Кьюн — или даже старый болтун Фролитц — поведают Дайстари всю правду о Гастеле Этцвейне.

Дайстар ушел своей дорогой. Отвлеченный праздными умственными упражнениями, Этцвейн пытался представить себе гипотетическое правительство, способное служить Шанту не хуже мудрого и решительного Аноме. Мало-помалу теоретическое построение заинтересовало его. Он совершенствовал и уравнивал сложную эфемерную модель, пока в голове не возникло нечто законченное, целесообразное, и в то же время более или менее осуществимое.

Этцвейн предусмотрел два взаимодействующих правительственных органа. В первый, Совет Патрициев, входили бы заведующий перевозками, заведующий развитием торговли и экономики, директор управления связи, главный законодатель, главный судья, начальник вооруженных сил, гарвийский эстет, музыкант, ученый, историк, двое выдающихся деятелей или знаменитостей и два человека, назначенные вторым советом. Будучи однажды сформирован, Совет Патрициев продолжал бы функционировать автономно, выбирая и исключая патрициев большинством в две трети голосов, но не меняя первоначально установленный состав собрания. Один из членов Совета Патрициев назначался бы большинством в две трети голосов на должность Верховного Хранителя Шанта — на три года или до преждевременного смещения таким же большинством.

Второй орган, Совет Кантонов, состоял бы из представителей всех шестидесяти двух кантонов и дополнительных делегатов крупнейших городов: Гарвия, Брассей, Масчейна, Освия, Ильвия и Порт-Верна.

Совет Кантонов мог предлагать законы и экстренные меры на рассмотрение Совета Патрициев; кроме того, Совет Кантонов мог исключить любого члена Совета Патрициев большинством в две трети голосов. Отдельная Коллегия Справедливости гарантировала бы равноправие всех граждан Шанта перед законом. Главный законодатель и главный судья, заседающие в Совете Патрициев, выбирались бы, соответственно, юридической и судейской коллегиями.

Этцвейн созвал на совещание Миаламбера, Донеиса, Сан-Сейна, Бризе и Финнерака, чтобы предложить свою модель правительства. Все согласились с тем, что проект заслуживал по меньшей мере кратковременного опробования. Серьезные возражения выдвинул только Финнерак: «Вы упускаете из вида то обстоятельство, что магнаты Шанта, построившие благосостояние на страданиях и унижениях крепостных, все еще безнаказанно попирают всякое представление о справедливости. Разве принцип возмещения ущерба не должен быть заложен в основу новой общественной системы?»

«Определением размеров справедливого возмещения, в каждом индивидуальном случае, могут заниматься суды. Такова одна из важнейших функций системы правосудия», — сухо отозвался Этцвейн.

Финнерак не унимался: «Кроме того, с какой стати один человек вынужден гнуть спину, чтобы заработать кусок хлеба, а другой сибаритствует, перебирая в воздухе холеными пальцами под звуки музыки и набивая утробу обедом из сорока пяти блюд? Предметы роскоши и услуги следует разделить поровну — в стране всеобщего равноправия закон должен гарантировать всеобщее благосостояние».

На это требование откликнулся Миаламбер: «Сострадание неимущим делает вам честь. По этому поводу можно заметить только одно — попытки радикального перераспределения собственности неоднократно предпринимались в прошлом и неизменно приводили к хаосу и жестокой тирании того или иного рода. Таков урок истории, и мы не вправе им пренебрегать».

Финнерак замолчал и впредь отказывался высказывать какие-либо мнения.

Семь рот Бравой Вольницы, усиленные отрядами воодушевленного успеха ополчения, наступали на рогушкоев четырьмя широкими фронтами. Рогушкой, теперь легко уязвимые, приспособливались к новым условиям, передвигаясь преимущественно по ночам, скрываясь в лесах и пустынных каньонах, устраивая неожиданные, часто отчаянно рискованные набеги в поисках женщин. Неохотно, с тяжелыми потерями, рогушкой отступили от берегов, возвращаясь в Дебри через Марестий и кантон Преданий.

Главный техник Донеис явился к Этцвейну с отчетом: «Мы тщательно изучили детенышей рогушкоев. При ближайшем рассмотрении они оказались весьма необычными существами, физиологически чуждыми природе Земли и Дердейна. Трудно понять, почему внешне они вообще напоминают людей. Тем не менее, для размножения им требуются женщины, то есть они не могут существовать, не паразитируя на человеке. Интересно было бы знать, где и в каких обстоятельствах могли развиваться столь специализированные паразиты?»

«В Паласедре — предположительно».

«Вероятно. Паласедрийцы давно пытались вывести породу послушных солдат. Моряки из Караза рассказывают, что похожих тварей видели в глубине северного континента. Каким образом они рассредоточились по всей планете? Еще одна загадка».

«Вам удалось выяснить, как рогушкой распознают женщин?»

«Очень просто. Их привлекает одно из характерных женских испарений. При появлении в воздухе малейших следов этого выделения рогушкой безошибочно и прямолинейно направляется к источнику запаха, как ахульф к гниющей падали. Инстинкт удовлетворения похоти настолько силен, что рогушкоев не останавливают никакие препятствия».

Бравая Вольница насчитывала уже пять с половиной тысяч бойцов. Финнерак замкнулся в себе пуще прежнего, со-

средоточенный исключительно на сиюминутных задачах. Не находящая выхода ненависть бушевала в нем, как пламя в тесной печи. Тревожные предчувствия Этцвейна соответственно обострились. Для того, чтобы ограничить власть Финнерака, Этцвейн разделил сферу руководства вооруженными силами на пять секторов. «Черный Ветровой» стал главным стратегом, Сан-Сейн — фельдмаршалом. Учреждены были также посты заведующего снабжением армии, заведующего вербовкой и подготовкой рекрутов и суперинтенданта арсенала.

Финнерак обжаловал новое распределение полномочий с холодной яростью: «Вы только тем и занимаетесь, что суете палки в колеса! Вместо одного Аноме решили завести сотню интриганов-политиков, вместо одного ответственного и эффективного командира назначаете комитет из пяти человек. Разумно ли это? Целесообразно ли это? Ваша деятельность опасна, ваши побуждения подозрительны!»

«Мои побуждения предельно ясны, — отвечал Этцвейн. — Один Аноме больше не может контролировать Шант, для этого требуется сотня людей. Война с рогушкоями, армии Шанта, их стратегия, тактика и цели — тоже слишком сложны, чтобы их можно было поручить одному человеку».

Финнерак снял черную шляпу и швырнул ее в угол: «Вы меня недооцениваете».

«Ни в коем случае, уверяю вас!»

Несколько секунд двое смотрели друг другу в глаза с откровенной неприязнью. Этцвейн сказал: «Присядьте на минуту, я хотел кое-что у вас спросить».

Финнерак опустил на диван, откинулся на спинку и сложил вытянутые ноги в черных сапогах на драгоценном ковре из Буражеска: «Что вас интересует?»

«Несколько недель тому назад вы исчезли на три дня. Вернувшись, вы не смогли дать вразумительного объяснения своему отсутствию. Что случилось?»

Финнерак недовольно крикнул: «Пустяки».

«Напротив, это может иметь большое значение, — возразил Этцвейн. — Недавно, когда я вечером поднялся к себе в номера, меня усыпили каким-то газом — насколько я пони-

маю. Я очнулся через три дня и не помню ничего, что происходило все это время. Может быть, нечто подобное сделали и с вами?»

«Что-то в этом роде», — неохотно кивнул Финнерак. Казалось, он говорил через силу.

«Замечаете ли вы какие-нибудь последствия? Чувствуете ли вы себя так же, как раньше, до трехдневной спячки?»

Опять Финнерак медлил с ответом: «Конечно, нет никаких последствий. Разве вы чувствуете что-нибудь необычное?»

«Нет. Абсолютно ничего».

Финнерак удалился. Этцвейн так и не сумел понять, что происходило в голове «главного стратега». У Финнерака не было очевидных слабостей, он не стремился к комфорту или богатству, не пил, не интересовался женщинами, его не привлекали маленькие радости жизни. Этцвейн не мог сказать того же о себе — хотя, сознавая опасность распушенности, старался вести себя скромно и придерживаться более или менее строгих нравов. По своей инициативе или отвечая на его приглашения — они не обсуждали этот вопрос — Дашана Цандалес стала его любовницей. Удобное положение вещей устраивало Этцвейна. В свое время, после его возвращения на музыкальное поприще, ситуация, конечно, могла измениться.

Однажды утром Сан-Сейн, командовавший фронтовыми операциями, вошел в кабинет Этцвейна со свертком карт. «Представилась многообещающая возможность, — заявил он. — Рогушкой разбиты. Оставшиеся в живых быстро отступают к Хванским Дебрям. Одна большая орда движется через Аскалон и Шемюс, другая вытеснена из Феррия в Бастерн, а третья, не останавливаясь, промаршировала через Кансум, углубилась в Южный Марестий и направляется к Бундорану. Вы видите, куда все они стягиваются?»

«Если рогушкой собираются вернуться в Дебри, скорее всего, они поднимутся по долине Сумрачной реки».

«Совершенно верно. У меня появился план — я обсуждал его с Финнераком, и он его одобрил. Допустим, продолжая подгонять рогушкоев периодическими вылазками с тыла и

флангов, чтобы им не пришло в голову остановиться или куда-нибудь повернуть, мы устроим западню в теснине ущелья Сумрачной реки».

«Так-то оно так, — почесал в затылке Этцвейн, — но каким образом вы переправите добровольцев в ущелье?»

«Смотрите: вот линия воздушной дороги, вот роза ветров. Если мы погрузим добровольцев на сорок гондол в Освии и отцепим их от кареток, в свободном полете они достигнут ущелья Сумрачной реки примерно за шесть часов. Ветровым достаточно высадить отряды в районе ущелья, после чего порожние гондолы отнесет на юг, к ветке Большого Поперечного хребта».

Этцвейн думал: «Заманчивая идея. Но погода в Бастерне капризна. Я родился в Башоне и помню, что ветер дует по долине Сумрачной реки то вверх, то вниз, независимо от сезона и времени суток. Вы уже говорили с метеорологами?»

«Еще нет. Я руководствовался только розой ветров на карте».

«Слишком рискованное предприятие. Что, если ветер вообще стихнет? Так бывает. Сорок гондол с тяжело вооруженными бойцами застрянут в глубине Дебрей. Лучше уж планеры, а не гондолы», — Этцвейн внезапно вспомнил о строительстве планеров в кантоне Верн. Он еще немного подумал, наклонился над картой: «Теснина Сумрачной реки — самый очевидный маршрут. Предположим, рогушкой заранее узнают о засаде. Тогда они повернут в Башоне на запад и минуют Козан прежде, чем снова подниматься на юг, в Дебри. А мы без всякого труда можем высадить добровольцев в Козане — ветка воздушной дороги проходит всего лишь в тридцати километрах к западу. Здесь, на Козанском обрыве, мы и приготовим засаду!»

«Как предупредить рогушкоев о засаде у Сумрачной реки, чтобы они повернули к Козану?»

«Предоставьте это мне. Попробую сделать так, чтобы ложная информация ненавязчиво просочилась. Если все получится, рогушкой будут истреблены. Если нет, наши отряды по меньшей мере могут не опасаться предательской атаки. Вас я убедительно прошу никому — никому вообще! — не

говорить об отмене операции в теснине Сумрачной реки. Новый план должен быть известен только вам и мне. Соберите добровольцев в Освии, посадите их в гондолы — но вместо того, чтобы отцеплять гондолы от кареток, проследуйте по воздушной дороге на юг. Высадитесь в Шемюсе, сделайте марш-бросок на запад и устройте засаду на Козанском обрыве».

Сан-Сейн кивнул и ушел. Механизм контршпионажа пришел в движение. Снова, как и в прошлый раз, источником утечки информации должен был стать эстет Бризе, часто совещавшийся с Ауном Шаррахом.

Этцвейн подошел к телефону и вызвал радиста Разведывательного управления: «Свяжитесь с Пельмонтом в кантоне Верн. Потребуйте, чтобы главный управляющий явился в местное отделение радиосвязи и сообщите мне о его прибытии».

Через час в кабинете Этцвейна раздался голос главного управляющего Верна. Этцвейн спросил: «Вы помните Гастеля Этцвейна, помощника Аноме, проезжавшего через Верн несколько месяцев тому назад?»

«Конечно, помню».

«Тогда я порекомендовал вам строить планеры. Какие успехи достигнуты в этом направлении?»

«Мы выполнили поручение и соорудили планеры, подражая лучшим образцам. По окончании сборки первой дюжины аппаратов процесс несколько замедлился, так как мы не получали никаких дальнейших указаний».

«Продолжайте сборку как можно быстрее. Я пошлю в Пельмонт бригаду техников. Они оснастят аппараты оружием и механизмами для сбрасывания бомб».

«А пилотов вы не пришлете?»

«В Гарвии нет пилотов».

«Значит, их нужно обучить. Наберите отряд сообразительных молодых людей, пусть приезжают в Пельмонт. Их обучат, после чего они смогут доставить планеры туда, где требуется бомбардировка».

«Так и сделаем. Рогушки отступают благодаря таким, как вы. За несколько месяцев мы многого добились».

Глава 12

Бризе говорил Этцвейну: «Согласно вашим инструкциям я ненароком сообщил Ауну Шарраху о засаде в ущелье Сумрачной реки. Должен заметить, что поручения такого рода мне не по душе».

«Поверьте, я тоже не выношу закулисные интриги. В данном случае, однако, брезгливость неуместна — под угрозой тысячи добровольцев, если не исход всей войны. Остается только ждать дальнейших событий».

Этцвейн получал отчеты каждый час. Плотная колонна рогушкоев, сформированная четырьмя объединившимися бандами, отступившими из разных кантонов — все, что осталось от захватчиков, терроризировавших и опустошавших северо-восточный Шант — маршировала на юг вверх по долине Сумрачной реки в сопровождении неизвестного числа захваченных женщин. Добровольцы, верхом на быстроходцах, не давали рогушкоем передышки, совершая вылазки с тыла и с флангов. При этом в результате контрманевров противника Бравая Вольница несла заметные потери — там, где прошла колонна, земля была усеяна трупами рогушкоев, но среди них попадались и человеческие тела.

Орда приблизилась к Башону, где храм хилитов, обезлюдивший и забытый, уже начинал потихоньку разваливаться.

Когда голова колонны показалась на Аллее Рододендронов, рогушкои остановились. Шестеро атаманов, выделявшиеся нагрудниками из кольчуги, посовещались, вглядываясь в ущелье Сумрачной реки, ведущее к туманным склонам далекого Хвана. Решение не заставило себя ждать — характерным шагом вприпрыжку на полусогнутых ногах колонна ро-

рогушкоев двинулась на запад по аллее, под тенистыми кронами огромных рододендронов. Получив сообщение из Башона, Этцвейн вспомнил мальчишку по имени Мур, одиноко рисовавшего узоры в теплой белой пыли под деревьями. В конце Аллеи Рододендронов, когда перед ними открылись просторы западного Бастерна и Шемюса, атаманы снова задержались. По всей колонне, цепочкой, был передан новый приказ. Две дюжины бойцов, замыкавшие шествие, разошлись и спрятались в кустах по обеим сторонам дороги. Их ятаганы, по существу, лишали кавалерию возможности преследовать колонну рогушкоев по пятам — теперь добровольцам приходилось отступить и обогнуть аллею с севера или с юга.

Сойдя с главной дороги, рогушкой отправились наискосок к югу, в предгорья Хвана. Над ними возвышался Козанский обрыв — далеко выступающее пологое плечо горного кряжа, обрывающееся утесами светло-серого известняка, испещренными древними кельями и туннелями.

Рогушкой приближались к основанию утесов. С запада появилась рота Бравой Вольницы, а с востока подоспела кавалерия, ранее обстреливавшая колонну с тыла. Перейдя на бег трусцой, рогушкой спешили к Хвану, растянувшись всей колонной под Козанским обрывом. Из пещер и трещин утесов снопами брызнули яркие нити халькоидных снарядов. С востока открыла огонь кавалерия. С запада обрушился другой ослепительный шквал.

Большие плакаты — лиловый, зеленый и голубой текст на белом фоне — объявляли о создании нового правительства Шанта:

«Бравая Вольница освободила страну. Население радостно празднует единение Шанта. Аноме милостиво уступает власть открытому для всех и ответственному перед всеми правительству, состоящему из Пурпурной палаты патрициев и Зеленой палаты кантонов. Новое правительство уже издало три манифеста.

Ошейников больше не будет!
Система выплаты крепостных задолженно-
стей
радикально изменяется!
Религиозным режимам запрещается
совершать уголовные преступления!

В состав первой Пурпурной палаты вошли
следующие лица...»

В объявлении перечислялись имена патрициев и порученные им функции. Гастель Этцвейн назначался главным исполнителем директором, Джерд Финнерак — его первым помощником, Сан-Сейн — командующим вооруженными силами.

Ведомство Ауна Шарраха занимало верхний этаж древнего здания из синего и белого стекла за площадью Корпорации, почти под склонами Ушкаделя. Просторный кабинет заведующего закупкой и доставкой материалов был подчеркнут лишен какой-либо мебели, кроме стола и одного стула. Высокая северная стена состояла исключительно из прозрачных стеклянных панелей. Стол находился в центре помещения. Аун Шаррах сидел лицом к прозрачной стене, открывавшей панораму всего Гарвия под необъятным небом. Когда Этцвейн и Финнерак вошли в кабинет, Шаррах вежливо кивнул и поднялся на ноги. Молчание длилось секунд пять — каждый из троих многозначительно стоял в характерной позе, как актер на огромной сцене пустого светлого помещения.

Этцвейн выступил с формальным обвинением: «Аун Шаррах, мы вынуждены заключить, что вы намеренно действовали вопреки интересам Шанта».

Аун Шаррах улыбнулся так, будто Этцвейн сделал ему комплимент: «Трудно угодить всем и каждому».

Финнерак медленно шагнул вперед, но передумал — отступил и ничего не сказал.

Этцвейн, слегка озадаченный невозмутимым дружелюбием Шарраха, продолжал: «Факт вашего преступления установлен. Тем не менее, остаются загадочными ваши мотивы. Чего вы хотели добиться, какие цели вы преследовали, поддерживая рогушкоев?»

Аун Шаррах все еще улыбался — по мнению Этцвейна, странной улыбкой: «Вы можете доказать мою вину?»

«Безусловно. За вами вели тщательное наблюдение в течение нескольких месяцев. Вы поручили Ширге Хиллену убить меня в лагере № 3. Вы приказали шпионам следить за моими передвижениями. В качестве заведующего закупкой и доставкой материалов вы в нескольких случаях существенно подорвали подготовку к военным действиям, сосредоточив трудовые и материальные ресурсы на выполнении второстепенных задач. Под деревней Тран, в кантоне Зеленые Утесы, подстроенная вами засада не привела к уничтожению Бравой Вольницы только по счастливой случайности. Битва под Козанским обрывом дала окончательное подтверждение вашей вины. Вас проинформировали о том, что добровольцы займут позиции в ущелье Сумрачной реки, после чего рогушкой изменили маршрут отступления — и были истреблены. Нет сомнения в том, что вы предали Шант. Неясными остаются только ваши побуждения».

Снова наступило молчание — трое неподвижно стояли посреди огромного пустого помещения.

«Пожалуйста, не спешите, — мягко сказал Аун Шаррах. — Вы обрушили на меня такой град нелепых домыслов, что у меня кружится голова и дрожат колени». Этцвейн и Финнерак продолжали стоять. Аун Шаррах присел к столу, взял перо и бумагу: «Будьте добры, повторите ваши обвинения».

Этцвейн выполнил его просьбу. Шаррах составил список: «Пять утверждений, совершенно безосновательных и бессмысленных. К сожалению, на протяжении человеческой истории очень многие поплатились жизнью за легкомыслие и чрезмерное усердие своих судей».

Этцвейн начинал чувствовать себя глупо: «Значит, вы отрицаете свою вину?»

Аун Шаррах снова улыбнулся странной улыбкой: «Правильнее было бы спросить: можете ли вы доказать какое-либо из ваших обвинений?»

«Можем», — сказал Финнерак.

«Очень хорошо, — спокойно кивнул Аун Шаррах. — Рассмотрим каждое из утверждений по отдельности. Но прежде всего предлагаю позвать юриста Миаламбера — ему хорошо известны критерии оценки достоверности показаний — а также заведующего перевозками Бризе».

«Не возражаю, — сказал Этцвейн. — Пойдемте ко мне в управление, в Палату правосудия».

Вернувшись в кабинет, где он работал много лет, Аун Шаррах жестом пригласил присутствующих сесть, будто приветствовал подчиненных, явившихся на собеседование, и обратился к Миаламберу: «Не прошло и получаса с тех пор, как ко мне пришли Гастель Этцвейн и Джерд Финнерак. Они предъявили мне пять обвинений, настолько абсурдных, что я усомнился в их способности здраво рассуждать».

Шаррах развернул список: «Первое обвинение — в том, что я известил Ширге Хиллена о предстоящей инспекции исправительного лагеря Гастелем Этцвейном — не более чем голословное подозрение, точнее говоря, злостная клевета, потому что Этцвейн даже не пытался найти альтернативное объяснение происшедшему. Я рекомендовал ему расследовать деятельность воздушнотранспортного управления. Он пренебрег моим советом. Я самостоятельно навел справки, воспользовавшись старыми знакомствами — уже через двадцать минут мне удалось узнать, что некий Парвей Харт в самом деле направил несдержанное и весьма двусмысленное сообщение, позволявшее Ширге Хиллену свободно истолковать полученное от начальства предупреждение, в том числе рассматривать его в качестве приказа ликвидировать Гастеля Этцвейна по прибытии в лагерь. Я могу представить три неопровержимых доказательства: допросив Парвея Харта, допросив его подчиненного, передавшего сообщение из радиостанции воздушной дороги, и предъявив копию сообщения, хранящуюся в архиве воздушнотранспортного управления.

Пункт второй: меня обвиняют в том, что я приказал шпионам следить за Гастелем Этцвейном. Обвинение основано на показаниях агента, выполнявшего поручение второстепенной важности. Я не отрицаю, что давал такое поручение. Тем не менее, будучи главным дискриминатором, я собирал информацию обо всех людях, представлявших интерес. Я заявляю, что выполнение профессиональных обязанностей нельзя считать преступлением.

Пункт третий: занимая должность заведующего закупкой и доставкой материалов, я несколько раз сорвал подготовку военных операций. Сотни раз мои действия способствовали успеху военных действий. Несколько раз я потерпел неудачу. Я жаловался Гастелю Этцвейну на то, что у меня нет достаточных способностей и опыта для выполнения навязанных мне непривычных функций. Он упрямо игнорировал мои доводы. Если мои действия нанесли ущерб вооруженным силам, в этом повинен исключительно Гастель Этцвейн. Я сделал все, что мог.

Пункты четвертый и пятый: утверждается, что я подстроил засаду рогушкоев в Тране и предупредил рогушкоев о засаде добровольцев в ущелье Сумрачной реки — во втором случае не подозревая, что получил заведомо ложные сведения. Несколько дней тому назад заведующий перевозками Бризе попросил меня зайти к нему в кабинет. Бризе вел себя странно. Смущаясь и краснея, он состряпал невероятную историю, явно только для того, чтобы неуклюже намекнуть на подготовку засады в ущелье Сумрачной реки. Я человек от природы подозрительный, у меня большой опыт расследования интриг. Я понял, что меня пытаются поймать на удочку, и сразу заявил об этом Бризе. Более того, я настоял на том, чтобы Бризе не оставлял меня в одиночестве ни на одну секунду, ни днем, ни ночью, до тех пор, пока не станет совершенно ясно, что я никому не передал доверенную мне тайну. Я убедил Бризе в том, что в наблюдении за мной состоял его долг перед Шантом, что, исключив меня, можно было определить, кто из руководителей страны в действительности работает на рогушкоев. Но для этого требовалось продемонстрировать мою невиновность так, чтобы не могло возникнуть никаких

сомнений. Бризе — разумный и честный человек, он согласился с моим анализом ситуации. А теперь позвольте спросить вас, Бризе: на протяжении периода времени, начавшегося с разговора в вашем кабинете и закончившегося истреблением рогушкоев под Козанским обрывом, информировал ли я кого бы то ни было о чем бы то ни было?»

«Нет, — коротко ответил Бризе. — Вы провели два дня в моем кабинете, в моем обществе и в обществе моих доверенных помощников. При этом вы ни с кем, кроме меня, не говорили, и не упоминали о засаде в присутствии посторонних».

«Когда поступили известия о Козанской битве, — продолжал Шаррах, — Бризе счел необходимым сообщить мне, что, по его мнению, подозрение пало на меня по его вине. Он рассказал о своей беседе с Гастелем Этцвейном.

Теперь стало ясно, что меня связали с засадой в Тране на основании одного вопроса и одного ответа. Я спросил: может ли Бризе отправить грузовые суда в Освий? Он ответил: нет, но если что-нибудь требуется привезти из Маурмунда, скоро представится такая возможность. Этот обмен фразами послужил первой и основной причиной обвинения в государственной измене. Гастель Этцвейн пришел к выводу, что Аун Шаррах предупредил рогушкоев о предстоящей высадке Бравой Вольницы в Тране. Далеко идущий вывод, но возможный — если бы не одно второстепенное обстоятельство, снова упущенное Гастелем Этцвейном. Координируя перевозки материалов, Бризе и я тысячи раз сталкивались с дефицитом транспортных средств. Вместо того, чтобы вести бесконечные споры, мы выработали ироническую манеру краткого обсуждения проблемы. Я спрашивал: нельзя ли срочно отвезти грузы, ожидающие отправки там-то и там-то? Бризе отвечал: нет, это невозможно, но если что-то нужно привезти из другого места, где транспорта более чем достаточно, он к моим услугам. Бризе, я правильно описываю ситуацию?»

«Правильно, — Бризе поежился, будто ему снег попал за шиворот. — Подобный обмен вопросами и ответами происходил несколько раз в день. Аун Шаррах не мог бы придать особое значение отсутствию грузовых судов в Освии и их наличию в Маурмунде, даже если бы интересовался перемещения-

ми Бравой Вольницы. Я сообщил о содержании нашего разговора Гастелю Этцвейну только потому, что он требовал дословного отчета, но не сумел объяснить ему, в каком контексте было упомянуто местоположение судов».

Аун Шаррах спросил Этцвейна: «Есть еще какие-нибудь обвинения?»

Этцвейн смущенно рассмеялся: «Нет. Совершенно ясно, что я неспособен составить разумное суждение о чем-либо и о ком-либо. Приношу глубочайшие извинения и обещаю сделать все возможное, чтобы возместить нанесенный ущерб. Мне следует серьезно подумать о выходе в отставку. Пурпурная палата — не для меня».

Октагон Миаламбер неприветливо оборвал его: «Вопрос не заслуживает обсуждения. У нас нет времени на экстравагантное самобичевание».

«Позволю себе добавить только одно, — сказал Этцвейну Аун Шаррах. — Вы упомянули о возмещении ущерба. Если вы не пошутили, разрешите мне вернуться к прежней работе. Верните мне Дискриминатуру».

«В той мере, в какой это зависит от меня, она ваша, — развел руками Этцвейн, — то есть все, что от нее осталось. Финнерак перевернул Дискриминатуру вверх дном».

Рогушкоев загнали обратно в Дебри — на какое-то время военные действия приостановились. Совещаясь с Этцвейном, Финнерак подытожил свою оценку ситуации: «Враг засел в горах, как в неприступной крепости. Мы контролируем полосу предгорий шириной тридцать километров. В глубине Хвана рогушкой беспрепятственно размножаются, перевооружаются, реорганизуются и, надо полагать, вынашивают новые планы».

Этцвейна занимали другие мысли: «Мы захватили тысячи ятаганов из неизвестного в Шанте сплава. Откуда рогушкой получают столько драгоценных металлов? Никто не видел в Хванских Дебрях никаких плавильных или кузниц. Непостижимо!»

Финнерак безразлично кивнул: «Дальнейшая стратегия очевидна. Необходимо организовать все способное носить

оружие население и постепенно оккупировать Хван. Предстоит грязная, долгая, утомительная работа. Вы видите иной выход?»

«Пока не вижу», — вздохнул Этцвейн.

«Тогда очистим горы от нечисти, вытесним остатки орды в Паласедру! Пусть паласедрийцы посмеют еще раз сунуться в Шант!»

«Вы допускаете, что во всем виноваты паласедрийцы, что еще не доказано».

«Разве это не ясно?» — Финнерак широко открыл глаза.

«Разве не ясно было, что Аун Шаррах — предатель? Я хорошо выучил свой урок».

Глава 13

Летняя передышка затянулась — наступила долгая благодатная осень, а война не возобновлялась. Шант залечивал раны, оплакивая умерших и похищенных, наращивая боевую мощь. Бравая Вольница, теперь многочисленная и пустившая корни по всей стране, разделилась на региональные корпуса, стратегически и материально поддерживаемые кантональными ополчениями. Оружие массовым потоком сходило с конвейеров сборочных цехов в Шранке; амортизирующие грузы халькоидных орудий штамповали из металла, полученного из расплавленных ятаганов.

Планеры вылетали из Верна — легкие, как мотыльки, аппараты-этажерки. Особое подразделение Бравой Вольницы теперь называлось «Эскадрилей Шанта». На первых порах пилоты тренировались в суматошном беспорядке — никто ничего толком не знал и не умел. Многие разбились; выжившие стали инструкторами и учили других. В силу необходимости летчики Эскадрильи превратились в опытную, сплоченную группу. Естественно, они гордо демонстрировали презрение к смерти, совершая дерзкие виртуозные полеты.

Технисты разработали новое страшное оружие, чтобы вооружить планеры: упрощенный вариант халькоидной пушки без груза-амортизатора. Снаряд состоял из двух частей — халькоидного заряда и металлического патрона. Заряд выстреливался вперед из ствола, открытого с обоих концов, а патрон отбрасывало назад. В сущности орудие стреляло в обоих направлениях, благодаря чему полностью устранялись отдача и необходимость амортизации. Патрон, выброшенный в воздух из орудия, установленного на планере и стрелявшего

вниз, как правило, не наносил вреда. На земле такие пушки становились недопустимо опасными.

Перед тем, как посылать летчиков расстреливать и бомбардировать рогушкоев, Финнерак заставлял их отрабатывать тактические маневры, методы точного сброса бомб и навыки безопасного обращения с халькоидными орудиями.

Планеры сразу же вызвали у Финнерака страстный интерес. Он скоро научился летать и отказался от поста «главного стратега» Бравой Вольницы, чтобы взять на себя командование Эскадрильей — чем почти не удивил Этцвейна.

К середине осени наземные войска начали подниматься по склонам Хвана, освободив Суррум и Шкорий и оттесняя рогушкоев на запад из Кансума, кантона Ведьминой горы и Лор-Асфена. Второе крыло пехоты двигалось с севера через Бастерн, Шемюс и Бундоран, постепенно углубляясь в Дебри. Другие подразделения стягивались на юге и на востоке, в кантоне Теней и Соболе, проникая в окрестности горы Миш, где рогушкои оказывали яростное сопротивление. Но для пришельцев все уже было потеряно. Обученные ахульфы выслеживали стойбища меднокожих тварей, после чего неукротимых бойцов бомбили или косили шквальным огнем из автоматических шестиствольных халькоидных «метел».

Кроме того, рогушкоев приманивали в западни ароматическим веществом, имитировавшим «женский запах» — неспособные сопротивляться инстинкту, человекоподобные паразиты шли на верную гибель, скапливаясь вокруг приманки копошащейся толпой, как безмозглые насекомые. Однажды летчики произвели эксперимент и распылили над лагерем рогушкоев раствор того же вещества. Ужасные результаты не заставили себя ждать. Приведенные в замешательство противоречивыми обонятельными и зрительными стимулами, рогушкои мгновенно передрались, сначала оглушая друг друга ударами кулаков, потом круша черепа шиповатыми палицами — в живых осталось только несколько особей. Вести о новом способе уничтожения врага сразу опубликовали в газетах. С тех пор над Дебрями часто летали планеры, вооруженные не бомбами с декоксом, а контейнерами с раствором искусственного концентрата женских феромонов.

Ахульфов, наконец, догадались послать на разведку маршрута доставки рогушкоям металлических котлов и ятаганов. Оказалось, что их несли откуда-то из просторов Большой Соленой топи по болотам кантона Шкер, затем через дремучий, труднопроходимый лес дождевых деревьев и зонтичных дарабов, вверх по склонам Стонущих гор — в дебри Хвана.

Военное командование решило отрезать рогушкоев от источника поставок, расположив цепь укрепленных постов вдоль южной границы лесистых предгорий. Финнерак настаивал на более агрессивной реакции: «У нас есть неопровержимое доказательство вины паласедрийцев. Чего мы ждем? Соленая топь — не препятствие. Сколько горя и разрушений они причинили! Пусть отведают своего лекарства!»

Командиры хмурились, сидя в креслах вокруг стола, заваленного картами, и не находя возражений против столь убежденных призывов. Финнерак, несколько присмиревший после фиаско с обвинением Ауна Шарраха, опять воодушевился в новой роли предводителя Эскадрильи. Теперь он носил униформу летчика из дорогой черной ткани, сшитую элегантно и точно по мерке. «Наконец-то он плавает, как рыба в воде», — думал Этцвейн. Пыл и энергия Финнерака удвоились: полет опьянял его свободой, ощущением власти над стихией. Его окружал особый ореол, он был сделан из другого, лучшего теста, мог смотреть сверху вниз на букашек, ползающих по дну воздушного океана и не ведающих ужасных радостей безмолвного стремительного скольжения над холмами, волшебного спирального подъема на головокружительную высоту подобно стервятнику, высматривающему добычу, пиретов, виражей, свирепого падения из облаков на колонну рогушкоев, разлетающуюся в клочки под градом халькоидного огня, крутого выхода из пике над самыми вершинами деревьев...

Этцвейн давно перестал опасаться того, что Финнерак восстановит Бравую Вольницу против нового правительства. Слишком много защитных механизмов препятствовало такому стечению обстоятельств. Оглядываясь назад, Этцвейн понимал, что, возможно, проявил даже чрезмерную осторож-

ность. Финнерак не интересовался захватом власти — казалось, его всецело поглотило упоение истреблением врага. Этцвейн понимал, что для Финнерака существование без врагов было бы невыносимо тягостным. Поэтому на призывы к нападению на Паласедру Этцвейн отвечал терпеливо и доходчиво: «Мы не желаем наказывать паласедрийцев по меньшей мере по трем причинам. Во-первых, война с рогушками не закончена. Во-вторых, вина паласедрийцев не установлена окончательно. В-третьих, затевать бесполезную драку с паласедрийцами было бы недальновидно. Летучие герцоги — яростные и суровые бойцы, воздающие вдвойне за любую обиду. Шант не раз убеждался в этом себе на горе. Что, если рогушкоев вывели случайно, в результате чудовищной ошибки? Что, если их создали озлобленные диссиденты или отколовшаяся секта фанатиков? Мы не вправе бездумно повергать Шант в межконтинентальную войну. В конце концов, что мы знаем о паласедрийцах? Ничего. Для нас они — неведомая книга на чужом, забытом языке».

«Мы знаем достаточно, — возражал Финнерак. — Они вывели несколько пород безмозглых солдат-биоавтоматов. Вспомните рассказы каразских моряков! Мы знаем, что рогушкой пришли вброд по тропе, ведущей через Большую Соленую топь из Паласедры. Таковы факты».

«Верно. Но не все факты. Нужно многое понять. Я отправлю посла в Шемауэ».

Финнерак язвительно рассмеялся и резко повернулся в кресле, глядя в окно — шлем летчика Эскадрильи съехал набекрень, задержанный густыми светло-бронзовыми кудрями.

Этцвейн продолжал: «Обнаруживать свою слабость нельзя, но проявлять излишнюю дерзость тоже непредусмотрительно. Ничто не заставляет нас делать такой выбор. Шант очищают от рогушкоев — тем временем следует точно выяснить намерения паласедрийцев. Только глупец действует, не подумав. Это я хорошо усвоил».

Прищурившись, Финнерак быстро взглянул на Этцвейна. Голубые глаза его сверкнули, как солнечный блик на острой кромке льда. Но он только пожал плечами и снова откинулся на спинку кресла — человек, согласный с самим собой.

Рогушкой отступали. Ворвавшись в Хванские Дебри из кантона Теней, Собола, Шемюса и Бастерна, Бравая Вольница столкнулась с неожиданным полным отсутствием сопротивления. Пилоты патрульных планеров и разведчики на свободно дрейфующих гондолах сообщали одно и то же: дюжина колонн рогушкоев движется на юг, главным образом ночью. Днем меднокожие твари пытались найти укрытие, переждать до наступления темноты. Планеристы обстреливали их из халькоидных «метел» и сбрасывали бомбы, начиненные декоксом. Первоначальный эффект женских феромонов ослабел — запах раствора раздражал и возбуждал рогушкоев, но самоубийственных пароксизмов больше не вызывал.

Эскадрилья достигла вершины славы. Летчиков в синих с белым униформах всюду встречали восхищение, похвалы, подбострастная лесть — перед «спасителями Шанта» открывались все двери и кошельки, таяли все сердца.

Карьера Финнерака тоже была в зените. В поджарой черной фигуре, пружинистыми шагами переходившей от планера к планеру и сухо отдававшей приказы пилотам, Этцвейн затруднялся узнать миролюбивого деревенского увальня, встреченного когда-то на Ангвинской развязке. Тот Финнерак умер — в лагере № 3... Что случилось с тощим, смуглым, хмурым найденышем, бежавшим с той же развязки? Этцвейн разглядывал в закопченном с обратной стороны зеркале землистое лицо со впалыми щеками и плотно сжатым ртом... «И этому досталось от жизни», — думал он. Финнерак упивался почетом, оседлав гребень всеобщего победного опьянения. Этцвейн считал, что его дело сделано. Он с тоской хотел отстраниться, уйти — куда, зачем? Снова превратиться в бродячего музыканта? Шант почему-то казался маленьким, тесным, ограниченным. Паласедру населяли враги, Караз пугал суровыми, неизведанными просторами. Имя Иффесса Иллинета все чаще приходило Этцвейну в голову. Он думал о Земле.

Рогушкой, подгоняемые рычащими и ревушими атаманами, спускались вприпрыжку со склонов Хвана, заполонив кантон Шкер и направляясь к Большой Соленой топи. Бравая Вольница, атакуя с флангов, наносила им ужасные потери. Не

меньший эффект производили планеристы, вонзавшие в колонны сияющие снопы огня с неба.

Шант был свободен. Рогушкой забрели в Большую Соленую топь — страну жидкой черной грязи, обширных омутов ржаво-глинистой воды, редких островков, поросших коралловыми деревьями, песчаных отмелей, обнаженных и безжизненных, бледно-зеленого камыша, гадючной травы, черного ползолиста.

Судя по всему, в Соленой топи рогушкой чувствовали себя прекрасно, без малейшего труда пробираясь вперед по пояс в грязи. Добровольцы преследовали их, пока не почувствовали, что почва начинает уходить из-под ног, после чего неохотно повернули обратно. Летчикам же ничто не мешало расстреливать шлепающие по болотам цепочки темно-красных фигур, сияющих лысыми черепами. Черные трясины, гладкие бугры и косы ярко-белого песка, заросли коралловых деревьев и ветры, порывами налетавшие с просторов Синего и Пурпурного океанов, создавали восходящие и нисходящие потоки — невидимые фонтаны и колодцы воздуха. Дрожащий солнечный свет ослепительно брезжил в разрывах грозовых туч. Планеры стаями взмывали к тучам и стремительно скользили вниз — уже не преследователи, но беспощадные мстители.

Все глубже и глубже в Большую Соленую топь уходили рогушкой, гонимые безжалостными оводами-этажерками. Этцвейн счел необходимым предостеречь Финнерака: «Что бы ни случилось, не залетайте на паласедрийскую территорию! Пасите стадо рогушкоев, сколько вам вздумается, назад и вперед по Соленой топи, но ни в коем случае не провоцируйте паласедрийцев!»

Финнерак чуть растянул губы в жесткой усмешке: «Где проходит граница? Посреди Большой топи? Покажите на карте, где кончается наша территория».

«Насколько мне известно, граница точно не установлена. Соленая топь — как море. Если планеры заметят на подлете к южным берегам, паласедрийцы обвинят нас в попытке вторжения».

«Болото есть болото, — обронил Финнерак. — Беспокойство паласедрийцев вполне объяснимо, но у меня оно почему-то не вызывает сочувствия».

«Так или иначе, — терпеливо заключил Этцвейн, — мои инструкции недвусмысленны: планеры не должны приближаться к Паласедре настолько, чтобы их можно было увидеть с берега».

Насупившись, Финнерак стоял перед Этцвейном, впервые ощутившим холодную волну неприкрытой ненависти «Черного Ветрового». Этцвейна охватил приступ непроизвольного физического отвращения. Финнерак умел ненавидеть, ненавидеть долго. Когда Этцвейн объяснился с ним в лагере № 3, Финнерак признался в ненависти к мальчишке, обрекшему его на заключение и рабский труд. Но разве справедливость не восстановлена, разве долг не уплачен? Этцвейн медленно, глубоко вздохнул. Люди таковы, каковы они есть, и с ними приходится иметь дело.

Финнерак произнес тихо и угрожающе: «Гастель Этцвейн, вы все еще отдаете мне приказы?»

«Таковы полномочия, возложенные на меня Пурпурной палатой. Чему вы служите — Шанту или удовлетворению своих страстей?»

Финнерак молча смотрел на Этцвейна секунд десять, потом резко повернулся и ушел.

Посланник вернулся из поездки в Шемауэ, но утешительных известий не привез: «Мне не удалось непосредственно связаться с летучими герцогами. Они гордятся своей недоступностью. Их намерения выяснить невозможно. Мне дали понять, что паласедрийская элита не снизойдет до переговоров с «рабами». Герцоги согласны иметь дело только с самим Аноме. Я возразил, сообщив, что Аноме больше не правит Шантом, и что я — уполномоченный посол Пурпурной и Зеленой палат. Мои слова, по-видимому, не произвели впечатления».

Этцвейн решил частным образом посоветоваться с Ауном Шаррахом, снова занимавшим привычный кабинет в Дискриминатуре, выходявший окнами на площадь Корпорации.

«Я провел тщательное расследование двух дел, — сообщил Шаррах. — В том, что касается обеих засад, важнейшие факты однозначны. О высадке в Тране знали четверо: вы, Сан-Сейн, Финнерак и Бризе. Только вам и Сан-Сейну было заранее известно о засаде на Козанском обрыве. Она завершилась успехом — следовательно, вас и Сан-Сейна можно исключить из числа подозреваемых. Бризе прекрасно понимал, что сведения о засаде в долине Сумрачной реки распространялись намеренно. Для него не составляло труда сделать соответствующие выводы и предупредить рогушкоев о катастрофе, ожидавшей их под Козанским обрывом. Но он их не предупредил. Таким образом, мы вынуждены считать предателем Финнерака».

Этцвейн ответил не сразу: «Мне приходили в голову те же умозаключения. Логика неопровержима, вывод невероятен! Каким образом бесстрашный боец, самый ревностный защитник Шанта, оказался предателем?»

«Не знаю, — покачал головой Шаррах. — Вернувшись в Дискриминатуру, я решил, как видите, изменить обстановку в кабинете согласно своим предпочтениям. Переставляя мебель, я обнаружил целый комплект подслушивающих устройств. Я позволил себе произвести обыск в ваших номерах в отеле «Гриндиана» — там были незаметно размещены такие же устройства. В течение длительного времени Финнерак имел беспрепятственный доступ к обоим помещениям».

«Уму непостижимо! — бормотал Этцвейн. — Вам удалось выяснить, кто пользовался этой информацией?»

«Микрофоны соединялись с постоянно работающим радиопередатчиком небольшой мощности».

«Эти устройства и радио... изготовлены в Шанте?»

«Да — стандартное оборудование Дискриминатуры».

«Гмм... Пока что я предпочел бы выжидать и наблюдать. Не будем спешить с опрометчивыми обвинениями — боюсь опять попасть впросак».

Аун Шаррах задумчиво улыбнулся: «Расследование второй загадки не дало существенных результатов. Финнерак просто-напросто исчез на три дня. Финнерак живет в гостинице. Когда он пропал, соседний номер занимали двое приез-

жих из кантона Парфе. Они съехали примерно через сутки после «возвращения» Финнерака. Мне передали подробные описания их внешности. Несмотря на цвета ошейников, скорее всего, это не были парфийцы — они не вывешивали фетиш на двери и часто носили синее. Естественно, я навел справки в отеле «Розеале гриндиана». Два похожих субъекта занимали номера непосредственно над вашими как раз в то время, когда вы «пропустили» три дня. Вскоре после этого они скрылись, не сообщив об отъезде управляющему отелем.

«Ничего не могу понять... Незнание порождает страх, я начинаю бояться собственной тени. Я спрашивал Финнерака: как он чувствует себя после «пропажи»? Он сказал — как обычно. Я тоже не чувствую ничего особенного».

Аун Шаррах с любопытством взглянул на Этцвейна, но ограничился одним из свойственных ему деликатных жестов: «Не могу ничего больше сообщить. Само собой, парфийцев ищут, а Финнерак постоянно находится под тайным наблюдением. Возможно, происходящему найдется какое-то объяснение».

Эскадрилья Шанта неустойчиво преследовала рогаток, загоняя их все глубже в болото. Воздух над бескрайней знойной трясиной насытился вонью разложения. Беглецы двигались только на юг. Стремилась ли она к какой-то цели или только пыталась уйти как можно дальше от беспощадного воздушного обстрела? Никто не мог ответить на этот вопрос, но в северной половине Большой Соленой топи, так же, как и во всем Шанте, уже не осталось ни одного рогатка.

Пестрящие торжественными цветами победы газеты Шанта опубликовали прокламацию Пурпурной и Зеленой палат:

«Эскадрилья продолжает вершить возмездие за бесчисленные беды, причиненные рогатками — никто не способен испытывать жалость к безмозглым каннибалам — но война, по сути дела, завершена.

Настало время свернуть военную кампанию. Славные подвиги Бравой Вольницы и

Эскадрильи Шанта навсегда запечатлены в истории. Теперь эти благородные люди должны посвятить себя восстановлению страны.

КОНЕЦ ВОЙНЕ: МЫ ПОБЕДИЛИ!»

Финнерак опоздал на совещание Пурпурной палаты. Появившись в зале собрания, он медленно промаршировал к своему месту за мраморным столом.

Выступал Этцвейн: «Мое дело сделано. Я считаю, что выполнил свои обязанности, в связи с чем...»

Финнерак громко прервал его: «Одну минуту! Не торопитесь складывать полномочия — возможно, время для этого еще не наступило. Только что передали новости из Шкера. Сегодня утром Эскадрилья Шанта, патрулировавшая южную часть Большой Соленой топи, обнаружила плотную колонну рогушкоев, торопливо пробиравшихся к паласедрийскому берегу. Летчики атаковали рогушкоев и при этом вынуждены были приблизиться к береговой линии. За нашими маневрами внимательно следили. Не исключено, что марш-бросок рогушкоев призван был спровоцировать формальное нарушение границы с нашей стороны». Финнерак помолчал пару секунд, продолжил: «Положение дел таково: наши планеры перехвачены черными планерами-истребителями паласедрийцев, управляющих воздушными аппаратами с поразительным мастерством. В первой стычке противник уничтожил четыре планера Эскадрильи и не понес никаких потерь. Во втором воздушном бою наши летчики изменили тактику и сбили двух паласедрийских пилотов, потеряв еще два планера. Дальнейшие сообщения не поступали».

Молчание прервал Миаламбер: «Вам приказали не приближаться к берегам Паласедры».

«Важнейшая задача, — заявил Финнерак, — заключается в уничтожении врага. Местонахождение врага несущественно».

«Таково ваше мнение. Я так не думаю. Теперь Шанту угрожает новая паласедрийская война — и тому виной ваше непростительное упрямство!»

«Человек поступает согласно велению внутреннего голоса, — Финнерак кивнул в сторону Этцвейна. — Кто дал ему право взять на себя полномочия Аноме? У меня не меньше прав, чем у него».

«Разница очевидна, — возразил Миаламбер. — Один замечает пожар, предупреждает жителей и тушит огонь. Другой заново поджигает город, чтобы наказать поджигателей. Первый — герой. Второй — маньяк!»

Сан-Сейн сказал: «Черный Ветровой! Ваша храбрость не вызывает сомнений. К несчастью, ваше рвение чрезмерно. Безрассудно навязывая свою волю, вы лишаете нас свободы выбора. Немедленно передайте Эскадрилье Шанта приказ вернуться в кантоны и не совершать полеты над Большой Соленой топью, пока не поступят новые распоряжения!»

Финнерак сорвал шлем, бросил его на мрамор: «Я неспособен отдать такой приказ! Он противоречит здравому смыслу. На Эскадрилью напали. Она обязана отразить врага, превзойдя его непреклонностью и беспощадностью!»

Внезапно разъярившись, Сан-Сейн вскочил и проревел: «Чего вы добиваетесь? Чтобы Бравая Вольница арестовала летчиков? Пусть хоть один еще раз посмеет вылететь без разрешения — у всех отнимем планеры, с каждого сорвем униформу! Вся власть принадлежит Шанту — Пурпурной и Зеленой палатам!»

Хлопнула дверь — в зал ворвался посыльный: «Из города Шемауз в Паласедре срочное сообщение по радио — в самых сильных выражениях! Канцлер желает немедленно говорить с Аноме».

Весь Совет Патрициев внимал приглушенным расстоянием и помехами словам паласедрийского канцлера, звучавшим с непривычным старинным акцентом: «Канцлер Ста Суверенов вызывает Аноме Шанта!»

Ответил Этцвейн: «Аноме свергнут. Вы обращаетесь к Совету Патрициев. Говорите».

«Отвечайте же: что побуждает вас напасть на Паласедру, нарушив двухтысячелетнее перемирие? Четыре войны и четыре поражения не научили вас благоразумию?»

«Нападение на Паласедру не входит в наши планы. Мы гоним захватчиков-рогушкоев туда, откуда они пришли».

Пока канцлер собирался с мыслями, Совет слышал только шорох и тихое потрескивание эфира. Наконец радиоприемник отозвался: «Мы не имеем отношения к рогушкоем. Вы их вытесняете из Топи на наши берега — разве это не агрессия? Ваши планеры кружат у нас над головами — разве это не вторжение?»

«Нет — мы убеждены, что рогушкоев подослали из Паласедры».

«Суверены не замыслили ничего подобного. По-вашему, одних заверений недостаточно? Пришлите в Паласедру делегацию, удостоверьтесь воочию. Таково наше великодушное предложение. Вы действуете опрометчиво и безответственно. Опомнитесь! Если же вы настолько злопамятны, что истина для вас ничего не значит, пеняйте на себя — глупцы заслуживают смерти!»

«Мы не глупы и не злопамятны, — отозвался Этцвейн. — Имеет смысл обсудить положение вещей и найти общий язык. Мы тем более приветствуем такую возможность, если вы можете доказать, что захват и разорение Шанта — не ваших рук дело».

«Отправьте делегатов, — сказал канцлер. — Пусть один планер — только один — доставит их в порт Каоиме. Безопасность посланников гарантируется. Их встретят в порту и сопроводят, как положено».

Глава 14

Паласедра подпирала Шант ладонью Большой Соленой топи, как скрюченная трехпалая рука с Паласедрийским хребтом вместо костяшек пальцев. Частые обнаженные утесы торчали высоко в небе — на многих гнездились одинокие замки летучих герцогов. К серебристому простору морских болот спускались лесистые долины. Гигантские стволы лаутранов, стройные и черные, увенчивались непропорционально миниатюрными зонтиками желтовато-серых кружевных волокон. Великанов опоясывали колышущиеся темно-зеленые кроны псевдососен, деревьев-близнецов и воскоплодников, в свою очередь возвышавшиеся над плотными приземистыми купами хованго, аргоста и джаджуя. Ближе к берегу, где крутые склоны долин чуть расходились в стороны, городки паласедрийцев стерегли проходы в горную страну. Высокие каменные дома с остроконечными крышами теснились друг на друге, как растущие из скал друзья темных кристаллов.

Паласедра! Станный, неприветливый край непреклонных гордецов, где каждый почитал себя благородным и не признавал никакой власти, кроме «долга чести» — долга, погашавшегося исключительно добровольно, хотя размер его каким-то образом был известен всем. Здесь ни одну дверь не запирали на замок, ни одно окно не было разбито, здесь каждый ум был крепостью, тихой и неприступной, как замок летучего герцога.

В Каоиме планер, прибывший из Шанта, приземлился, скользя по гладкому песку широкого пляжа. Четверо спустились из седел, подвешенных в коробчатой раме: сперва пилот, за ним Этцвейн, Миаламбер — и Финнерак, согласившийся посетить Паласедру только после того, как его мужество, рас-

судок и умственные способности подверглись поношению и осмеянию. Уязвленный и взбешенный, Финнерак заявил, что готов отправиться, если потребуется, хоть на северный берег Караза.

Над пляжем угрюмо высились каменные уступы стен Као-име. Три фигуры в облегающих черных мантиях и черных остроконечных шапках с высокими тульями выступили на свет из глубокой тени и направились к приежжим полными достоинства, сдержанными шагами.

Этцвейн никогда еще не видел паласедрийцев и с любопытством разглядывал встречающих. Они заметно отличались внешностью от большинства народов Шанта. Их кожа, мучнистая, как пергамент, отливала в отраженных трясинной лучах солнц едва заметным мышьяковистым блеском. Между покатыми лбами и жмущимися к шее подбородками узких, тощих, костлявых лиц красовались длинные горбатые носы. Паласедриец, приблизившийся первым, обратился к делегатам глухим гортанным голосом, будто формируя звуки не ртом, а в глубине горла. Кроме того, он произносил слова со странным акцентом, применяя давно устаревшие обороты речи — понять его было очень трудно: «Вы — посланники Шанта?»

«Да».

«На вас нет ошейников. Правда ли, что вы сбросили постыдное иго тирании?»

Миаламбер собрался было просветить незнакомца поучительными разъяснениями, но Этцвейн остановил его: «Мы изменили характер правления, это правда».

«В таком случае приветствую вас. Я согласился препроводить вас в Шемауэ. Мы вылетим без промедления. Следуйте за мной, к лифту».

В тени под отвесной скалой они взошли на платформу из плетеных лоз. Рывками, качаясь из стороны в сторону, подвешенная на натянутом шкивами канате площадка стала подниматься по диагонали через прореху в плотном пологе темно-зеленой листвы аргостов, мимо просторной черной колоннады лаутранов, над кружевами их зонтов, будто вылепленными из высохшего теста, к слепяще-сиреневому сиянию трех

солнц — и с толчком опустилась на сваи, крестообразно установленные в трещине на краю просторной плоской вершины утеса. Рядом уже стоял приготовленный к полету планер — хитроумная конструкция из стоек и распорок, тросов, рулевых лопастей и стабилизаторов, с кабиной из прутьев и пленки, подвешенной между черными выгнутыми крыльями, очертаниями напоминавшими летучую мышь.

Один из паласедрийцев и трое посланников Шанта забрались в кабину. Далеко, на другом краю плато, бригада бугрящихся мышцами людей с маленькими головами — на таком расстоянии Этцвейн не мог их толком разглядеть — сбросила в пропасть большую корзину, наполненную камнями. Планер сорвался с места, увлеченный натянувшимся тросом, и, быстро ускоряясь, взмыл в небо, еще не достигнув противоположного обрыва.

Паласедриец не проявлял ни малейшего желания вступать в разговор. В конце концов Этцвейн спросил его: «Вы знаете, зачем мы приехали?»

Паласедриец ответил: «Я не умею распознавать ваши мысли. Они не соответствуют моим».

«Ага! — сказал Миаламбер. — Вам поручили узнать наши мысли!»

«Мне поручили вежливо препроводить вас в Шемауэ».

«Кто теперь канцлер? Один из летучих герцогов?»

«Нет, теперь у нас скорее пять каст, нежели четыре. Летучие герцоги заняты сравнением долгов чести».

«Мы ничего не знаем о Паласедре — ваши обычаи нам незнакомы, — вмешался Этцвейн. — Если канцлер — не летучий герцог, как он управляет страной?»

«Канцлер никем не управляет. Он действует самостоятельно».

«И при этом представляет всю Паласедру?»

«Почему нет? Кто-то должен этим заниматься».

«Что, если политика канцлера противоречит воле большинства или наносит вред стране?»

«Он знает, что от него ожидается. Так устроена жизнь — мы все делаем то, что от нас ожидается. Если я не выполню поручение, основную ответственность понесут мои поручите-

ли. Они будут в долгу перед другими. Разве это не очевидно?» Паласедриец прикоснулся к перевязи на шляпе, украшенной десятком геральдических подвесок: «Вот мои поручители. Мне доверяют. Двое — летучие герцоги... Смотрите — замок герцога Айна Палайео».

Замок занимал седловину между утесами — уже осыпающееся угловатое сооружение, почти сливающееся со скалистыми склонами. Серо-зеленые каменцветы гирляндами висели в трещинах стен... Замок остался позади и скоро исчез за хребтом.

Поднимаясь по спирали в прозрачных воздушных фонтанах, скользя по невидимым склонам ветров, черный планер парил над горами, упрямо стремясь на юг. Отроги гор становились ниже — исчезли черные колонны лаутранов, псевдососновый лес и чащи аргоста сменились разрозненными рощами висельных деревьев и темного дуба, редкими, напоминающими темные языки пламени пирамидальными кипарисами.

Наступил вечер. Согласный с сонными, неуверенными порывами слабющего ветра, планер все чаще клевал носом и рыскал из стороны в сторону. Когда солнца уже играли в прятки за далекими западными вершинами, планер мягко и бесшумно спустился к тускло-металлической речной излуине и приземлился в сумерках на окраине Шемауэ.

Прибывших ожидал экипаж из светлого лакированного дерева на четырех высоких колесах. Карету запрягли двухметровыми голыми мужчинами с кожей розовато-охряного, почти абрикосового оттенка. Тягловые люди отличались бочкообразными грудными клетками, мощными бедрами и лодыжками, маленькими круглыми головами, полностью лишенными волосяного покрова. На их спокойно-тупых лицах не было никакого выражения. Финнерак, молчавший почти всю дорогу — он явно чувствовал себя не в своей тарелке и часто с тоской оборачивался в сторону Шанта — теперь бросил на Этцвейна торжествующий взгляд: очевидно, оправдались какие-то его теории в отношении Паласедры.

Миаламбер потребовал у паласедрийца объяснений: «Это творения ваших человеководов?»

«Верно. Хотя, называя генопластику «творением», вы исходите из необоснованного предрассуждения».

«Я — юрист, у меня нет предрассудков».

«Разве юрист не может быть лишен здравого смысла — особенно в Шанте?»

«Почему же, позвольте спросить, особенно в Шанте?»

«Ваша земля богата, вы можете позволить себе всевозможные безрассудства».

«Вы заблуждаетесь! — заявил Миаламбер. — Последнее утверждение позволяет подозревать несостоятельность всех ваших аргументов».

«Наше разногласие несущественно».

Экипаж громыхал в полутьме по булыжной мостовой. Наблюдая играющие мышцами широкие абрикосовые спины, Этцвейн спросил проводника: «Человеководы все еще продолжают разработки?»

«Мы несовершенны».

«А ваши тягловые, гм... существа — тоже совершенствуются?»

«Тягачи отвечают своему назначению. Их исходный генофонд получен от кретинов. Они согласны сотрудничать — подчиняться, если хотите. По-вашему, следовало упустить такую возможность? Справедливее уничтожать кретинов и взваливать тяжелую, примитивную работу на людей, способных думать?» Губы паласедрийца скривились в горькой усмешке: «С таким же успехом можно объявить кретинов высшей кастой и поручить им решение сложнейших задач».

«Прежде чем начнется церемониальный обед, — вмешался Миаламбер, — я хотел бы знать, выращиваются ли в Паласедре мясные породы людей?»

«Церемониального обеда не будет».

Стуча колесами по булыжнику, экипаж поднялся по эспланаде к постоялому двору. Паласедриец пригласил гостей выйти: «Здесь вы можете передохнуть».

Этцвейн надменно выпрямился: «Вы привезли послов Шанта в портовую таверну?»

«Предпочитаете провести ночь, прогуливаясь по набережной? Или, может быть, вас больше устроит утомительный подъем к замку герцога Шайана?»

«Мы не придаем большого значения формальностям, — объяснил Миаламбер. — Тем не менее, если бы в Шант прибыли послы из Паласедры, их разместили бы в роскошном дворце».

«Вы точно определили разницу между обычаями Шанта и Паласедры».

Этцвейн вышел из кареты. «Пойдемте, — сухо сказал он. — Мы здесь не для того, чтобы добиваться почестей».

Три делегата прошествовали в гостиницу. Дощатая дверь открывалась в узкое полутемное помещение со стенами, обшитыми панелями лакированного дерева. Вдоль стены, над несколькими столами и стульями, мерцали желтоватые светильники.

Навстречу вышел старик в белом головном платке: «Что вам угодно?»

«Мы хотели бы подкрепиться и переночевать. Мы — послы из Шанта».

«Я приготовлю комнаты. Садитесь, вам дадут что-нибудь поесть».

В помещении был еще один человек — худощавый, в сером плаще, сидевший за столом перед миской тушеной рыбы. Этцвейн замер, пораженный знакомым профилем. Человек в сером поднял голову, кивнул, вернулся к аккуратному извлечению рыбных костей.

Этцвейн нерешительно потоптался и подошел ко столу: «Я полагал, что вы вернулись на Землю».

«Таковы были распоряжения Института, — сказал Ифнесс Иллинет. — Тем не менее, мне удалось их опротестовать на основании редко применяемой статьи устава о чрезвычайном положении. Теперь меня снова направили на Дердейн, в несколько ином качестве. Рад сообщить, что меня, таким образом, не исключили из Института».

«Превосходные новости! — согласился Этцвейн. — Вы не возражаете, если мы к вам присоединимся?»

«Нисколько».

Трое приезжих заняли свободные стулья вокруг стола. Этцвейн представил присутствующих: «Перед вами патриции Шанта — Миаламбер Октагон и Джерд Финнерак. Этот господин, — Этцвейн вежливо указал на Ифнесса, — землянин, корреспондент Исторического института. Его зовут Ифнесс Иллинет».

«Так точно, — кивнул Ифнесс. — На Дердейне мне удалось узнать много интересного и поучительного».

«Почему вы не дали знать о своем возвращении? — спросил внутренне возмущенный Этцвейн. — Вы в значительной мере несете ответственность за сложившееся положение вещей».

Ифнесс ответил спокойно-безразличным жестом: «Вы были достаточно компетентны для того, чтобы справиться с кризисом, не прибегая к моей помощи — что немаловажно. Полагаю, вам самим приятно сознавать, что враги Шанта повержены в прах защитниками Шанта, а не их союзниками с Земли?»

«Это сложный вопрос, — уклонился Этцвейн. — Что вас привело в Паласедру?»

«Я изучаю паласедрийское общество, представляющее значительный интерес. Паласедрийцы отваживаются производить антропоморфологические эксперименты, возможные лишь в редчайших условиях отсутствия почти повсеместных запретов. Паласедрийцы бережливы и адаптируют некондиционный генетический материал, поручая дегенератам выполнение полезных функций. Дух человеческий! Неисчерпаемый источник чудесных изобретений! Оказавшись в суровой, скудной горной стране, паласедрийцы разработали философскую систему, поощряющую самоограничение и крайнюю экономию».

Этцвейн не забыл склонность историка к отвлекающим внимание пространственным рассуждениям: «В Гарвии, насколько я помню, вы не поощряли аскетизм в себе или в других и не высказывались в защиту философии самоотречения».

«Совершенно верно, — безмятежно отозвался Ифнесс. — Я — исследователь. Я умею преодолевать личные наклонности».

Некоторое время Этцвейн пытался угадать скрытый смысл замечаний землянина, потом спросил: «Вас, судя по всему, не удивляет наш приезд в Паласедру?»

«Как показывает мой опыт, тому, кто скрывает любопытство, интересующие его сведения охотно навязываются».

«Вам известно, что рогушкои пытаются скрыться на паласедрийской территории? Что преследование рогушкоев привело к воздушному столкновению между Эскадрилей Шанта и Черными Драконами Паласедры?»

«Любопытная информация! — заявил Ифнесс Иллинет, не отвечая на поставленный вопрос. — Интересно было бы знать также, какие средства паласедрийцы собираются применить против рогушкоев».

Финнерак с отвращением хрюкнул: «Вы сомневаетесь в том, что паласедрийцы помогают рогушкоем?»

«Глубоко сомневаюсь — даже исходя исключительно из социально-психологических соображений. Для летучих герцогов понятия благородства и чести важнее материальных и политических выгод. Подлое разведение паразитов, тихой сапой вгрызающихся в организм противника и размножающихся за его счет, не в характере паласедрийских суверенов. Кроме того, в пользу этой теории нет убедительных свидетельств».

Финнерак пожал плечами: «Теоретизируйте сколько угодно. Я доверяю своим инстинктам».

Принесли ужин — соленую рыбу, тушеную в уксусе, хлеб грубого помола, маринованные стручки водорослей. «У паласедрийцев нет никакого представления о кулинарии, — отметил Ифнесс Иллинет. — Здесь едят только от голода. Паласедрийцы наслаждаются, преодолевая препятствия, самоутверждаясь вопреки неблагоприятным обстоятельствам. Они выходят в море, когда бушует шторм. Изучение высшей математики в полном одиночестве заменяет паласедрийцу то, что у других народов принято называть «тайными пороками». Летучие герцоги строят башни из собственноручно высеченных и принесенных камней. Некоторые сами добывают себе пищу. Паласедрийцы не признают музыку и украшают одежду только эмблемами поручителей. Для них одно блюдо не луч-

ше другого. Недружелюбные и скупые, они слишком горды, чтобы доверять подозрениям». Ифнесс прервался и внимательно рассмотрел лица собеседников — сначала Миаламбера, потом Этцвейна, в последнюю очередь Финнерака: «Канцлер скоро придет. Не думаю, что ваши проблемы вызовут у него сочувствие. Если не возражаете, я хотел бы примкнуть к вашей группе в качестве, скажем, наблюдателя. Я уже представлялся здесь как путешественник из Шанта».

«Не вижу препятствий», — сказал Этцвейн, игнорируя тихое рычание Финнерака.

Миаламбер обратился к Ифнессу: «Расскажите нам о Земле, о родине наших извращенных предков».

Ифнесс поджал губы: «Землю невозможно описать вкратце. На ваш взгляд, вероятно, мы показались бы чрезмерно цивилизованными, у большинства из нас нет честолюбивых стремлений. На Земле изредка рождаются раскольники и диссиденты, но эти рано или поздно переселяются в другие миры. Каким-то чудом среди нас еще встречаются искатели приключений. Населенная людьми область Галактики постоянно расширяется — в этом, пожалуй, первородная, земная сущность человека. Земля — исходный мир, источник всех человеческих производных».

«Наши предки покинули Землю девять тысяч лет тому назад, — покачал головой Миаламбер. — Преодолев немыслимое расстояние, они осели на Дердейне, где надеялись навсегда остаться в полной изоляции. Возможно, теперь мы уже не сможем отгородиться от других миров».

«Вы правы, — согласился Ифнесс. — Дердейн все еще за границей той части Галактики, где действуют межпланетные торговые договоры и соглашения о поимке преступников — но эта граница уже очень близко... Канцлер приехал. Он собирается вести государственные переговоры в рыбацкой таверне. Что ж, такая система не хуже любой другой».

Канцлер стоял, открыв входную дверь и разговаривая с кем-то на улице, потом повернулся и осмотрел помещение — высокий костлявый старик с короткой щетиной седых волос и огромным носом-полумесяцем. На нем была обычная черная

мантия, но вместо шляпы он носил повязанный на рыбацкий манер белый головной платок.

Этцвейн, Финнерак и Миаламбер поднялись на ноги. Ифнесс Иллинет продолжал сидеть, глядя на пол — будто внезапно погрузившись в глубокие думы.

Канцлер подошел к столу: «Будьте добры, сядьте. Наша задача проста. Летчики Шанта нарушили паласедрийскую границу. Черные Драконы их изгнали. Вы утверждаете, что вторглись в Паласедру, чтобы наказать рогушкоев. Более того, вы утверждаете, что рогушкой — агенты Паласедры. Я заявляю: рогушкой в настоящее время находятся на паласедрийской земле, и паласедрийцы расправятся с ними по-своему. Я заявляю: паласедрийцы не поручали рогушкам напасть на Шант. Я заявляю: посылать летчиков в Паласедру было с вашей стороны глупо и опрометчиво — по сути дела, настолько глупо и опрометчиво, что мы воздержались от ответного удара скорее от изумления, нежели из соображений человеколюбия».

Ифнесс с одобрением хмыкнул и позволил себе нравоучительное замечание, обращенное, вероятно, к светильнику на стене: «Еще один характерный аспект человеческого поведения заключается в том, чтобы впечатлять противника и приводить его в замешательство, демонстрируя непредсказуемую снисходительность».

Канцлер нахмурился и отвернулся, по-видимому не находя в одобрении Ифнесса ожидаемой готовности проявить сердечную благодарность. В голосе канцлера появилось раздражение: «Я заявляю: если вы официально заверяете, что не вынашиваете захватнических планов, в дальнейшем вы обязаны воздерживаться от агрессии и контролировать выходки своих летчиков. Такова, в сущности, моя позиция. Я готов выслушать ответ».

Миаламбер прокашлялся: «Наше присутствие в Шемауэ говорит само за себя. Мы надеемся установить мирные, добрососедские и взаимовыгодные отношения между Шантом и Паласедрой. Невежество порождает подозрения. Неудивительно, что некоторые из нас видят в рогушках возобновление угрозы со стороны паласедрийцев».

Финнерак холодно произнес: «Бравая Вольница и Эскадрилья Шанта нанесли поражение рогушкоям, неприкрыто пытающимся найти убежище в Паласедре. Вы утверждаете, что не подсылали рогушкоев в Шант. Тем не менее, вы не сняли с себя ответственность за их существование. Общеизвестно, что вы бесстыдно разводите, как породы скота, специализированные породы людей. Если рогушкои спроектированы в паласедрийских генопластических лабораториях, паласедрийцы повинны во всех убийствах и разрушениях, причиненных этими тварями в Шанте. Рогушкои разорили и обескровили Шант — мы требуем возмещения!»

Канцлер отступил на шаг — он не ожидал столь энергичных возражений. Не ожидали их и Этцвейн с Миаламбером. Ифнесс Иллинет снова одобрительно кивнул: «Требования Финнерака вполне обоснованны и справедливы — если паласедрийцы действительно несут ответственность за создание рогушкоев. Мы не слышали ни одного формального заявления паласедрийской стороны, признававшего или отрицавшего такую ответственность».

Седые брови канцлера превратились в сплошную мохнатую полосу над величественным носом. Он обратился к Ифнессу: «Хотел бы знать, какую, в точности, функцию вы выполняете в ходе переговоров?»

«Функцию независимого консультанта, — отозвался Ифнесс. — Гастель Этцвейн одобрил мое участие, хотя я не представляю официально ни Шант, ни Паласедру».

Канцлер пожал плечами: «Как бы то ни было, мне все равно. Необходимо окончательно разъяснить позицию Паласедры. Мы полностью отрицаем какую-либо ответственность как за действия, так и за существование рогушкоев».

Финнерак живо возразил: «Почему же они скрываются на вашей территории? Откуда они явились, как не из Паласедры?»

Канцлер отвечал сдержанно, понизив голос: «Последние заключения наших разведчиков таковы. Эти существа подосланы на Дердейн с Земли. Известно, что первая колонна рогушкоев сошла по трапу космического корабля, приземлившегося в Энгле — безлюдной котловине недалеко от Боль-

шой Соленой топи». Этцвейн настороженно взглянул на Иф-несса — тот с отсутствующим видом разглядывал обшивку стены. Канцлер продолжал: «Это все, что удалось узнать у ахульфов, населяющих район приземления. Теперь рогушкой возвращаются в Энгх. Их туда не допустят — паласедрийские войска уже выступили, чтобы уничтожить пришельцев. Завтра я намереваюсь наблюдать за ходом битвы. Возможно, удастся получить дополнительные сведения. Если хотите, можете меня сопровождать».

Глава 15

Канцлер разложил на столе карту, махнул рукой в холодную предрассветную мглу: «Энгх где-то там. Отсюда впадина выглядит узким промежутком между хребтами, но по сути дела это большой вулканический цирк — взгляните на карту». Канцлер постучал костлявым пальцем по пергаменту: «Здесь мы вышли из планера. Теперь мы стоим лицом к долине реки Зек — точнее, над долиной. Паласедрийские отряды скрываются в лесу напротив. Они скоро выступят».

«А где рогушкой?» — спросил Этцвейн.

«Самая многочисленная колонна выбралась из Соленой топи и приближается. Им предшествовали разрозненные группы. Мы им не препятствовали — они собрались в котловине». Канцлер вглядывался в пасмурное рассветное небо: «Встречный ветер не позволяет Черным Драконам долететь до котловины — разведывательные данные недостаточны. И меня еще не известили о плане наступления».

Три солнца выкатились из-за гор, склон долины вспыхнул фиолетовым сиянием. В глубине долины разноцветными блесками отразился Зек — небольшая бурная речка. Финнерак указал на север: «Вот они, передовые отряды! Почему бы их не потревожить с флангов?»

«Я не полководец, — отозвался канцлер. — В военной тактике я не разбираюсь... Отойдите назад, вас заметят!»

В долине появились бегущие трусцой первые ряды рогушкеев, издали напоминавшие темную приливную волну.

На ремне канцлера звякнул какой-то прибор. Он поднес его к уху, обернулся, глядя в небо, и повесил прибор на ремень.

Рогушкой приближались грузными размашистыми прыжками, неподвижно глядя перед собой, не оборачиваясь и не перекликаясь. По бокам колонны бежали атаманы, поблескивающие нагрудниками из кольчуги.

Снова звякнул радиоприемник канцлера. Тот строго выслушал сообщение и пробормотал: «Все идет по плану».

Опустив рацию, старый паласедриец встал лицом к далекой впадине, скрытой за противоположным склоном долины. Помолчав пару минут, он произнес: «Ночью в Энгле приземлился звездолет. Зачем? Можно только догадываться — по видимому, он ожидает рогушкоев».

Обернувшись к Ифнессу, Миаламбер язвительно заметил: «Вы можете предложить объяснение происходящему?»

«Могу, — сказал Ифнесс Иллинет, — мне все ясно». Он спросил канцлера: «На что похож звездолет? Из него кто-нибудь выходил? На корпусе есть какие-нибудь эмблемы?»

«Мне передали, что звездолет выглядит, как огромный диск с утолщением в середине. По окружности диска открылись большие люки, служащие трапами для спуска на землю. Из звездолета никто не выходил... Начинается обстрел рогушкоев с тыла».

Послышались далекие хлопки взрывов и беспорядочный треск. Атаманы рогушкоев остановились, развернулись и разразились гортанными выкриками. Плотная колонна стала рассыпаться. Со стонами и уханьем, вызванными физическим напряжением, а не эмоциями, меднокожие воины группировались, образуя боевые манипулы. Теперь можно было видеть всю колонну. Взрослые рогушкой возглавляли и замыкали шествие. В середине толпились детеныши-подростки с новорожденными ублюдками на плечах — и примерно сотня оглушенных, шатающихся от измождения женщин.

Из леса прозвучали позывные горна — паласедрийские войска решительно двинулись в атаку.

Этцвейн почесал в затылке. Он ожидал увидеть богатырей, ростом не уступавших рогушкоем. Паласедрийские солдаты, однако, были ниже среднего роста, невероятно широки в плечах, с огромными грудными клетками и руками, болтавшимися почти до земли. Из-под черных шлемов на головах,

низко посаженных между буграми плеч, сверкали глаза, казалось, одновременно смотревшие в разные стороны. На солдатах были темно-охряные комбинезоны с наплечниками и наголенниками из стекловолокна. Их вооружили саблями, боевыми топорами с короткими ручками, маленькими щитами и арбалетами.

Паласедрийцы выбегали из леса неторопливой трусцой. Рогушкой, захваченные врасплох, опешили. Атаманы проревели приказы, манипулы переформировались. Паласедрийцы тоже остановились. Две армии глядели одна на другую — их разделяло не больше ста метров.

«Любопытное противостояние, нечего сказать, — бормотал Ифнесс. — Два решения одной генетической задачи, оба отличаются преимуществами. Битва великанов-людоедов с заколдованными троллями, хм... Вооружения, по-моему, эквивалентны. Исход зависит, следовательно, от тактического превосходства и маневренности».

Атаманы рогушкоев внезапно издали резкие вопли. Покинув женщин и детенышей на произвол судьбы, бесстрашные меднокожие дикари со всех ног бросились наутек — к ложбине вулканического цирка, где их поджидал спасительный комический аппарат. Часто перебирая ногами, паласедрийские солдаты бежали наперерез. Две армии сошлись не лицом к лицу, а бок о бок — рогушкой яростно отмахивались ятаганами, паласедрийцы насакивали и упруго отсакивали, сверкая саблями и стреляя из арбалетов в глаза спешащим противникам, поджидая удобный момент, чтобы подсесть мелькающие колени и отрубить голову рухнувшему на бегу красновато-каштановому гиганту. Ятаганы и сабли кружились и мелькали, как лопасти сумасшедшей машины, несущейся вверх по склону и оставляющей за собой отвалы разбросанных рук, ног, голов и торсов, сочащихся красной и черной кровью.

Передние ряды рогушкоев достигли седловины, служившей входом на замкнутую горным кольцом арену вулканического цирка — и здесь, с обеих сторон, спустилась стремительными оползнями вторая паласедрийская армия, прятая в расщелинах скал. Рогушкой отчаянно пробивались вперед, пытаясь во что бы то ни стало вырваться в широкую

котловину. Ниже, в речной долине, остались женщины и детеныши рогушкоев. Женщины поддались истерике. Подобрав ятаганы и сабли погибших бойцов, они с маниакальной радостью накинулись на прыгающих, как блохи, краснокожих чертенят.

Воины-рогушкои прорубили дорогу в Энгах — но здесь, на открытом пространстве, более подвижные и сообразительные паласедрийцы получили дополнительное преимущество.

Сначала Финнерак, за ним Ифнесс с Этцвейном и последними пожилой Миаламбер со стариком-канцлером спустились в долину, перебежали по низкому деревянному мостику над рекой и взобрались по крутому лесистому склону на холм справа от прохода в котловину. Перед ними открылся вид на Энгах — плоское каменистое дно высохшего озера, круглое, диаметром метров восемьсот, поросшее креозотовыми кустами и рваными пятнами бледно-голубой скальной колючки. В центре впадины покоился звездолет: сильно уплощенная полусфера из ржаво-коричневого металла, диаметром не меньше шестидесяти метров.

Этцвейн спросил Ифнесса: «Чей это корабль?»

«Не знаю!» — Ифнесс вынул камеру и поспешно фотографировал.

С трех сторон сегменты корпуса звездолета откинулись на землю, обнажив темные овальные провалы. В провалах маячили человекообразные фигуры — они оставались в тени, Этцвейн не мог их толком разглядеть.

На арене вулканического цирка бушевала битва. Рогушкои шаг за шагом теснились ближе к звездолету — впереди всех сверкающие кольчугой атаманы, за ними рядовые бойцы, построившиеся клином, чтобы защищать атаманов от наседающих паласедрийских троллей.

Финнерак низко застонал, как в кошмарном сне, и стал спускаться по склону в котловину. «Финнерак! — закричал Этцвейн. — Куда вы?»

Финнерак не слышал, он торопился. Этцвейн погнался за ним: «Финнерак! Вернитесь сейчас же! Вы с ума сошли!»

Финнерак стремительно бежал, размахивая руками, к ржавому звездолету. Широко раскрыв глаза, как от дикой боли,

он, однако, ничего не видел, споткнулся и упал головой вниз. Этцвейн прыгнул на него и заломил ему руки за спину: «Что вы делаете? Опомнитесь!»

Финнерак стонал, пинался и вырывался, пытаясь попасть локтями Этцвейну в глаза.

Подоспевший Ифнесс быстро нагнулся, нанес Финнераку два коротких сильных удара — тот обмяк и затих.

«Быстрее — обстреляют из корабля!» — не переводя дух, выдал Ифнесс.

Миаламбер и Ифнесс подхватили Финнерака под руки, Этцвейн — за ноги. Таким образом они притащили его под прикрытие деревьев. Пользуясь одеждой Финнерака, Ифнесс туго связал ему лодыжки и кисти.

В котловине паласедрийцы, тоже опасавшиеся, что из звездолета откроют огонь, отступили. Рогушкой маршировали вверх по трапам — атаманы и сотня бойцов. Трапы-люки поднялись и захлопнулись. Звездолет задрожал и загудел, светясь серебристо-радужным огнем, как гигантский жук-светлячок. С режущим уши высоким воем он подпрыгнул высоко в небо и сразу исчез.

Отрезанные от корабля рогушкой, оставшиеся в котловине, медленно стянулись к тому месту, где стоял звездолет. Там они сформировали неровное кольцо и приготовились защищаться до последнего. Атаманы улетели. От меднокожей орды, почти погубившей Шант, осталось меньше тысячи бойцов.

Паласедрийцы, отступившие к периметру впадины, построились цепями справа и слева от кольца рогушкеев и замерли в ожидании приказов. Минут десять две армии мутантов смотрели одна на другую — трезво, спокойно, без малейшей враждебности. Наконец паласедрийские солдаты стали медленно расходиться вверх по склонам, во всех направлениях. Рогушкой остались в центре круглой каменистой пустоши.

Взмахом руки канцлер подозвал делегатов Шанта: «Мы возвращаемся к первоначальной стратегии. Рогушкой заперты в котловине. Они никогда не покинут Энх — об этом мы

позаботимся. Теперь даже ваш голубоглазый безумец должен признать, что рогушкой — порождения инопланетян».

«В этом невозможно сомневаться, — заявил Ифнесс Иллинет. — Цель вторжения, однако, остается загадкой. Если создатели рогушкоев замыслили обычное завоевание, почему они вооружили штурмовые отряды примитивными ятаганами и палицами? Неужели у расы, покорившей межзвездные бездны, нет более совершенного оружия? Вопиющее противоречие, нуждающееся в объяснении».

«По-видимому, они недооценили наши возможности, — заметил канцлер. — Или, может быть, проверяли, на что мы способны. Так или иначе, мы их крепко проучили».

«Разумные гипотезы, — кивнул Ифнесс. — Тем не менее, многое предстоит узнать. Убиты несколько атаманов. Предлагаю перевезти тела в медицинскую лабораторию и внимательно их изучить. Я хотел бы участвовать в этом расследовании».

Канцлер отверг предложение недовольным жестом: «Это потребует лишних затрат».

Ифнесс отвел старого паласедрийца в сторону и произнес вполголоса несколько фраз. Его доводы убедили канцлера — тот нехотя согласился произвести вскрытие.

Глава 16

В состоянии мрачной апатии Финнерак спускался в долину реки Зек. Несколько раз Этцвейн хотел было заговорить с ним, но зловещее, тягостное чувство стесняло ему грудь и сковывало язык. Менее впечатлительный Миаламбер спросил Финнерака: «Надеюсь, вы понимаете, что ваша выходка — сознательная или бессознательная — поставила под угрозу нашу миссию и наше существование?»

Ответа не последовало. Этцвейну показалось, что Финнерак даже не слышал вопроса.

Ифнесс скорбно изрек: «Лучшие из нас время от времени поддаются нелепым побуждениям».

Финнерак не отозвался.

Этцвейн ожидал, что делегацию отвезут обратно на побережье Большой Соленой топи, но черный планер вернулся в Шемауэ, где запряженный абрикосовыми силачами экипаж снова доставил их к унылому постоялому двору на набережной рыбацкой гавани. Пробравшись через полутемную тесную трапезную, приезжие поднялись в отведенные им комнаты, тоже не радовавшие глаз. Постелями служили тонкие, отдававшие кисловатым запахом тюфяки на низких каменных возвышениях. Из открытого узкого окна сквозило холодным соленым ветром, пасмурным светом, плеском застойной воды между лодками.

Этцвейн провел всю ночь скорее не во сне, а в каком-то тяжелом оцепенении. В стрелочной арке окна наконец забрезжил серо-фиолетовый рассвет. Этцвейн встал, плеснул в лицо ледяной водой из каменного рукомойника и спустился в трапезную, где к нему скоро присоединился Миаламбер. Ифнесс

и Финнерак не появлялись. Проверив их комнаты, Этцвейн обнаружил, что они пустуют.

Ближе к полудню открылась входная дверь — вернулся Ифнесс Иллинет. Этцвейн тревожно поинтересовался, известно ли ему местонахождение Финнерака. Ифнесс ответил, тщательно выбирая слова: «Вы не забыли, конечно, что вчера Джерд Финнерак проявил необъяснимую безответственность. Ночью он покинул гостиницу и направился куда-то вдоль берега. Ожидая чего-то в этом роде, я заранее попросил канцлера установить за Финнераком наблюдение. В результате его задержали. Я провел все утро с паласедрийскими экспертами. Насколько я понимаю, причина странного поведения Финнерака выяснена».

Скрытность Ифнесса всегда действовала Этцвейну на нервы. Теперь он с трудом сдерживал ярость: «Что им удалось выяснить — и каким образом?»

«Пожалуй, лучше всего будет, если вы пойдете со мной и все увидите своими глазами».

Показывая дорогу, Ифнесс говорил тоном скучающего экскурсовода: «Паласедрийцы удостоверились в том, что звездолет, ожидавший рогушкоев в Энгле — не земного производства. Естественно, я мог бы объяснить это еще вчера, но не хотел возбуждать лишние вопросы о своем происхождении».

Миаламбер раздраженно спросил: «Чей это звездолет, в таком случае?»

«Я заинтригован не меньше вашего — по сути дела, я прибыл на Дердейн именно для того, чтобы это узнать. Туманность Скиафарильи скрывает Дердейн от большинства миров, населенных людьми. Можно предположить, что планета, откуда привезли рогушкоев, находится в другом направлении, ближе к центру Галактики. Я никогда еще не видел таких космических аппаратов».

«Вы сообщили все это паласедрийцам?»

«Ни в коем случае. События, происшедшие сегодня утром, заставили их изменить точку зрения. Если вы помните,

атаманы рогушкоев носили защитные нагрудники, всегда вызывавшие мое любопытство... А вот и лаборатория!»

Этцвейн похолодел от ужаса: «Финнерака привели — сюда?»

«Такое решение представлялось наиболее целесообразным».

Они вошли в черное каменное здание. Внутри едко пахло химикатами. Ифнесс, уже знакомый с планировкой учреждения, провел спутников по боковому коридору в обширное помещение со световыми колодцами в высоком потолке. Вдоль стен тянулись ряды небольших герметичных цистерн и открытых резервуаров, посередине возвышались полированные каменные столы. В дальнем конце лаборатории четверо паласедрийцев в серых халатах склонились над массивным трупом атамана рогушкоев. Ифнесс одобрительно кивнул: «Начинается очередное вскрытие — вам будет полезно пронаблюдать за этой процедурой».

Этцвейн и Миаламбер приблизились к операционному столу и встали, прислонившись к стене. Паласедрийцы работали неторопливо, стараясь расположить тело рогушкоев так, чтобы ничто не ускользнуло от их внимания... Этцвейн оглядывался по сторонам. На полке, в толстостенных стеклянных банках, суежилась пара крупных бурых насекомых или ракообразных. Кругом, в стеклянных ваннах, плавали внутренние органы, седые островки плесени, разноцветные культуры грибков, подвижные стайки тонких белых червей, десятки существ или биоаппаратов, не поддававшихся определению... Пользуясь дисковой пилой с пневматическим приводом, паласедрийцы разрезали мощную грудную клетку. Пять минут они проворно работали стеклянными скальпелями и пинцетами. Этцвейном овладело почти невыносимое напряжение — он отвернулся. Ифнесс, однако, настаивал: «Смотрите же!»

С профессиональной ловкостью, казавшейся со стороны наигранным изяществом, паласедрийцы извлекли плотный белесый мешочек, не больше двух стиснутых кулаков. Мешочек соединялся с рогушкоем двумя толстыми, провисающими щупальцами или нервами, углублявшимися в шею. Паласедрийцы осторожно сделали разрезы в темной плоти и позво-

ночном хряще, вскрыли основание черепа и полностью высвободили оба отростка, отделившиеся от мозга без повреждения. Влажный орган лежал на полированном столе. Внезапно он проявил признаки жизни — сморщился, задрожал. Бледная ткань разорвалась — из разрыва выползло многоногое, блестящее темно-коричневое существо, похожее на паука или краба. Паласедрийцы тут же схватили его пинцетами, сбросили в банку и захлопнули крышку. Банку поставили на полку рядом с двумя такими же.

«Полюбуйтесь: вот ваши супостаты, Гастель Этцвейн! — сказал Ифнесс Иллинет. — Когда я беседовал с Саджарано Сершаном, он называл свой внутренний голос «асутрой». Судя по всему, асутры — беспозвоночные, умеющие взаимодействовать на высочайшем интеллектуальном уровне».

Завороженный боязнью и отвращением, Этцвейн не мог оторвать глаз от насекомого, копошившегося в банке. Существо бугрилось хитиновыми извилинами, как маленький твердый мозг. Восемь членистых ног гнездились в утолщении основания панциря, каждая заканчивалась тремя жесткими короткими щупиками. На одном — переднем — конце панциря выделялось скопление темных комочков, окруженное венчиком тонких, непрерывно шевелящихся волокон.

«Мое непродолжительное знакомство с асутрами, — пояснял Ифнесс, — позволяет заключить, что они — паразиты или, точнее, симбионты, управляющие организмами хозяев. Полагаю, однако, что в естественной среде их носителями служат не люди и не рогушкой».

Этцвейн спросил срывающимся голосом: «Вы их видели — раньше?»

«Только однажды: я добыл экземпляр из тела Саджарано».

Десятки вопросов теснились в голове Этцвейна, мерзкие подозрения, не находившие словесного выражения... может быть потому, что он страшился их подтверждения. Этцвейн заставил себя забыть жалкое, искалеченное, застывшее в судороге тело Саджарано Сершана. Переводя глаза с одной банки на другую, он не различал на хитиновых панцирях ничего, что с уверенностью можно было бы назвать глазами, но не

мог избавиться от ощущения, что за ним следят, что его изучают.

«Высокоразвитые, специализированные организмы, — разглагольствовал Ифнесс Иллинет. — Тем не менее, так же, как люди, они удивительно неприспособлены и, несомненно, способны выживать самостоятельно».

Этцвейн знал ответ на свой вопрос прежде, чем задал его: «Что случилось с Финнераком?»

Ифнесс указал на среднюю банку: «Вот асутра, поселившаяся в теле Джерда Финнерака».

«Он мертв?»

«Конечно, мертв — чего вы ожидали?»

«Снова и снова, — говорил Ифнесс гнусавым тоном человека, в десятый раз излагающего прописную истину, — вы настаиваете на том, чтобы я предоставлял информацию, не имеющую для вас существенного значения или доступную без моего содействия. Тем не менее, в данном случае я сделаю исключение. Возможно, мне удастся избавить вас от тревог и замешательства, вызванных непростительной непроницаемостью.

Как вам известно, мне было приказано покинуть Дердейн. По мнению представителей Исторического института, я позволил себе безответственное вмешательство в ход событий. Я убедительно обосновал противоположную точку зрения. Ситуация уникальна — меня поддержали достаточным числом голосов. Мне поручили вернуться на Дердейн, на меня возложили новые полномочия.

Я без промедления прибыл в Гарвий, где к своему удовлетворению убедился, что вы действуете энергично и решительно. Другими словами, как только население Шанта обрело достойного руководителя, оно отреагировало на угрозу своему существованию с присущими всем людям жизнелюбием и находчивостью».

«Зачем было создавать угрозу в первую очередь? Зачем захребетники натравили на нас рогушкоев? Что им нужно в Шанте? Бессмысленное вредительство!»

«Напротив, вполне осмысленное. Дердейн — изолированный от остального человечества мир, где можно незаметно экспериментировать на людях. По-видимому, асутры подозревают, что галактическая экспансия земной цивилизации приведет к неизбежному проникновению человека в сферу их влияния. Возможно, в прошлом им уже приходилось иметь дело с людьми — с плачевными для них результатами.

Не забывайте: они паразиты. Преследуя свои цели, они действуют через посредников, «загребают жар чужими руками». Для них это самая естественная, самая выгодная, интуитивно верная стратегия. Поэтому в первую очередь они создают биологическое оружие — подобие человека, способное оплодотворять человеческих самок, одновременно делая их непригодными для размножения людей. Самый экономный способ ликвидации! Вспомните, что именно такими методами люди не раз уничтожали насекомых-вредителей.

Рогушкой — выдающееся достижение. Несомненно, сотни — возможно, тысячи похищенных мужчин и женщин закончили свои дни в лабораториях ракообразных вивисекторов. Посреди ночи одна эта мысль кого угодно заставит проснуться к холодному поту. С точки зрения их создателей рогушкой — приемлемая имитация людей. Разумеется, это не так! Человек за версту распознает в них чудовищ. Тем не менее, они соответствуют своему биологическому предназначению.

Создав условия эксперимента, хороший экспериментатор некоторое время не вмешивается в события — для устранения ошибок необходимо их выявление. Поэтому сразу после высадки рогушкоев в тело Аноме водворяется наблюдатель. Та же судьба уготована ближайшим помощникам Аноме, благодетелям. Механизм, позволяющий асутре контролировать организм хозяина, еще не вполне изучен. Саджарано жаловался на «томление души», «веления внутреннего голоса», «внутреннюю необходимость». Финнерак тоже говорил о велениях совести, о внутреннем голосе, о необходимости доверять инстинктам. Очевидно, в своих лабораториях асутры научились манипулировать сильнейшими бессознательными стимулами, формирующими человеческое поведение.

В качестве биологического оружия рогушкой оказались неэффективны — эксперимент провалился. Как только мы положили конец неестественной пассивности Аноме, народы Шанта объединились перед лицом общего врага — даже дикие звери объявляют перемирие, когда им угрожают наводнение или пожар. Конечно, асутры могли завоевать Шант, снабдив рогушкоев дальнобойным разрушительным оружием. Но такое оружие дорого стоит. Рогушкой же бешено размножались на подножном корму, не требуя дополнительного вложения средств. Кроме того, основная цель эксперимента заключалась не в завоевании планеты, а в проверке и отработке методов опосредованной паразитической нейтрализации будущего противника.

Что, если людей можно уничтожить, побуждая их уничтожать друг друга? Здесь я еще не уверен в своих выводах, но мне кажется, что такова была основная идея манипуляции Финнераком. Подстегивая естественные для него дерзость и упрямство, но не вступая в конфликт с его инстинктами, а скорее чрезмерно потакая им, асутры добились того, что по вине Финнерака едва не вспыхнула межконтинентальная война.

Второй эксперимент тоже провалился — хотя применение принципа «разделяй и властвуй» свидетельствует о том, что асутры уже опасно приблизились к пониманию человеческой природы. Они, однако, недостаточно подготовились. Подозреваю, что попытка посорить Шант с Паласедрой была поспешной импровизацией».

«Хорошо, пусть так, — Миаламбер хмурился. — Почему же они выбрали Финнерака — если, например, Гастель Этцвейн всегда оказывал более существенное влияние на события?»

«Некоторое время Финнерак производил впечатление человека, сосредоточившего в своих руках неограниченную власть, — отозвался Ифнесс. — Он контролировал Разведывательное управление, командовал Бравой Вольницей. Его звезда восходила — Джерд Финнерак пал жертвой своей удачи и своего успеха».

«Пожалуй, вы правы, — признал Миаламбер. — Между прочим, я точно помню, когда именно Финнерак перестал быть самим собой. Как-то раз он исчез на три дня...» Старый юрист замялся, бросив тревожный взгляд на Этцвейна.

В полутемной рыбацкой таверне наступила тяжелая тишина.

Этцвейн медленно опустил на стол сжатые кулаки: «Значит, так оно и есть. Я тоже сам не свой — во мне живет асутра».

«Любопытно! — заметил Ифнесс Иллинет. — У вас в ушах звучат странные голоса? Вас мучают приступы непреодолимой тоски? Вы постоянно разочарованы, подавлены? Таковы были первые симптомы разлада с асутрой, в конце концов заставившего Саджарано покончить с собой».

«У меня нет таких симптомов. Тем не менее, меня усыпили на три дня — так же, как Финнерака. Те же «парфийцы» орудовали в моем отеле. Я погиб, но асутры опоздали — цель достигнута, моя смерть ничего не изменит! Пойдемте в лабораторию и положим конец всей этой возмутительной комедии!»

Ифнесс Иллинет успокоительно приподнял ладонь: «Все не так плохо, как вы себе представляете. Я догадывался, что асутры непременно вами заинтересуются, и принял меры предосторожности. В частности, я остановился в номерах отеля «Гриндиана», рядом с вашими. Попытка приживить вам асутру была пресечена, а «парфийцы» ликвидированы. Насекомое, пожелавшее вступить с вами в симбиотическую связь, отправилось на Землю в склянке. Вы проснулись через три дня, проголодавшись и не понимая, что произошло — целый и невредимый».

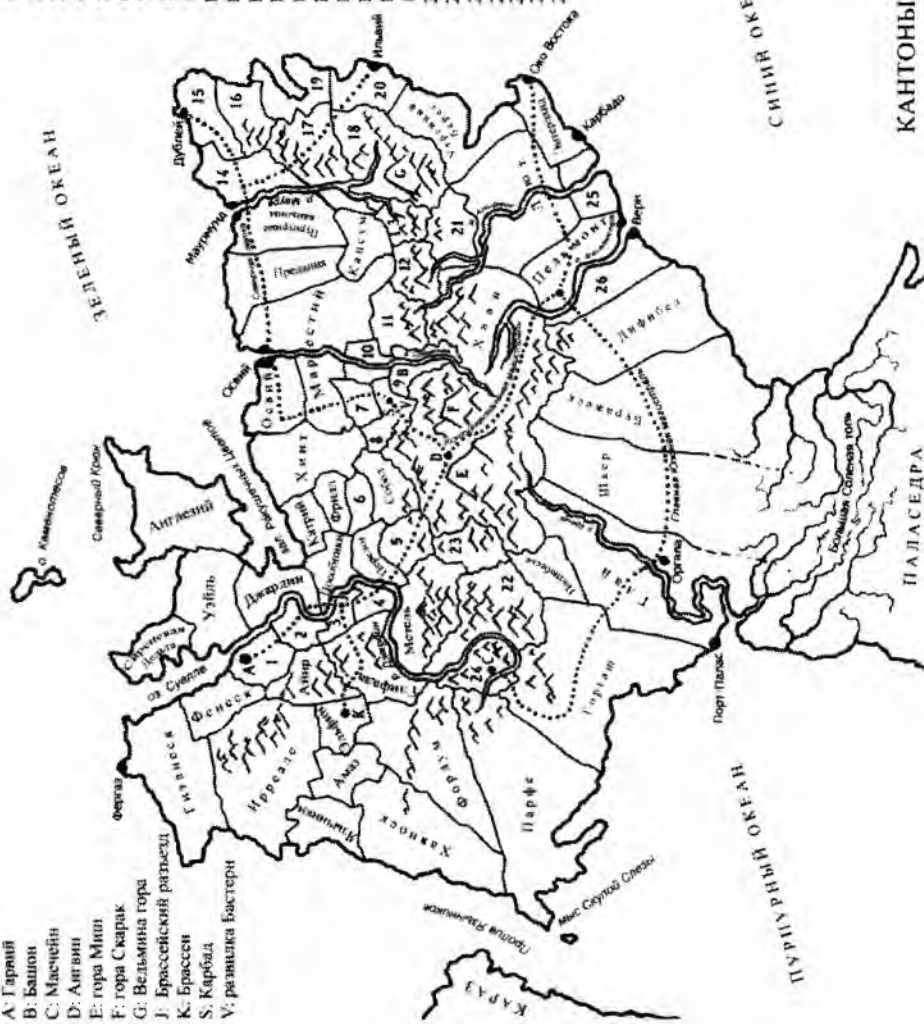
Этцвейн вздохнул и опустил голову.

Ифнесс продолжал: «В Шанте асутры потерпели поражение — материально несущественное, но психологически сокрушительное. Благодаря бдительности Исторического института их эксперименты привлекли к ним внимание — а именно этого они старались избежать. Что нам удалось узнать? Мы знаем, что асутры ожидают конфликта с человечеством и готовятся к нему. Судя по всему, наступает эпоха

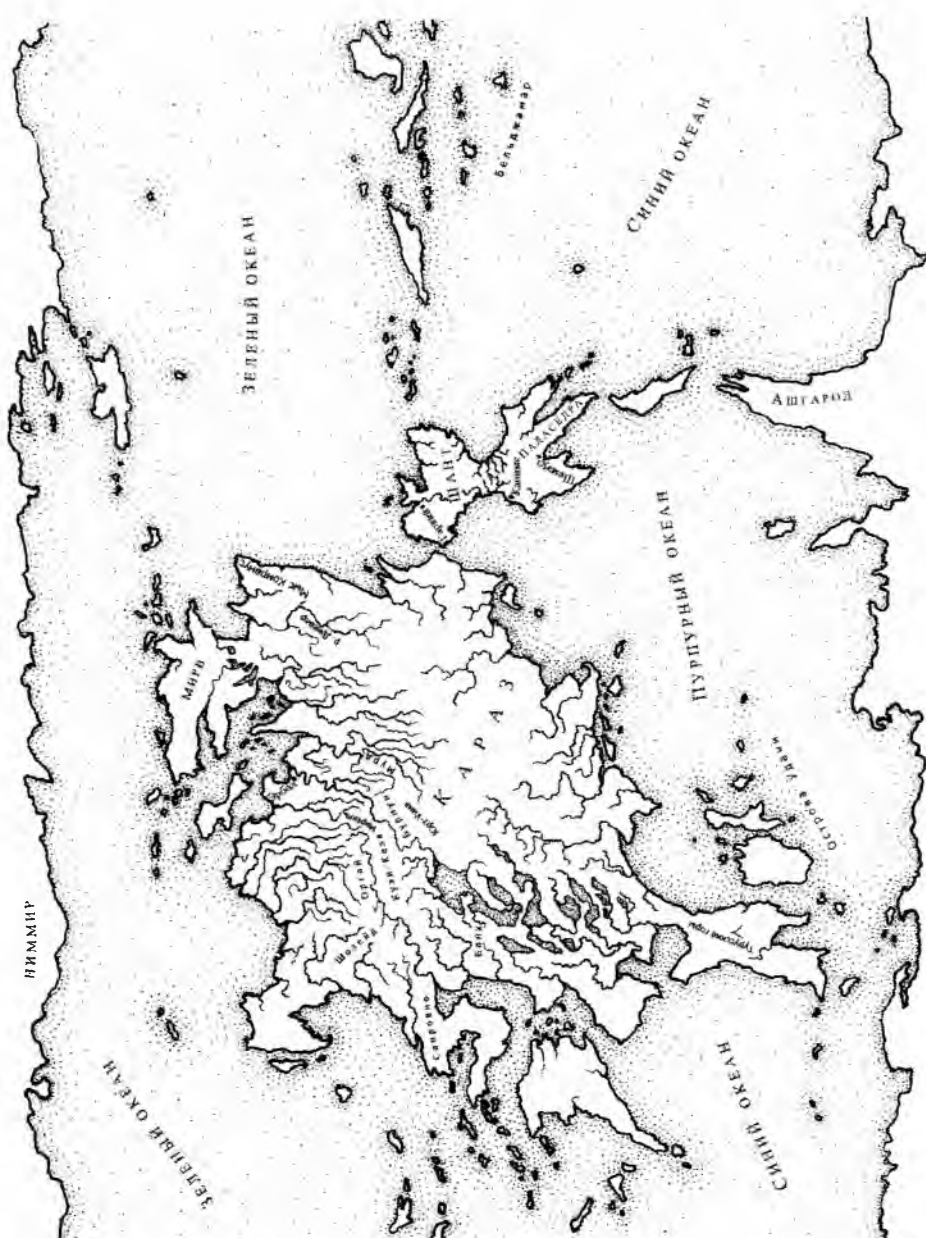
столкновения двух галактических цивилизаций, чьи способы существования и представления о сотрудничестве поистине несовместимы... Ага! Канцлер Ста Суверенов почтил своим присутствием наше убогое пристанище. Надо полагать, он явился сообщить, что ваш планер готов к отлету. Господа, должен признаться, меня не прельщает перспектива питаться вонючей рыбой и спать на надгробии. С вашего разрешения я составлю вам компанию и вернусь в благословенный Шант...»

А: Гарний
В: Башон
С: Масефин
D: Антани
Е: гора Мипл
F: гора Скарпак
G: Вельмина гора
J: Брасейский разъем
K: Брасен
V: Карбад
S: развилка Бастери

1: Гарний
2: Диска Рота
3: Майс
4: Эрсван
5: Теней
6: Трестеван
7: Аскалон
8: Шамюс
9: Бастери
10: Феррий
11: Булоран
12: Шкорин
13: Суррум
14: Зелене Утесы
15: Одинокий Мыс
16: Гальсанд
17: Ауум
18: Вельмина Гора
19: Гларрис
20: Ильоний
21: Лор-Ауфен
22: Лор-Аульг
23: Шаллоран
24: Массевх
25: Банк
26: Вери

КАНТОНЫ ШАНТА

4203744R00138

Printed in Germany
by Amazon Distribution
GmbH, Leipzig

Гениальный американский писатель, не только богатством языка и воображения, но и глубиной понимания человеческой природы превосходящий большинство современных авторов, Джек (Джон Холбрук) Вэнс родился 28 августа 1916 года в Сан-Франциско. Вэнс провел детство на скотоводческой ферме, рано оставил учебу в школе и несколько лет работал на строительстве, посыльным при отеле, на консервной фабрике и на дноуглубительном снаряде, после чего поступил в Университет штата Калифорния в Беркли, где получил диплом горного инженера, а также изучал физику, журналистику и английский язык; некоторое время он работал электриком в доках ВМФ США в Перл-Харборе на Гавайях (откуда вернулся в Сан-Франциско, чтобы учить японский язык, за два дня до нападения японцев).

На корабле американского торгового флота Вэнс написал свой первый рассказ. Мало-помалу его рассказы и повести начали издавать в журналах, но за них платили так мало, что Вэнсу приходилось несколько лет зарабатывать на жизнь плотницким ремеслом. В 1946 г. Вэнс встретил Норму Ингольд и женился на ней. В 1950-х годах они много путешествовали по Европе, а в 1960-х провели несколько месяцев на Таити, но главным образом жили в Окленде, в Калифорнии. Вэнс стал постоянно зарабатывать писательским трудом в конце 1940-х гг. Помимо множества известных книг и рассказов, написанных в свойственном только ему стиле сочетания детективно-приключенческой фантастики и социальной сатиры, Вэнс опубликовал ряд чисто детективных повестей, а также знаменитую трилогию «Лионесс» — мастерский образец жанра «фэнтези». К старости Вэнс ослеп, но до последнего времени продолжал писать с помощью специализированной компьютерной системы. Джек Вэнс жил в небольшом старом доме на крутом склоне, в калифорнийских холмах Окленда.

ISBN 9781499300871

9 781499 300871

90000 >

